

Министерство образования и науки РФ
ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет - УПИ»
ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия»

КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Учебно - методическое пособие

Под общей редакцией доктора социологических наук, профессора В. Т. Шапко

Екатеринбург, Н. Тагил
2004

УДК 347.471
ББК 60.5
К90

Рекомендовано кафедрой социологии и
социальных технологий управления
Уральского государственного техническо-
го университета – УПИ

Рецензенты:

*д-р политических наук, проф. кафедры социально-политических наук В.
Н. Руденкин;*

*зав. кафедрой социологии УрГПУ, д-р философских наук, проф. Л. Я. Ру-
бина.*

Учебное пособие подготовлено авторским коллективом:

Казаков Е. С. – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры философ-
ских наук НТГСПА – введение, темы 1, 3, 4, 5;

Шапко В. Т. – д-р социол. н., проф. кафедры социологии и СТУ УГТУ-
УПИ – введение, темы 1, 2, 4, 6 (общая редакция);

Чегодаева Т. А. – зам. председателя профкома УГТУ-УПИ – тема 6.

**К90 Культура гражданственности: Учебное пособие/Под общ. редакцией
проф. В. Т. Шапко.– Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. – 180 С.**

ISBN 5-8057-0426-9

В книге в рамках социологического анализа рассматриваются концепции граж-
данского общества, его социокультурные характеристики, культура гражданствен-
ности как его личностно-культурное измерение, ее структура и факторы формирования.
Такому содержанию книги адекватен преимущественно используемый авторами со-
циокультурный подход. Книга адресована студентам, изучающим курсы «Социоло-
гия», «Политология». «Культурология», аспирантам и соискателям социологических
и культурологических специальностей, всем интересующимся социологическими и
культурологическими проблемами, организаторам молодежного движения и работни-
кам социальных служб по работе с молодежью.

© Уральский государственный техниче-
ский университет – УПИ, 2004

© Нижнетагильская государственная со-
циально-педагогическая академия, 2004

© Авторы, 2004

ISBN 5-8057-0426-9

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	5
<u>1. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН</u>	7
1.1. Понятие «гражданское общество» в истории западной общественной мысли.	7
1.2. Современные концепции гражданского общества.	11
1.3. Проблема гражданского общества в отечественной социально-политической литературе. Институциональный подход.	14
1.4. Социокультурные характеристики гражданского общества.	20
1.5. Гражданское общество как цивилизационная характеристика.	25
1.6. Полипарадигмальный подход к гражданскому обществу	33
<u>2. КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ</u>	40
2.1. Концепции культуры.	40
2.2. Актуальная культура.	48
2.3. Культура гражданственности.	60
<u>3. СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ</u>	66
3.1. Измерения культуры гражданственности.	66
3.2. Элементы культуры гражданственности личности.	71
<u>4. КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ</u>	90
4.1. Социоресурсный подход.	90
4.2. Молодежь как социальный ресурс формирования культуры гражданственности.	97
4.3. Городская молодежь в зеркале конкретно-социологических исследований.	102
<u>5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ</u>	126
5.1. Понятие общественной организации.	126
5.2. Классификация общественных организаций.	130
5.3. Эмпирическое исследование общественных организаций.	133
<u>6. ПРОФСОЮЗ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ</u>	142
6.1. Профсоюз в современном российском обществе	142
6.2. Профсоюзы и проблемы социального партнерства	147
6.3. Особенности деятельности профсоюза сферы образования	152
6.4. Профсоюз как фактор формирования культуры гражданственности	156
<u>ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ</u>	162
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>	164

ВВЕДЕНИЕ

Культура гражданственности (и как социокультурный феномен, и как понятие) представляет собой своеобразный синтез двух начал, одно из которых связано с гражданским обществом, а другое с культурой. В таком порядке они и будут рассматриваться в нашей работе.

Социальные изменения, происходящие в России в постсоветский период, ставят перед нашим обществом разносторонние задачи по модернизации социально-экономической и политической систем, преодолению нестабильности, росту основных макроэкономических показателей, снижению уровня социальной напряженности, в целом – по улучшению комфортности и безопасности социальной среды обитания россиян. На современном этапе развития гуманитарного знания и, в частности, социологической науки одним из господствующих убеждений является то, что эти задачи могут быть решены путем формирования гражданского общества.

Такая постановка проблемы определила пристальное внимание исследователей к гражданскому обществу, стимулировала его изучение на уровне теории и конкретных исследований. В целом, отечественная наука достаточно успешно разрабатывала многие вопросы в рамках данного направления. Однако сегодня теория гражданского общества еще далека от завершения: не устранены многочисленные методологические противоречия, недостаточно четко определены основные категории, отсутствует системность и комплексность в изучении гражданского общества, взаимосвязи между различными подходами, недостаточно точно определены роли и функции различных групп населения в процессах, связанных с формированием гражданского общества, критерии, по которым можно было бы эти роли и функции определить. Также нельзя не отметить преобладающую роль институционального, формально-нормативного подходов к проблеме гражданского общества, которые постепенно исчерпывают свои возможности и нуждаются в дополнении.

Но среди многочисленных противоречивых тенденций и оценок сложно найти ориентиры и с уверенностью определить: действительно ли, несмотря на многочисленные контртенденции, в России формируется гражданское общество и есть надежда на решение стоящих перед Россией модернизационных задач, либо формирование демократических институтов было лишь случайным отклонением от общего авторитарного вектора развития.

Сложности концептуализации научных представлений о гражданском обществе неразрывно связаны с проблемами в области практики общественных отношений. Термин «гражданское общество» встречается сегодня в лексике представителей самых разнообразных политических сил, является отправной точкой программной деятельности многих общественных организаций. Но концептуальная неясность, отсутствие комплексного взгляда, определившего бы место и взаимосвязь различных методологических и мировоззренческих позиций, препятствует складыванию мощного социального движения, направленного на формирование гражданского общества. В то же время в современной России сужается сфера прав и свобод граждан, которые становятся все более зави-

симыми от государственно-бюрократических структур, недоступных для общественного контроля и ответственности.

В этих условиях проблема формирования гражданского общества дополняется новыми содержательными аспектами. Во-первых, результаты институциональных преобразований в постсоветской России показали, что формирование новой социальной среды определяется не столько изменением нормативно-организационных условий, сколько культурной динамикой. Следовательно, гражданское общество необходимо рассматривать как социокультурный феномен, в котором форме социальной организации соответствует определенный тип культуры.

Во-вторых, исследования культуры современного российского общества вскрыли ее противоречивость в отношении демократизма и авторитаризма, базирующуюся на инертности ценностей, убеждений, взглядов и жизненной практики поколений советской генерации. Основные надежды на формирование гражданского общества связываются с новыми поколениями, формирующимися в постсоветский период. Это в свою очередь актуализирует задачи по определению места молодежи в процессах, связанных со становлением гражданского общества, ее возможностей формирования культуры гражданского общества и ролью внешних факторов в данных процессах.

1. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

План:

1. Понятие «гражданское общество» в истории западной общественной мысли.
2. Современные концепции гражданского общества.
3. Проблема гражданского общества в отечественной социально-политической литературе. Институциональный подход.
4. Социокультурные характеристики гражданского общества.
5. Гражданское общество как цивилизационная характеристика.
6. Полипарадигмальный подход к гражданскому обществу.

Основные понятия темы:

Гражданское общество, гражданское объединения, демократия, «третий сектор», социальный капитал, институциональный подход, социокультурный подход, полипарадигмальная методология, гражданин.

1.1. Понятие «гражданское общество» в истории западной общественной мысли.

Сложности интерпретации понятия «гражданское общество», многообразие его трактовок, определений и, в конечном счете, различные подходы к изучению проблем формирования и функционирования гражданского общества как социального явления возникают по ряду причин. Одной из наиболее существенных является сложность, многоаспектность этой специфической формы социальной самоорганизации, которая наблюдается в ряде западных обществ и уже привычно характеризуется исследователями как «гражданское общество». С другой стороны, на сложный характер явления накладываются многочисленные определения, сформированные в рамках западной социально-философской мысли на протяжении достаточно длительного времени.

В трудах практически всех представителей западной социальной философии, начиная с эпохи Античности и заканчивая современностью, можно найти определенные идеи о должном порядке взаимоотношений человека и общества, человека и государства. Однако многие из этих идей, в силу того, что до времени Д. Локка в социальной философии отсутствовало фундаментальное разделение общества и государства¹, могут рассматриваться как *предпосылки* концепции гражданского общества, наиболее полно развернутой в трудах мыслителей XVII-XIX вв.²

Большое влияние на развитие представлений о гражданском обществе оказали работы И. Канта, в первую очередь, «Метафизика нравов», в которой на-

¹ Шацкий Е. Протoliberalизм: автономия личности и гражданское общество//Политические исследования, 1997, №5. С. 83.

² Васильев В. А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки//Социально-политический журнал, 1997, №4. С. 92. См. также: Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2002.

шли отражение многие этико-правовые и этико-политические идеи. И. Кант выделяет особое состояние отдельных индивидов в составе народа, которое характеризуется специфическим гражданским статусом. Правовыми атрибутами гражданского статуса являются: «основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское *равенство*..., гражданская *самостоятельность* – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого..., а своим собственным правам и силам».¹ Примечательно, что И. Кант, считая главным признаком гражданина способность участвовать в государственной власти путем голосования, разделяет понятия пассивного и активного гражданина. Первый лишь обладает вышеперечисленными правами, не реализуя их, второй же ими активно пользуется для достижения собственного благосостояния.² В философии И. Канта намечается антиномия двух состояний индивида – как представителя гражданского общества, реализующего собственные интересы, и как гражданина государства, для которого главным является общественный интерес. В качестве фактора, связывающего эти противоположные состояния в гармоничное целое, И. Кант выделяет культуру.³ Весьма важным для формирования аксиологической основы современной концепции гражданского общества стал кантовский принцип: «В каждом человеке должно видеть не простое только средство, но также и цель»⁴.

В XIX века исследование гражданского общества стало приобретать черты социальной теории, описывающей особое состояние общества, существующего на основе «коллективного сознания», «сознательности», «органической солидарности» (Э. Дюркгейм). В таком обществе люди находятся во взаимной зависимости друг от друга, признают взаимные обязательства друг перед другом и частные интересы других людей (Г. Гегель, К. Маркс). Это понятие было введено в науку для описания и анализа состояния западных обществ в *то время*⁵, которое помимо всего прочего известно и как эпоха политической и культурной интеграции, приведшей к формированию централизованных национальных государств. Поэтому под гражданским обществом понималось такое, в котором люди объединены вокруг политического центра, «главные культурные и политические ценности всего общества становятся частью сознания индивидуумов, а нормы закона, морали... - естественной частью менталитета индивидов, принявших их в качестве регуляторов собственного поведения»⁶.

Так, Г. В. Ф. Гегель, рассматривая гражданское общество как сферу деятельности граждан по реализации своих частных интересов, находящуюся «между семьей и государством», все же подчеркивает, что частное и особенное в целях и интересах граждан подчинено (или, по крайней мере, не противостоит)

¹ Кант И. Метафизика нравов//Немецкая классическая философия. Т. 1. Право и свобода. – М., Харьков, 2000. – С. 120.

² Там же С. 121.

³ Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. – М., 1984. С. 35.

⁴ Шульце-Геверниц Г. Маркс или Кант?//Фауст и Заратустра. – СПб., 2001. С. 114.

⁵ Рукавишников О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М.: «Совпадение», 2000 – С. 109 - 110.

⁶ Там же.

всеобщему, носителем и выразителем которого является государство, преодолевающее разрозненность и эгоизм индивидов¹. Эта подчиненность целей и интересов гражданского общества государству в философской системе Гегеля является одним из факторов, позволивших К. Попперу считать, что философия Гегеля не была философией свободного гражданского, «открытого» общества, а наоборот – служила цели укрепления германской абсолютной монархии путем создания соответствующей философско-идеологической доктрины.²

Классической в рамках проблематики гражданского общества считается книга А. де Токвиля «Демократия в Америке». В ней впервые в социально-философской мысли описываются добровольные гражданские объединения неполитического характера (ассоциации), выполняющие весьма важные функции. В частности, они выступают в качестве интеграторов индивидуальных гражданских интересов, придают гражданским действиям определенную силу, уравнивая граждан и государство, давая первым возможность эффективно влиять на последнее³. Ю. Хабермас, однако, указывает на незавершенность концепции А. де Токвиля, отражавшей взгляды буржуа, испытывавшего страх перед неограниченной политической волей общественных низов, и поэтому выступавшего за «ограниченную» демократию.⁴

Исследования А. де Токвиля согласуются с данными наблюдений М. Вебера, проводившихся в Америке в начале XX века. Политические и социальные функции многочисленных ассоциаций (религиозных сект, школьных и студенческих кружков, светских клубов предпринимателей и т.д.) не составляют непосредственно предмета его исследования. Но М. Вебер указывает специфическую черту американской демократии, представляющей собой не хаотическое скопление индивидов, а совокупность добровольных («волюнтаристских») союзов. По словам немецкого социолога, полноправным участником демократии мог быть только член какого-либо объединения. Равноправие же *внутри* этих союзов было предпосылкой гражданского равенства *вовне*.⁵

Сложно дать однозначную оценку влиянию К. Маркса на теорию гражданского общества. Гражданское общество он определяет как совокупность материальных жизненных отношений,⁶ форму материального общения индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил, которая выступает в виде национальности и строится изнутри как государство.⁷ Для К. Маркса гражданское общество было формой буржуазного государства (в немецком языке термины «гражданский» и «буржуазный» обозначаются одним словом - *buergerlich*), основанного на частной собственности, порождающей эксплуата-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права/В кн.: Немецкая классическая философия. Т. 2. Право и Свобода. – Москва-Харьков, 2000. С. 502-506.

² См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М. 1992. С.36-96.

³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 1992. С. 375-385.

⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью – М., 1995. С. 21.

⁵ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма/Избранные произведения. – М., 1990. С. 280-281.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т.13. С.

⁷ Маркс К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей: Фейербаха, Бауэра, Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков/Там же. Т. 3. С. 35.

цию, а, следовательно, – подлежащего упразднению.¹ Капиталистическая система производства порождает, по К. Марксу, наиболее отчужденные от человеческой сущности интересы, стремления, желания,² и гражданское общество как сфера их реализации для него не является ценностью. Во многом такая позиция была обусловлена характером рассуждений о гражданском обществе в XIX в., отождествлением демократии и гражданского общества с капиталистическим укладом, что, естественно, скрывало, «затушевывало» характер идей и убеждений, ставших основой демократии и гражданского общества.³ В целом, марксистская критика буржуазного общества середины XIX в. оказала серьезное влияние на разработку ориентиров общественного развития в западной философии.

Также в западноевропейской науке XIX - XX вв. (в первую очередь, культурологии) гражданское общество рассматривалось как определенный тип социальной системы общества, как цивилизационный тип. В частности, все человеческие общества разделялись на *societas* (собственно «общества») и *civitas* (гражданские общества). Под гражданским понималось такое общество, структура которого основана на экономической (профессиональной) дифференциации, а не на религиозной, этнической, кастовой, то есть «классовая структура является политической проекцией экономических институтов».⁴ Идентификация в таком обществе основана на общности территории, а не на кровном родстве, конфессиональной принадлежности и т.д., территориальный принцип положен и в основу политического устройства.⁵ Фактически такое понимание гражданского общества играло инструментальную роль и служило для отделения цивилизаций Запада от незападных типов.

Ф. Тённис, разделяя различные социальные явления на общности и общества, понимает под гражданским обществом «завершенную форму» общества, в котором общностная социальная жизнь сводится к минимуму, а наибольшее распространение получает взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих *личностей*. Являясь, по Ф. Тённису, совокупностью семей и индивидов, обладающих частью гражданского богатства (землей или капиталом), оно представляет собой явление преимущественно экономического характера. В рамках границ, определяющихся общностью языка, гражданское общество порождает государство, скроенное по типу городской общины и служащее достижению целей граждан.⁶

¹ Васильев В. А. Указ. соч. С. 104.

² См.: Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса/Душа человека. – М., 1998. С. 616-627.

³ Зидентоп Л. Демократия в Европе. – М., 2001. С. 71.

⁴ Уайт Л. Государство-церковь: его формы и функции//Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб, 1997. С. 291.

⁵ Уайт Л. Указ. соч. С. 291-292.

⁶ Тённис Ф. Общность и общество//Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 243-244.

1.2. Современные концепции гражданского общества.

Современная концепция гражданского общества начала формироваться во второй половине XX века под воздействием нескольких факторов. Большое влияние оказали результаты исследований политической культуры, в ходе которых было обнаружено серьезное противоречие между наблюдаемой действительностью и результатами исследований. Точнее, в обществах с наиболее развитой, устойчивой демократией наблюдалось преобладание наиболее «низких» уровней политической культуры, характеризующихся политической пассивностью индивида и отсутствием у него устойчивого интереса к политике.¹ В таких обществах наблюдается ослабление политического представительства, общественные интересы стремятся получить более прямое выражение благодаря отдельным от партий общественным движениям.² Это и подтолкнуло исследователей к концепции гражданского общества, которое стало пониматься как часть социального организма, существующая независимо от государства, решающая социальные проблемы, реализующая свои цели за счет деятельности отдельных граждан и их объединений.

ругим фактором, давшим исследованиям гражданского общества новый импульс, стала критика массовой демократии, развернутая некоторыми представителями современной социальной науки. В условиях массовой демократии граждане удалены от реальных процессов принятия решений политическими (в том числе партийными) элитами, которые узурпируют политическую активность, оставляя рядовым гражданам только возможность формального волеизъявления, в результате которого институционализируются только решения большинства. Выборы (основной механизм участия в массовой демократии) определяют только персоналии руководства безотносительно мотивов и содержания их деятельности, что практически нейтрализует политическое участие. В целях достижения политической легитимности власть обеспечивает реализацию потребительских интересов личности, нейтрализуя роль гражданина и искусственно «раздувая» роль клиента бюрократических структур³. Культура в таких обществах теряет свои идеологические функции, она не вскрывает противоречий между должным и сущим в системе общественных отношений, общественный дискурс разворачивается вокруг искусственно формируемых, низких по интеллектуальному содержанию потребностей. Это открывает элитам и бюрократическим структурам возможность манипуляций рядовыми гражданами для реализации собственных зачастую корыстных целей.⁴ Эти недостатки массовой демократии исправляются путем формирования гражданского общества.

Из числа крупных мыслителей современности, придерживающихся такой позиции, можно выделить Ю. Хабермаса, рассматривающего гражданское об-

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. – Екатеринбург, 1997. – С. 180.

² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998. – С. 51.

³ См.: Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма/Теоретическая социология. Антология. Т. 2. – М., 2002. С. 353-372

⁴ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М., 1994. – 368 с.

щество, в первую очередь, в качестве добровольных ассоциаций граждан, возникающих вне деятельности государственной администрации и рынка.¹ Выделяя ассоциированную вне государства и рынка общественность, Ю. Хабермас, однако, подчеркивает ее включенность в политический дискурс в качестве сферы, производящей и консолидирующей интересы граждан.² В социально-политической системе данный мыслитель выделяет новый принцип разделения властей: власть административная и власть коммуникативная; ассоциации общественности и составляют коммуникативную власть. Смысл демократического государства сводится к определению институциональных форм общества, к своеобразному обслуживанию, сервису.³ Необходимо отметить, что Ю. Хабермас включает в гражданское общество не только общественные структуры, но и неассоциированную общественность («сферу необобщенной деятельности индивидов»⁴).

А. Арато и Дж. Коэн развивают идеи Ю. Хабермаса, обращая основное внимание на посредническую роль гражданского общества во взаимоотношениях между индивидом и государством.⁵

Однако концепция Ю. Хабермаса не бесспорна, и главным оппонентом данного мыслителя, оспаривающим многие его выводы, является М. Фуко. В целом, для Ю. Хабермаса принципиальным вопросом является, как достичь консенсуса либо компромисса между большинством и меньшинствами в рамках единого политического дискурса, коммуникации, в которую органично включается государство, являющееся своеобразным партнером общества, уполномоченным законом. Именно взгляды на роль государства и на вытекающий из этого порядок взаимоотношений государства и гражданского общества составляют основное различие концепций двух мыслителей. Для М. Фуко государство, всякая власть (в том числе и демократическая) является принципиальным ограничителем свободы. Закон, институты, политические линии и планы (элементы политического дискурса) не дают никаких гарантий свободы, равенства и демократии. Задача гражданского общества, по М. Фуко, не поиск консенсуса, а острая критика внешне нейтральных государственных институтов, выявление осуществляемого ими скрытого насилия и борьба с ним. Сопротивление и борьба, в противоположность консенсусу (или компромиссу), - вот для М. Фуко самая надежная основа для практики свободы.⁶ Во многом, такая позиция перекликается со взглядами на гражданское общество, получившими распространение в связи с постсоциалистическими преобразованиями в государствах Восточной Европы. В таких концепциях гражданское общество противопоставляется государству, отождествляется с политическим диссидентст-

¹ См.: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 46-54.

² См.: Ю. Хабермас. Указ соч., см. также: А. Денежкин. Фактичность и значимость Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства//Хабермас. Ю. Указ. соч. С. 181-207.

³ См. там же

⁴ Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие//Социально-гуманитарные знания. 2002, №2. С. 154.

⁵ Там же.

⁶ Фтивбьерг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества//Вопросы философии, 2002, №2. - С. 148-149.

вом,¹ является эффективным средством против усиления государственной власти.²

При более внимательном рассмотрении концепций вышеназванных мыслителей можно отметить, что они в большей степени взаимно дополняют друг друга. Ю. Хабермас уделяет основное внимание компромиссу между *различными общественными силами*, а не компромиссу между обществом и государством (которое не обладает самостоятельной политической волей, проявляя активность лишь в наблюдении за выполнением правил общественно-политической игры и в институционализации компромиссных решений). В то же время государство нуждается в постоянном контроле со стороны общественности, так как в реализации государственной власти могут принять участие нечистоплотные в политическом плане индивиды и группы, стремящиеся использовать этот инструмент для достижения корыстных индивидуальных и групповых целей. В этом случае государство может стать источником явного или скрытого насилия, что требует незамедлительной реакции со стороны общественных организаций и движений.

В последней четверти XX века на понимание гражданского общества в западном гуманитарном знании оказала концепция социального капитала Дж. Коулмэна. Социальный капитал характеризует систему связей между акторами социальных отношений и не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства.³ Он является производным от ценностей и неформальных норм, разделяемых представителями сообщества и делающими возможным их сотрудничество.⁴ Основными характеристиками социального капитала являются взаимное доверие, способность к сотрудничеству, партнерство. Социальный капитал считается условием нормального функционирования гражданского общества. Он позволяет разнородным группам объединяться и сотрудничать, чтобы защищать свои интересы, которыми в противном случае может пренебречь могущественное государство.⁵

Ф. Фукуяма понимает под гражданским обществом совокупность групп, формируемых на основе социального капитала – разделяемых общих ценностей, интересах, стремления к сотрудничеству, взаимопомощи. Однако такое понимание гражданского общества слишком широко, так как многие контркультурные группы (мафия, ку-клукс-клан) организуются на той же основе. Ф. Фукуяма включает их в состав гражданского общества, не смущаясь тем, что эти «гражданские» группы не разделяют основных гражданских ценностей.

Итак, мы видим, что даже столь краткий обзор взглядов западных исследователей на гражданское общество выявил неоднозначность понимания данного феномена.

¹ Civil Society and the State/John Keane. – London, 1988. P. 301. Цит. По: Беляева Ю. Н. Гражданские ассоциации и государство//Социологические исследования, 1995, №11. С. 109.

² Зидентоп Л. Указ. соч. С. 152.

³ Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий//Общественные науки и современность, 2001, №3. С. 124

⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М., 2003. С. 30.

⁵ Фукуяма Ф. Указ. Соч. С. 33.

1.3. Проблема гражданского общества в отечественной социально-политической литературе. Институциональный подход.

В последние пятнадцать лет XX века идея гражданского общества была «подхвачена» и в нашей стране, причем она сразу же сделалась не только научной концепцией, но и вошла в лексикон активистов общественных организаций и в политические программы в качестве одного из важнейших аспектов постсоветских преобразований. По мнению В. М. Резника, «... пожалуй, нет ни одной другой проблемы, которой бы уделяли столь серьезное внимание, как ученые-обществоведы, так и практические руководители, политические и общественные деятели. Она давно вошла в научный и политический язык, стала неотъемлемым атрибутом современных представлений об обществе, рыночной экономике, демократии, правовом государстве».¹ Именно с отсутствием или недостаточным развитием гражданского общества связываются неудачи в реформировании российского общества.² Актуальность проблем, связанных с формированием гражданского общества в нашей стране, настолько велика, что привлекает все новых и новых исследователей различных специализаций. «Унаследовав» различные подходы к рассмотрению этого сложного, поистине философского понятия, российские ученые добавили немало собственных его трактовок, отражающих зачастую не только сущность явления, но и частно-методологические позиции и специфические научные интересы. Это приводит к тому, что термином «гражданское общество» обозначаются различные явления и, как отмечают практически все исследователи данного феномена, пока в отечественной социологической науке отсутствует единство в определении гражданского общества.

В большинстве случаев современные отечественные исследования гражданского общества осуществляются в рамках структурно-функционального и институционального подходов, то есть, как правило, гражданское общество рассматривается с точки зрения общественной структуры, функций отдельных ее компонентов, как подсистема общества, совокупность специфических социальных институтов. Процессы формирования гражданского общества напрямую связываются с особым оформлением системы государственной власти, ее взаимодействия с негосударственными институтами и социальными общностями, группами, изданием необходимых законов, в целом, - появлением общественных институтов, свойственных гражданскому обществу. Таким образом, основные вопросы, возникающие в рамках данного подхода, сводятся к тому, какие институты и социальные механизмы необходимо развивать и поддерживать, чтобы существовало и успешно функционировало гражданское общество.

В рамках данной концепции под гражданским обществом понимается либо негосударственная часть социальной системы, либо сфера гражданской актив-

¹ Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации//Социальное партнерство государственных и неправительственных организаций как фундаментальный принцип гражданского общества. – М., 2000. С. 74

² Там же.

ности, существующая за рамками политических и экономических институтов общества – так называемый «третий сектор» - общественные организации. Такие взгляды разделяют многочисленные как российские, так и зарубежные исследователи.

Большинство определений сводят гражданское общество к «совокупности или системе посреднических (медиаторных) групп, которые относительно независимы от государства и негосударственных единиц производства и воспроизводства, способны планировать и проводить коллективные акции по защите/достижению своих интересов или устремлений, не стремятся при этом подменить собой государство».² Конкретно, в качестве таких медиаторных групп выступают добровольные гражданские (некоммерческие, неправительственные) организации, движения и коалиции граждан.³ Иногда в рамках данного подхода утверждается, что проблемы формирования гражданского общества нет – оно существовало на протяжении всей политической истории человечества в целом и в России, в частности,⁴ как негосударственная часть общества, в связи с чем предлагаются различные исторические типы гражданского общества: конфессиональное, общинное, корпоративное, клановое, свободная ассоциация граждан, идеологизированное, технократическое⁵. Поэтому основной целью общественных деятелей, руководителей и т.д. является налаживание особого взаимодействия, наиболее эффективного способа сотрудничества (партнерства), отношений взаимных прав, обязанностей и ответственности между государством и гражданским обществом⁶.

Функциональный аспект такого подхода заключается в рассмотрении функций гражданского общества: оформление интересов социальных групп, посредничество в выдвижении требований от граждан к государственным чиновникам, самовыражение, контроль соблюдения взаимных обязательств, распространение норм гражданского поведения, сопротивление тирании и произволу,⁷ а также преодоление атомизации индивидов и предоставление им независимой от государства сферы реализации интересов.⁸

¹ См.: Перегудов С. П. Институты гражданского общества и государство//Социологические исследования. 1995. №3.; Беляева Н. Ю. Гражданские ассоциации и государство//Социологические исследования. 1995. №11.; Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии//Политические исследования. 1996. №5.; Соловьев А.И. Три облика государства - три стратегии гражданского общества//Политические исследования, 1996, №3.; Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической организации России)//Политические исследования. 1999. №6; Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований//Политические исследования. 1995. №3. С. 48-57.; Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе//Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 5-21.; Зубов А. Современное российское общество и civil society: гранды наложения//Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 22-37. Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура//Pro et Contra. Т. 4. №1. С. 113-128 и т. д.

² Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 16.

³ Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское сообщество в России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. – Екатеринбург, 1998. С. 11-12.

⁴ Аринин А. Н. Государство для человека//Общественные науки и современность. 2000. №6. С. 49.

⁵ Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство//Государство и право. 2002. №2. С. 10

⁶ См.: Соловьев А. И. Указ соч.

⁷ Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 24.

⁸ Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие//Социально-гуманитарные знания. 2002, №2. С. 154.

Безусловно, такой подход к определению гражданского общества имеет ряд преимуществ как чисто научного плана, так и с точки зрения практики. Во-первых, он напрямую восходит к классикам проблематики гражданского общества. Под таким углом зрения гражданское общество рассматривалось, например, Г. Ф. В. Гегелем (как сфера между семейной жизнью и политической системой общества¹) и что очень важно – общепризнанным классиком теории гражданского общества А. де Токвилем (гражданское общество как негосударственная часть общества, совокупность добровольных ассоциаций²).

Данный подход также характеризуется положительными моментами, унаследованными у позитивистской методологии, основанной, в свою очередь на принципах естественнонаучного познания. К таковым можно отнести: 1) наглядную простоту и ясность, точность и определенность воззрений и 2) их «полезность», практическую применимость.³ Именно в рамках такого подхода формулируются достаточно четкие установки для непосредственного преобразования социальной реальности, реформирования институциональной системы общества, социоинженерной деятельности.

Жизнеспособность любой теории зависит не только от того, насколько успешно она объясняет окружающую действительность, запечатленную в эмпирических данных, но и от того, насколько самостоятелен ее предмет. В связи с этим исследователи отмечают, что теория гражданского общества не должна «смешиваться» с теорией демократии, но должна ее эффективно дополнять;⁴ и именно рассмотрение гражданского общества как неполитической части социальной системы и даже более узко – как совокупности общественных организаций, – соответствует этим требованиям.⁵

Например, по Ю. Хабермасу, демократия может функционировать в активном и пассивном режимах. При «пассивной» демократии политическая система не испытывает давления четко выраженных и консолидированных общественных интересов, граждане находятся один на один с государством, сама демократия является фактической «диктатурой большинства», которое может реализовать свои интересы через систему государственной власти. В рамках гражданского общества, являющегося частью демократического дискурса, происходит спонтанное возникновение горизонтальных неполитических коммуникаций и их центров - ассоциаций, которые объединяют граждан по интересам, способствуют реализации интересов меньшинства в пространстве гражданских прав и свобод.⁶ Концепция гражданского общества, таким образом, дополняет теорию демократии, способствуя более полному пониманию, более четкому определению исторических и современных типов демократии.

¹ Гегель Г. Ф. В. *Философия права*/В кн.: немецкая классическая философия. Т. 2. Право и Свобода. – М., Харьков, 2000. – С. 502-503.

² См.: Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. – М., 1992. С. 378-381.

³ Виндельбанд В. *Философия XIX века*/Фауст и Заратустра. – СПб, 2001. С. 33.

⁴ Голенкова З. Т. *Гражданское общество в России*//*Политические исследования*. 1997. №3. С. 25-26.

⁵ См.: Сунгуров А.Ю. *Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической организации России)*//*Политические исследования*. №6.1999.

⁶ См.: Хабермас Ю. *Указ. соч.*, см. также: Денежкин А. *Указ. соч.*

Однако данный подход не лишен и ряда недостатков, методологических сложностей, которые не являются секретом и для самих его последователей. Сложность заключается в том, что «...отделить "гражданское" и "экономическое" от политического - задача крайне непростая, практически невыполнимая. Гражданские ассоциации и движения выступают за изменения в общественно-политической жизни, либо находятся в прямом взаимодействии с государством... То же касается разделения "гражданского" и "экономического". Наиболее значимый в современной экономической системе институт - корпорация, - по признанию большинства политологов, относится к разновидности групп по интересам»¹.

Действительно, добровольные гражданские ассоциации крайне неоднородны с точки зрения их численности, способов деятельности, уставных целей. И если тезис о неполитическом характере деятельности справедлив в отношении различных клубов по интересам, то он практически неприменим в отношении профессиональных, правозащитных и им подобных организаций, которые часто пытаются вмешиваться в процессы принятия политических решений, выступают с законодательными инициативами и т.д. В современных развитых демократических обществах наблюдается снижение роли политических партий, что вызвано укреплением демократической культуры, в результате чего между различными партиями все меньше и меньше различий и как следствие – снижение интереса к политической борьбе, потеря электората. И в то же время общественные объединения активизируются в сфере принятия политических решений, играют роль фактора политической интеграции граждан, представительства их интересов во власти, выполняя тем самым функции партий.²

В данном случае стоит согласиться с мыслью представителей западной социологии, рассматривающих поле деятельности общественных организаций как сферу «субполитизации»³ общества, как «экспериментальное поле демократии»,⁴ что подразумевает отличие гражданских ассоциаций от политических партий (непосредственно включенных в политическую сферу посредством парламентских фракций), но также не исключает возможности общественных организаций влиять на принятие политических решений. А. де Токвиль отмечал в качестве положительных свойств ассоциаций американских граждан именно то, что они нашли способы политического влияния, эффективного взаимодействия с государственными институтами.⁵

То же самое касается и попыток отделения общественных организаций от экономической сферы. Дело в данном случае не только в некоем подобии гражданских ассоциаций и корпораций, но и в том, что сами общественные организации зачастую напрямую выполняют существенные экономические функции:

¹ Перегудов С. П. Гражданское общество: "трехчленная" или "одночленная" модель? // Политические исследования. 1995. №3. С. 59.

² Нечаев Д. Н. ФРГ: от «государства партий» к «государству общественных объединений» // Политические исследования. 2002 №2. С. 156-157.

³ Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества. – М., 1999. С. 284.

⁴ Bernbach U. Demokratietheorie und politische Institutionen. - Wien. 1993. S. 120. Цит. по: Шпакова Р. П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Политические исследования, 1994, №2. С. 174.

⁵ См.: Токвиль А. де. Указ соч. С. 378-381.

привлечение, аккумуляция и распределение средств, финансирование различных социальных программ и т.д. Можно с уверенностью признать, что некоммерческие организации являются одной из форм вложения гражданами средств через систему, например, пожертвований в благополучие окружающей среды, в экономическую и политическую стабильность, в механизмы защиты собственных интересов и т.д.

Своеобразным выходом из данных противоречий является утверждение о том, что в реальности исследователи имеют дело с соотношениями, переходами из одной сферы в другую (организации более или менее политического характера, более или менее включенные в экономическую сферу). Ю. Хабермас вообще избегает этого достаточно сложного вопроса, рассматривая демократию и гражданское общество с обобщенных, философских позиций, считая проблемы соотношения и взаимного перехода административной и коммуникативной власти чисто эмпирическими¹. К сожалению, то, что в философском плане является второстепенным – «эмпирическим» – вопросом, для социолога может представлять достаточно значимую проблему.

Рассматривая гражданское общество как совокупность добровольных объединений граждан, исследователи обращают внимание на недостаточное количество таких организаций в нашей стране, на их незначительное влияние на политическую жизнь общества. Однако при такой постановке вопроса исследователь имеет дело с количественными критериями «коварными в своей неопределенности».² Какое количество общественных организаций является достаточным, каким должно быть их влияние, чтобы признать то или иное общество «сформировавшимся гражданским» – на эти вопросы вряд ли может быть получен исчерпывающий, однозначный ответ. Подобные показатели носят весьма относительный характер. Необходимо обратить внимание также и на то, что не все общественные организации являются по смыслу своего существования элементами гражданского общества, как, например, общественные организации молодежи в Советском Союзе, фашистских Италии и Германии и в других тоталитарных государствах не имели отношения к гражданскому обществу.

В целом, такое рассмотрение гражданского общества не лишено серьезных методологических противоречий. Например, наряду с утверждением, что гражданское общество является неполитической частью социальной системы, его формирование связывается с развитием гражданской *политической* культуры. Выделение гражданского общества в качестве самостоятельной сферы общества приводит к его изолированному пониманию, исключению из широкого социального контекста, проявляющемуся в крайних случаях во фразах: «построение гражданского общества параллельно с тоталитарным государством».³

Сложность заключается и в том, что понятие «гражданское общество», как и многие другие понятия современного обществознания, возникло в рамках западной науки для описания своеобразного социального мира и изменялось в соответствии с развитием западных обществ, прогрессом западного социально-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. – С. 50.

² Филиппов А. Теоретическая социология//Теория общества. – М., 1999. С. 21.

³ Civil Society and the State/John Keane. – London, 1988. P. 5 Цит. По: Беляева Ю. Н. Указ. соч. С. 110.

го знания, изменением социального заказа. Естественно, нельзя отрицать богатый опыт западной социологии, но прямое заимствование понятий и методологии исследований зачастую не приносит желаемых результатов. Так, например, определение гражданского общества как совокупности конкретных форм «добровольной самоорганизации граждан, возникших без давления со стороны государства»¹ является вполне достаточным для западной науки, так как западные общества представляют собой сформировавшиеся демократии с достаточно устойчивыми демократическими ценностями и традициями. Политическая конъюнктура, конкретные расстановки политических сил не изменяют демократического смысла государственного режима, не угрожают гражданским правам и свободам, благосостоянию граждан. Поэтому гражданин в таких обществах может себе позволить не интересоваться политикой, реализуя свои интересы, добиваясь самореализации вне политической сферы. Однако мы видим, что подобное «невмешательство» имеет свои пределы, и в чрезвычайных случаях западная общественность достаточно быстро мобилизуется для политического участия (как, например, во Франции во время последних президентских выборов или в Австрии в случае прихода к власти представителя праворадикальных сил). Но в то же время такое понимание гражданского общества не удовлетворяет требованиям современной российской социологии, не отражает в полной мере желаемый результат глубинных преобразований нашего общества.

То же касается и институционального подхода, в рамках которого осуществляется большая часть исследований и процессы формирования гражданского общества рассматриваются преимущественно со структурных позиций. Не отрицая значимости такого взгляда на проблему, необходимо отметить, что он наиболее успешен в стабильно развивающемся обществе, в котором институциональные изменения следуют за сдвигами в культуре, закрепляют их в виде объективных характеристик социального мира; следовательно, при изучении таких обществ социологический анализ глубинных, культурных процессов не столь актуален.

При анализе же многих аспектов трансформации современного российского общества институциональный подход не является исчерпывающим в силу того, что многие структурные элементы были привнесены извне; они не только не отражали характерные для России культурные процессы, но и зачастую вступали в противоречие с ними. Катастрофически быстрые изменения социальных институтов, в первую очередь, институтов политики и экономики вступили в противоречие с инерцией культуры (которая является наиболее инертной, наименее изменчивой, чем другие компоненты общества²), инерцией мотивационных и социальных установок населения, сформированных десятилетиями авторитарного режима.³ Это привело к тому, что институциональная структура гражданского общества оказалась малофункциональной, так как субъекты социальных отношений не имеют навыков политического и гражд-

¹ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. – М., 2000. С. 110.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социальная инерция. К постановке проблемы//Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Пермь, 2002. С. 18.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 305.

данского участия, весьма смутно представляют себе свои права и возможности.¹

Это приводит к тому, что многие новые социальные институты функционируют не так, как задумывалось при их установлении, а такие базовые понятия постсоветских преобразований как «свобода», «парламентаризм» и в первую очередь «демократия» девальвировались, последнее же превратилось в глазах значимой части общества в нечто предосудительное, неприличное, неприемлемое.² Не исключено, что и понятие «гражданское общество», уверенно вошедшее в лексикон отечественных политиков и общественных деятелей, постигнет та же участь. Это вполне возможно, так как понимание гражданского общества как совокупности общественных организаций уже определило формалистский подход к данному явлению со стороны государства, который можно выразить во фразе: «у нас есть общественные организации, значит, у нас есть гражданское общество», что проявилось в ходе организации и проведения «Гражданского форума» (21-22 ноября 2001 г.).

1.4. Социокультурные характеристики гражданского общества.

В целом, рассмотренный выше подход еще не позволяет отделить гражданское общество от негражданского, так как определенные структуры могут быть прикрытием, видимостью. Содержанием, сущностью общественных процессов и явлений является культура, то есть качественная, сущностная характеристика взаимодействия индивидов и групп в рамках социальной системы, роль которой в современных общественных процессах возрастает. Социальная жизнь все больше определяется культурными факторами³, что обуславливается ростом степени свободы, самостоятельности субъекта в современных типах обществ за счет постоянного расширения области личных решений и ответственности, находящейся между законами государства и табу⁴, культура становится главной производительной силой, фактором дифференциации и интеграции общества⁵.

Объективные, формальные факторы (профессия, место и уровень жизни, принадлежность к различным статистическим группам – классам и т.д.) в обществе современного типа уже в меньшей степени определяют поведение, стиль жизни личности, уступая место факторам субъективным, формирующим субкультуры, постоянно возникающие на фоне массовой культуры. Средний класс современных западных обществ резко выделяется на фоне более однородных элит и контркультур общественных низов ярким разнообразием стилей, субкультур, смысловых концепций. Возрастает роль культуры и в прак-

¹ Руденкин В. Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: субъектное и структурное измерение. Диссертация на соискание ученой степени доктора полит. наук. – Екатеринбург, 2002. С. 51.

² Тощенко Ж. Т. Метаморфозы современного общественного сознания // Социс. 2001. №6. С. 7.

³ Розин В. М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии // Вопросы философии. 2001. №2. С. 101.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. – М., 1992. С. 217.

⁵ Шапко В. Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы // Большой Урал: XXI в. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1.: XIII Уральские социологические чтения. – Екатеринбург, 2001. С. 198.

тике экономических и политических отношений. Те самые ориентиры социального развития, которые сегодня принимаются российскими учеными и участниками общественных организаций: социально-ответственный бизнес, социально-ответственное государство, гражданское общество в целом не имеют стабильного институционального решения¹, так как представляют собой в большей степени *стиль, культурную практику*. И даже явления более формального, нормативного плана – правовое государство и общество, демократический режим, федерализм и т.д. – успешно функционируют при условии их культурной поддержки, культурной легитимации. На это уже не раз обращали внимание философы, социологи и исследователи многих других специализаций. Например, К. Поппер («моральные ценности общества тесно связаны с его институтами»²), Г. Алмонд и С. Верба (по мнению которых, существует взаимосвязь «между установками и мотивациями отдельных индивидов, формирующих облик социальных систем, и тем, как эти системы выглядят»³), М. Финнемор («большинство аспектов деятельности организаций объясняется... внешней культурной легитимностью»⁴), М. С. Каган («применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей <можно сказать>, что тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений»...⁵, «культура способна оказывать радикальное воздействие на функционирование общества»⁶) и т.д. Уже с рубежа XIX – XX вв. культура в социологической науке рассматривается в качестве важного фактора социального взаимодействия (М. Вебер, Т. Парсонс и др.), а в настоящее время культура рассматривается и в качестве имманентного фактора, измерения социальной структуры.⁷ Это свидетельствует об усилении внимания к культуре, о возрастании интереса к взаимоотношению между культурой и формами отношений людей, об отказе от упрощенного понимания общества лишь как совокупность общественных отношений, о конституировании особой социокультурной теории и методологии изучения человека и общества.⁸

В современной отечественной обществоведческой литературе понятие «социокультурный» получает широкое распространение. В науках, изучающих общество, назрела потребность включить в сферу интересов не только конкретные социокультурные явления, но и саму возможность и необходимость соединения культуры и общества. Это свидетельствует об усилении внимания к культуре, о возрастающем интересе к соотношению между культурой и форма-

¹ Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с точки зрения социологического институционализма/В кн.: Международные отношения: социологический подход. – М., 1999. С. 115.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков. – М., 1992. С. 111.

³ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: political Attitudes and Democracy in Five Nations. - Boston: Little Brown. 1965. S. 32. Цит. по: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 91.

⁴ Финнемор М. Указ. соч. С. 97.

⁵ Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 96. (курсив автора).

⁶ Там же. С. 100.

⁷ См.: П. Штомпка. Понятие социальной структуры: попытка обобщения//Социологические исследования. 2001. №9. С. 5-6.

⁸ Шапко В. Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы//Большой Урал – XXI в. Сборник материалов всероссийской НПК. Ч. 1. XIII Социологические чтения. – Екатеринбург, 2001. С. 197.

ми отношений людей, об отказе от упрощенного понимания общества лишь как совокупности общественных отношений, о конституировании особой социокультурной теории и методологии изучения человека и общества. Потребность в представлениях об обществе как социокультурной целостности особенно обостряется в условиях его трансформации.

Основополагающие начала социокультурного подхода заложены в работах М. Вебера и П. Сорокина. Веберовские исследования капитализма из духа и буквы протестантской этики, морального аскетизма – пример влияния идей, ценностей (то есть культуры) на общественное развитие. Вебер как исходную посылку социологии использует положение о том, что человек – существо культурное, и на этом основании пытается построить здание объективной социологии. Понимающая социология М. Вебера стала родоначальницей определенной социологической традиции. В противовес объективисту, принимающему объективность социального мира на веру, «понимающий» социолог исследует эту объективность. По Веберу предметом социального анализа является многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, составляющих в совокупности то, что было названо репрезентативной культурой. Главная характеристика репрезентативной культуры (Ф. Тенбрук) заключается в том, что все представления, убеждения, верования и т.д., которые входят в репрезентативную культуру, являются действенными в силу их активного принятия или пассивного признания.

Специфика социокультурного подхода в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человек в его отношении с обществом, характер культуры, тип социальности) как фундаментальные, каждое из которых не сводится к остальным и не выводится из них, но при этом они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Социокультурный подход связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое и тем самым вытесняет сопряжение устойчивости и изменчивости. Принцип человека активного – исходный в социокультурном подходе. Само действие субъекта понимается как компонент взаимодействия с другими субъектами. Тем самым это принцип человеческого взаимодействия как простейшего социокультурного явления. К изучению общества нужно подходить как к изучению культурных продуктов. Все социальные факты являются ничем иным как фактами культуры. Культурное видение и социальное видение – это просто два разных аспекта одного и того же феномена.

Распространение социокультурного подхода связано с возрастанием роли культурных явлений в современном обществе, в регуляции человеческого поведения. Так, наиболее существенными факторами развития современной экономики являются культурные факторы – наукоемкие технологии и квалифицированная, с высоким уровнем трудовой этики рабочая сила. Культура сегодня не только главная производительная сила, но и главный фактор накопления. Перемещение работников в сферу услуг означает изменение главного предмета труда и его конечной продукции – вместо материалов и вещей им становится сам человек. Культура становится важнейшим фактором дифференциации и интеграции общества. Особенно существенна роль культуры в гражданском

обществе. Оно строит отношения людей как граждан, имеющих равные права, на основе сотрудничества, общения, диалога, то есть на культурных практиках.

Возрастание роли культуры бум исследовательского интереса к проблемам культуры, при этом меняется само понимание культуры. Это уже не столько пассивное отражение реальных процессов поведения, сколько их активная реформа. Поэтому было бы неправильно ссылаться на популярные представления об отставании культурного осмысления от социальных процессов. Теперь культура оказывается логически и фактически впереди того, что происходит в реальности. Социальные изменения получают в основном культурную мотивацию. Культура прогрессирующим образом перенимает функции мотора общественного изменения и развития. В своей взаимосвязи эти обстоятельства подготовили почву для изучения детерминантной роли культурного.

Именно в культуре и через культуру осуществляется постмодерн. Поэтому культурно ориентированная социология становится основным инструментом анализа этой трансформации.

Выделение социокультурного подхода к гражданскому обществу в качестве важнейшего не означает того, что для успешного формирования и функционирования гражданского общества в нашей стране не важны структурные преобразования. В России, которой суждено развиваться по «догоняющей» траектории, такие преобразования как раз очень важны – вряд ли культура гражданского общества может успешно развиваться в условиях, когда отсутствуют необходимые демократические институты. И в этом плане институциональный подход к данной проблеме играет существенную роль, так как позволяет использовать уже накопленный западными обществами опыт построения демократических структур. Другое дело, что если эти институты формально наличествуют, но не легитимизированы культурой, не признаны ею в качестве ценных, необходимых, то они остаются на уровне «социальной косметики», скрывающей весьма неприглядную реальность.

В целом, с точки зрения социокультурного подхода, общество рассматривается во взаимосвязи трех измерений: личности, социальных и культурных явлений. Ни одно из этих измерений не выводится из другого, не противостоит ему, но оказывает влияние на другое и в то же время испытывает его воздействие¹.

Необходимость дополнения институционального подхода взглядом на гражданское общество с точки зрения культуры уже проявляется не только во введении в научный оборот таких терминов как «гражданственность», «гражданская позиция», «ценности гражданского общества», но и в тематике работ представителей отечественных социальных наук.² Наибольшего внимания в

¹ Лапин Н. И. Указ. соч. С. 5.

² См., например: Козлов А. А. Социальная динамика гражданских и патриотических позиций молодежи в современном российском обществе (опыт социолого-исторического анализа). Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. – СПб, 2001.; Айвазян А. А. гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ). Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Екатеринбург, 2001.

рамках данной работы заслуживают исследования Ю. М. Резника¹ и М. С. Кагана.² Первый автор в функционировании гражданского общества напрямую выделяет «гражданскую реальность» (совокупность институтов) и «гражданскую идеальность» (совокупность культурных аспектов), а второй осуществляет попытку комплексного рассмотрения гражданского общества, как *культурной* формы социальной системы, как высшее из доселе известных проявление политической, правовой и экономической культуры общества.³ В рамках такого понимания термин «гражданский» применяется не для обозначения части социального целого, а характеризует особое качество взаимодействия между акторами социальных отношений.⁴

Работы данных авторов представляют ценность еще и потому, что в отличие от многих других современных исследователей, они рассматривают гражданское общество как состояние всей социальной системы, а не какой-либо ее части. Гражданское общество представляется как «совокупный продукт антропосоциогенеза»⁵ в целом, а не эволюции части социальной системы. В таком обществе реализуются «высшие родовые силы человека, тождественные... гражданским качествам».⁶

Соответственно, культура гражданского общества не сводится к политической культуре или к «культуре гражданского (со)участия»⁷, но характеризует гражданское общество в целом (как, собственно и другие виды культур; например, политическая культура характеризует всю политическую систему в целом, а не только электоральное поведение, экономическая культура не сводится только к акту покупки товара и т.д.).

Многие исследователи в настоящее время подвергают сомнению возможность существования гражданского общества как отдельной части социальной системы, все компоненты которой должны быть «моностилевыми», чему есть достаточно много исторических примеров, когда изменения в одной из сфер общественной жизни вели за собой изменения во всей системе социальных отношений. Вряд ли гражданское общество как некая целостность может существовать в рамках тоталитарной системы⁸, фашистского государства⁹. Гражданское общество на Западе сложилось в результате постепенных преобразований и в политике, и в экономике, и в практике обыденных отношений, вызванных сдвигами в культуре. Причем, во многом эти преобразования стали возможны не столько потому, что увеличивалась численность участников гражданских ассоциаций, сколько потому, что новые формы взаимодействия, основанные на

¹ См.: Резник Ю. М. Формирование институтов гражданского общества (соционженерный подход)//Социологические исследования. 1994. №10., Гражданское общество: истоки и современность. – СПб, 2002.

² См.: Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы//Социально-гуманитарные знания. 2000. №6.

³ Каган М. С. Указ. соч. С. 47.

⁴ Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие//Социально-гуманитарные знания. 2002, №2. С. 156.

⁵ Резник Ю. М. Гражданское общество как идея//Социально-гуманитарные знания. 2002, №4. С. 117.

⁶ Там же.

⁷ Айвазян А. А. Указ. соч. С. 17.

⁸ См.: Голенкова З. Т. Гражданское общество в России//Политические исследования. 1997. №3. С. 25-36.

⁹ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 108.

признании ценности личности, человека «как цели, а не как средства» (по И. Канту), неизбежности гражданских прав и свобод и т.д., были приняты элитами. Именно изменения в качественном (культурном, идеологическом) составе элит обусловили быструю демократизацию постфашистской Германии и многих постсоциалистических государств Восточной Европы. Конечно, если под гражданским обществом понимать неполитическую часть социальной системы, то оно может существовать в условиях тоталитарного государства или авторитаризма в виде субкультуры или даже на положении контркультуры (диссиденты, «самиздат» в СССР и т.д.). Но ситуации, в которых в рамках одной социальной системы сосуществуют принципиально разные типы отношений (гражданское общество в среде общественных организаций, авторитарное в элитарной среде), могут привести либо к радикализации народных масс, возрастанию социального напряжения и, в крайнем варианте к социальному взрыву, либо к возрастанию социально-политической пассивности, конформности представителей «гражданского общества» и т.д.

1.5. Гражданское общество как цивилизационная характеристика.

Итак, гражданское общество может пониматься и как особый уровень развития, состояние *всей* социальной системы, в которой и политическая, и экономическая и прочие сферы жизни общества «подведены под общий знаменатель» – гражданственность (понимаемую как совокупность характеристик культуры, свойственной гражданскому обществу) – и в силу этого функционируют в относительно когерентных режимах. Социальное взаимодействие в такой системе характеризуется устойчивой ориентацией на ценность гражданских прав и свобод личности, социальная структура – наличием особых институтов, организаций (среди которых важнейшим является государство), способствующих сохранению данной ценности, а также открытостью, наличием горизонтальных коммуникаций, возникающих без инициации со стороны властных структур и вне зависимости от рыночной конъюнктуры. Различные компоненты этой системы – демократический режим, прозрачность социальных институтов, их открытость для контроля со стороны граждан, гарантированные экономические, политические и социальные права, открытость социальной структуры, профсоюзы, свободные СМИ, правовой характер взаимоотношений, социальная экономика – все это создает особую реальность, ассоциируемую с социальной справедливостью, защищенностью, свободой, благополучием. В рамках этой реальности можно выделить различные компоненты, например, *гражданскую сферу* (область реализации неполитических интересов граждан, частной жизни) и *гражданское сообщество*, под которым понимаются общественные организации¹, территориальные гражданские объединения и т.д. Выделить совокупность неполитических объединений граждан в качестве сообщества позволяет то, что их участники формируют специфические, независимые каналы комму-

¹ Модель И. М., Модель Б. С. Указ. соч. С. 11.

никации, устойчивые связи, осознают свою общность, идентичность целей и способов деятельности.

Гражданское общество необходимо изучать и как социокультурный феномен, в котором тесно переплетаются, находятся во взаимной зависимости равнозначные с точки зрения их влияния на деятельность субъектов аспекты социальной организации и культуры. Понимая гражданское общество таким образом, мы, тем самым, признаем, что вышеперечисленные институциональные компоненты гражданского общества эффективно функционируют, приносят положительные результаты, если они легитимизированы культурой, т.е. признаны общественным большинством в качестве нормальных, должных форм организации социально-политического процесса. Отмечая равнозначность институциональных и культурных сторон общественной самоорганизации, необходимо признать, что именно культура является реальным содержанием, сущностью и качественной характеристикой общественных процессов. Именно культура определяет формирование гражданского общества, позволяет отделить внешние, «косметические» преобразования от реальных процессов, изменений, и, в конце концов, - гражданское общество от не-гражданских (авторитарного, тоталитарного).

В данном случае гражданское общество противопоставляется не государству или сфере предпринимательства, а тоталитарному государству, обладающему монополией на создание и определение содержания деятельности общественных структур, и авторитарному обществу, в котором формально существует пространство самостоятельной гражданской активности, но которое фактически не является сферой свободы, находясь в различных видах зависимости от авторитета политического лидера или группы правящих лиц, монистической идеологии.

Такое рассмотрение гражданского общества, конечно же, пересекается с теорией демократии, так как гражданское общество практически не может существовать и выполнять свои функции без выборности, представительности, регулярной сменяемости государственных служащих, без того, чтобы государство подчинялось тем же законам, что и общество, выступало на равных с гражданином в правовом процессе, без закрепления и реализации демократических прав и свобод¹. Но демократия как вид политического режима – явление более узкое, ее можно признать стержнем гражданского общества, которое в свою очередь является характеристикой *всего* социума как среды жизни и деятельности человека, включает в себя многочисленные неполитические сферы, но не сводится к ним. В целом, понятие «гражданское общество» является общим по отношению к таким как: демократия, правовое государство, социальная экономика и прочим, отражающим различные – политические, экономические, правовые и т.д. – аспекты изучаемого явления.

Гражданское общество как социокультурный феномен является продуктом развития западной цивилизации, обусловленным многими специфически за-

¹ Анимича Е. Г., Заборова Е. Н. Гражданская активность населения: ТОСы в системе местного самоуправления. – Екатеринбург. 2000. С. 20-21.

падными цивилизационными факторами, среди которых можно выделить следующие. Во-первых, Западу известна идея политической свободы, которая появилась в Древней Греции¹. Идеи свободы, гражданских прав, народовластия разрабатывались в западной общественной мысли на протяжении всей ее истории, в отличие от философской мысли Востока, не знавшей таких понятий. Во-вторых, именно в рамках западного мировоззрения удалось преодолеть божественное, сакральное понимание природы власти, государства, права, сделать общественную жизнь и политическое устройство объектом рационального осмысления, понять, что общественный строй не есть результат божественной воли, но продукт конкретной деятельности людей. В-третьих, важной чертой западной культуры с далеко идущими политическими последствиями является положительный индивидуализм с расширяющимися представлениями об индивидуальных правах всех видов – прав человека, гражданина, женщины, ребенка.² Большое влияние на сознание европейца оказало и христианство с его принципом внутренней духовной свободы человека, признанием того, что личность, ее поведение, достоинство не определяются той конкретной социальной ситуацией, в которой она оказалась, признанием равенства людей. «Вечные права человека и гражданина», впервые провозглашенные первыми поселенцами в Северной Америке, основывались ими на святости отношения человека к Богу. Сама идея демократии как социального и правового порядка в европейском понимании исторически стала осуществимой на базе христианских ценностей³. И, наконец, западная цивилизация имеет богатую *практику* самоуправления и соуправления (представительности власти, парламентаризма, территориального гражданского самоуправления). Традиции городского самоуправления греческого и римского полисов были унаследованы средневековыми городами-республиками и укрепились в Новое Время на базе буржуазного производства в демократически самоорганизовавшихся государствах⁴.

Свой отпечаток на формирование гражданского общества наложила и научно-техническая революция, которая повлекла за собой серьезные изменения в структуре и культуре различных обществ. Носителями и реализаторами новых гражданских идей, ценностей становятся те группы населения, которые появляются в связи с формированием информационного общества. Представители этих групп обладают достаточным экономическим и (что главное в новых условиях) интеллектуальным, информационным потенциалом, чтобы быть не только независимыми от государства и самостоятельно реализовывать свои цели и интересы в рамках дозволенного законом пространства. Эти люди смогли поставить государство на службу собственной свободе, безопасности, заставить его оберегать свои интересы, создать возможности для саморазвития и самореализации интеллектуального и культурного потенциала каждого гражданина. Дальнейшее развитие электронных средств массовой коммуникации сделало их

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. С. 85.

² Финнемор М. Указ. соч. С. 101.

³ Лекторский В. А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм//Вопросы философии. 2001. №4. С. 4.

⁴ Каган М. С. Указ. соч. С. 48-49.

доступными практически каждому члену общества, информация становится все более независимой от государства, все больше становится альтернативных ее источников. Важнейший инструмент воздействия на общество находится теперь под контролем самого общества. Революция в сфере познавательных возможностей привела к тому, что индивиды смогли бросить вызов государственным аппаратам.¹

С тем, что гражданское общество является результатом развития западной цивилизации, которая по многим культурным параметрам коренным образом отличается от российской, связаны многие трудности формирования гражданского общества в нашей стране. Многие аспекты гражданского общества не востребованы большинством, не приняты им в качестве необходимых форм организации общественной жизни. Это зачастую наталкивает исследователей на мысли о трансформации теоретической модели гражданского общества, его «приспособления» для России, построения «российского варианта» гражданского общества. Однако такой путь неприемлем, так как гражданское общество базируется на определенных базовых инвариантных принципах, которые не могут быть трансформированы потому, что это изменит смысл феномена. Вообще, говорить о нероссийской специфике, о неприятии россиянами демократии, гражданского общества пока рано, так как эти формы общественной организации еще не наблюдались в нашей стране. Неприятие, социальную неудовлетворенность и напряженность вызывает современное состояние общества (собственно *российский* вариант), в котором наблюдаются лишь внешние признаки демократии и гражданского общества; к сожалению, в результате трансформаций в российском обществе укоренились не демократичность, профессионализм, ответственность, гражданственность и т.д., а западные стандарты потребления и внешние атрибуты жизни².

В целом, проблема соотношения вариативных и инвариантных черт в модели гражданского общества является открытой и трудноразрешимой для современного социального знания. Мы видим, что отличия существуют даже среди тех обществ, которые могут называться «сформировавшимися гражданскими». Однако эти отличия не изменяют общего для этих систем *качества* социальной среды, которое создает своеобразный смысл, «дух гражданского общества», сравнимый с веберовским духом капитализма. Выделяя в гражданском обществе определенные инварианты – демократию, открытое общество и пр., исследователи просто переносят проблему на более низкие уровни, так как проблемы соотношения инварианта и вариативного в этих характеристиках социальных систем также трудно разрешимы. То же касается и культурного измерения гражданского общества. Гражданское общество, как социальная реализация определенных ценностей, принципиально недостижимо, его конкретные проявления представляют собой соотношения, переходы, приближенные состояния. С этими соотношениями и переходами, располагающимися на шкале «гражданское – авторитарное» общества и имеют дело социологи, в конеч-

¹ Финнемор М. Указ. соч. С. 109.

² Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах/Вопросы философии. №10. 2001. – С. 51.

ном счете, оценивая текущее состояние социальной системы с точки зрения приближения и отдаления относительно сконструированных теоретических моделей.

Здесь, однако, мы снова сталкиваемся с методологическими противоречиями и трудностями. Во-первых (с чего мы и начали анализ проблематики гражданского общества), многочисленные подходы производят большое количество теоретических моделей, препятствуя построению единой «шкалы». Во-вторых, в реальности можно наблюдать формирование черт, свойственных гражданскому обществу в одной из сфер социальной системы и противоречивые тенденции в другой. В-третьих, модели гражданского общества внутренне неоднородны: определенный центр, базовые признаки предполагают практически полное соответствие образцу, ближе к периферии модели может наблюдаться большая дивергенция свойств.

Модель гражданского общества представляет собой не столько непосредственное отражение реальности, сколько веберовский идеальный тип, систему типических черт и характеристик. Поэтому было бы упрощением пытаться найти в реальных обществах точное соответствие каких-то характеристик модельным типическим чертам. Также как невозможно сегодня охарактеризовать какое-либо общество (даже самое демократически продвинутое) в качестве абсолютно соответствующего модели гражданского общества.

Необходим ли России особый путь, не придется ли отказаться от данной формы организации социальной жизни вообще? Такие мысли сегодня можно встретить в отечественных средствах массовой информации, в заявлениях политических деятелей и т.д. История имеет достаточное количество подтверждений того, что «особые пути» представляют собой мифы,¹ зачастую под некими специфическими «национально-культурными» моделями скрываются проявления авторитаризма, диктатуры,² причем достаточно опасные. Естественно, в данном случае речь не идет о том, что развитие общества имеет линейный, необратимый характер. Каждое общество может пойти по альтернативному пути развития. Однако в нашем случае, отказ от гражданского общества и выбор некоей альтернативы будет означать отказ от наиболее эффективной из известных сегодня форм социальной организации.

Желаемое будущее России – построение гражданского общества в его западном варианте, все возможные специфические российские черты которого будут являться не более чем *внутривидовыми* отличиями.³ Основным содержанием этого процесса должны быть не столько внешние преобразования, сколько процессы формирования соответствующей культуры, которая, несмотря на свое западное происхождение, включает в себя такие компоненты, которые вполне могут быть воспроизведены в рамках российского общества. Поэтому речь не идет о формировании специфически российского варианта гражданской социокультурной системы, существенно отличающегося от западных аналогов,

¹ Люкс Л. "Особые пути" - пути в никуда? - О крахе особых путей России и Германии в XX веке//Вопросы философии. №12. 2001. - С. 40-50.

² Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 27.

³ Воронцова Л., Филатов С. «Русский путь» и гражданское общество//Свободная мысль. №1. 1995. - С. 66.

а о воспроизводстве модели, близкой к идеальному типу, описанному выше, и которому, так или иначе, соответствуют все культуры гражданственности. Мы имеем основания для таких убеждений еще и потому, что многие социокультурные феномены, имеющие специфически западное (или даже более узкое – протестантское) происхождение успешно транслировались на другие культуры (например, рациональный капитализм, бюрократические аппараты управления, наука западного типа и т.д.); все общества оказались одинаково способными приобщаться к определенным традициям, обычаям и т.д.¹ Определяющим условием для успешного распространения норм и практик гражданского общества является стремление к этому самих акторов модернизирующихся социальных систем.²

Этому способствует и то обстоятельство, что многие социальные практики, явления культуры, имея конкретное происхождение в рамках национальной культуры, если они представляют выдающееся достижение, то становятся явлениями мировой культуры, «теряя» национальную специфику. И в этом качестве они поддаются усвоению в других культурах.

Однако необходимость подобного формирования гражданского общества по образцу западных государств вступает в противоречие с социальной синергетикой, основными категориями которой являются самоорганизация (принципиальная невозможность формирования социальных систем по некоему образцу), нелинейность (отсутствие некоего заданного, обязательного пути развития), случайность (непредвиденное воздействие на ход развития системы), открытость и незавершенность систем. Конечно, синергетика не сводит процессы формирования гражданского общества к чистой случайности, но, по крайней мере, готовит к тому, что организующее воздействие на общество может привести лишь к внешним эффектам, не затрагивая при этом глубинные слои организации социальных систем. В крайних случаях отклик социальной системы на организующее воздействие является противоположным тому, что предусматривалось планированием.³ Формирование институтов, свойственных гражданскому обществу, не обязательно повлечет за собой формирование соответствующей культуры. Сами общества, принимаемые сегодня за образцы гражданского общества, являются динамично развивающимися социальными системами, что влечет за собой опасность устаревания «образца», деактуализации каких-либо его признаков, свойств (например, постепенное падение роли профсоюзов, политических партий⁴). В конечном итоге гражданское общество не может быть учреждено, сконструировано, оно складывается «изнутри», в процессе непосредственной деятельности граждан через формирование глубинных, культурных основ его функционирования. В процессе формирования гражданского общества наблюдается синтез как глубинных процессов, не подвергающихся

¹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. – М., 1992.

² См.: Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 27.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 2001. С. 181.

⁴ См.: Руденкин В. Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: субъектное и структурное измерения. Диссертация на соискание уч. степени д. полит. н. – Екатеринбург. 2002. С. 53-90.

контролю и организующему воздействию, так и «рационального выбора людей и групп, их целеполагания и целедостижения».¹

Таким образом, в современной российской социологии отсутствует единое определение гражданского общества, единый подход к его изучению. Само отсутствие подобного единства отражает сложный и противоречивый характер явления. Все современные концепции «балансируют» между различными измерениями гражданского общества, осуществляемыми по следующим направлениям:

1. Социальное целое – часть социальной системы (внутри этого: сфера, независимая от государства – сила, противостоящая государству).
2. Структура – культура.
3. Специфика Запада – специфика России.
4. Социальная инженерия – самоорганизация.
5. Традиции (история) – современность.

Все это, казалось бы, подводит к мысли о необходимости единого взгляда на проблему, единого подхода к изучению гражданского общества, который одинаково хорошо учитывал бы все измерения гражданского общества. Однако целесообразность и сама возможность создания такой теоретической конструкции находятся под вопросом.

Проблематичность формирования завершенной модели гражданского общества является отражением ситуации, сложившейся в теоретической социологии вообще и связанной с практической невозможностью создания единой фундаментальной социологической теории, хотя попытки создания такой теории предпринимались в истории социологии (Т. Парсонс) и предпринимаются сегодня (Н. Луман).

Сомнения в возможности создания достаточно прочной общетеоретической конструкции возникают по ряду причин. Во-первых, социология изучает настолько различные явления в рамках социального мира, которые достаточно трудно сводятся в единую теоретическую систему: «личность и социальная система весьма тесно между собою связаны, но в то же время они не идентичны и не объяснимы одна через другую; социальная система не есть множество личностей... Системам культуры присущи свои собственные формы и проблемы интеграции, которые не сводимы ни к личности, ни к социальной системе, ни к обоим вместе».² Действительно, общество не есть совокупность личностей, существуют масштабные социальные системы, не меняющие своего облика с каждым рождением или с каждой смертью.³ С другой стороны, и личность не является безвольным продуктом социальных отношений, сочетая в себе и характеристики социальной системы (статус, роль), и внутреннюю сущностную активность, индивидуальность, не детерминируемую обществом. Зачастую общество и личность выступают как противоположности.⁴ То же касается и куль-

¹ Резник Ю. М. Формирование институтов гражданского общества (Социоинженерный подход)//Социологические исследования. 1994. №10. С. 24.

² Т. Парсонс. О структуре социального действия. – М., 2000. С. 422.

³ Н. Луман. Теория общества//Теория общества. – М., 1999. С. 201.

⁴ Кон И. С. Социология личности. – М., 1967. С. 9.

туры общества, которая не представляет собой сумму личностных культур, и включает в себя не только идеальные характеристики социальных структур, но и многие объекты, таковыми не являющиеся.

Не всегда успешны и попытки определить социальные институты, структуры и культуру, исходя из социального взаимодействия, которое является содержанием систем, средой производства и трансляции объектов культуры, сферой реализации личности. Многие структуры и другие социальные объекты могут существовать в качестве некоего факта общества, не имея своим содержанием социальное взаимодействие (например, корпорация, деятельность которой временно приостановлена), многие структуры возникнут лишь в будущем, но благодаря деятельности современников. На поведение людей и на динамику развития общества зачастую оказывают влияние не созданные структуры, а лишь *намерения* их создать.¹ То же касается и объектов культуры, которые могут существовать без непосредственно действующего субъекта. Созданные в результате деятельности одних поколений они могут быть распродуманы другими, не существуя как факт взаимодействия, но существуя онтологически².

Это приводит к тому, что общая теория фокусируется на каком-то одном измерении общества (культура, структура, личность, взаимодействие), описывая и объясняя его достаточно хорошо, но в меньшей степени затрагивает другие измерения (точнее, затрагивает их в той мере, в какой они выводятся из центрального компонента теории).

Необходимо отметить и то, что в современной социологии нет единого понимания общества,³ культуры,⁴ социальной структуры,⁵ существует большое количество теорий социального действия,⁶ несмотря на то, что попытки обобщения предпринимались и предпринимаются. Действительно, невозможно языком одной теории описать и государство, и дружескую компанию, и заключение торговой сделки, и акт коллективного творчества.

Во-вторых, на структуру социологического знания оказывают большое влияние развитие собственно социологической теории, изменения социальных систем и социального заказа. Социология М. Вебера не знала термина «субкультура», прочно занявшего позиции в научном обороте современной социологии, теория Т. Парсонса «была зеркалом Соединенных Штатов в апогее их силы и гегемонии»⁷ и т.д. Влияние социального заказа, потребностей в постановке приоритетов социального развития также достаточно четко прослеживается в социологической теории, реализуясь в идеологической функции социального знания. Например, социология Э. Дюркгейма отражала социалистиче-

¹ Арчер М. Реализм и морфогенез//Теория общества. – М., 1999. С. 170-171.

² Там же. С. 171-172.

³ Луман Н. Теория общества//Теория общества. – М., 1999. С. 196.

⁴ См.: Вишневский Ю. Р., Шапо В. Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. – Екатеринбург, 1997. – С. 116-119.

⁵ См.: Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения//Социологические исследования. 2001. №9.

⁶ См.: Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование//Теория общества. – М., 1999.

⁷ Турен А. Указ. соч. С. 13.

ские взгляды, школа Т. Парсонса отражала идеологию политического центра, общественной интеграции¹. Между социальным знанием и социальной средой существует тесная связь и в силу того, что сам процесс производства как конкретного знания об обществе, так и социологической теории представляет собой разновидность общественных отношений, коммуникации (социального взаимодействия)²; поэтому на процессы теоретического осмысления общества оказывают влияние и социальные проблемы, и разнообразные элементы общественного сознания (не всегда имеющие отношения собственно к теории).

Все это создает определенные трудности на пути к формированию единой социологической теории. Поэтому в современной социологии появляется альтернативное направление, заключающееся в постепенном распространении «полипарадигмального» (или «мультипарадигмального») подхода, который позволяет объединить различные теоретические модели, подходы в методологическую базу исследований без построения единой теории. Главным принципом данного подхода является принцип дополнительности Н. Бора, который заключается в необходимости применять языки различных теорий для описания и объяснения сложных явлений окружающего мира, по которому содержание изучаемой системы не раскрывается в полной мере каким-либо одним теоретическим языком. Различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными, все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному единственному описанию. Реальность превосходит изобразительные возможности одного языка или одной логической структуры, которые способны выразить лишь часть реальности.³ Данный принцип был сформулирован после отказа от попыток создания единой теории света, состоящего из двух несводимых друг к другу компонентов: частиц-фотонов и электромагнитных волн. Как было показано выше, социальные системы также представляют собой явления, компоненты которых также трудно выводятся друг из друга, и их описание требует одновременного привлечения разных «языков».

1.6. Полипарадигмальный подход к гражданскому обществу

Полипарадигмальный подход связывает различные подходы не в виде какой-то пусть даже нежесткой, «подвижной» системы», а вне какой-либо системы, используя для этого «гетеротетическое отношение» («как - так и»). Вместо системности теоретических построений полипарадигмальный подход предполагает согласованность результатов, получаемых с помощью различных парадигм.⁴

Конечно, в отличие от единой теории полипарадигмальное описание социальных систем имеет специфические недостатки. Используя полипарадигмальный подход, исследователь вместо законченной системы, включающей в себя

¹ Там же. С. 12.

² Луман Н. Указ. соч. С. 196.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 199-200.

⁴ См.: Лихачева Л. С. Этикет в социальном взаимодействии: методологические возможности полипарадигмального подхода. Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Екатеринбург. 2000.

связанные принципы описания, объяснения, интерпретации и исследования, получает конгломерат различных, зачастую сложно согласующихся между собой концепций. В отличие от единой теории, фактически предоставляющей все необходимое, полипарадигмальный подход требует от исследователя больших усилий, эрудиции, здравого смысла, опыта.

В то же время полипарадигмальный подход имеет и ряд преимуществ, которые в определенных ситуациях делают его предпочтительнее единой теории. Теоретические построения полипарадигмального подхода более подвижны, и в силу этого более долговечны, позволяют эффективно сочетать и использовать концепции, как ставшие уже классическими, так и теоретические новации. В целом полипарадигмальный подход позволяет науке более быстро отвечать на изменения социального мира, учитывать специфику конкретных социальных образований и феноменов, реагировать на прогресс в соответствующей области знания.

Так, в данной работе мы столкнулись с полипарадигмальностью научного знания о гражданском обществе, которая вызвана многими факторами, в том числе и поиском адекватной концепции развития, продолжающегося реформирования российского общества. На современном этапе для нашего общества крайне важно формирование, развитие и нормальное функционирование необходимых для гражданского общества институтов – независимых СМИ, добровольных ассоциаций граждан: культурных союзов, клубов, дискуссионных обществ, академий, организаций по профессиям, месту жительства, положению в системе потребления и социальной структуре и т.д. – то есть всего того, что может быть названо «ядром гражданского общества».¹ Поэтому достаточно бессмысленно отрицать «узкий подход» к гражданскому обществу.

Но, с другой стороны, бессмысленно отрицать и то, что у гражданского общества есть другое измерение, что те принципы, на которых функционирует вышеозначенное «ядро», могут распространиться и за его пределы.² И государственная администрация, и предпринимательство могут быть «гражданственными», то есть действовать на основе особой культуры, которая, несмотря на важность создания структур, является сущностной характеристикой и неотъемлемой частью гражданского общества. В данном случае гражданское общество – особое качество всей социальной системы. Формирование гражданского общества как качества социальной системы есть долгосрочная перспектива и крайне необходимый результат дальнейших преобразований в России.

В рамках полипарадигмального подхода удастся найти в целом приемлемое решение многих теоретических и прикладных проблем в изучении гражданского общества, актуальных для современной науки. Во-первых, проблемы соотношения инварианта и вариативности в модели гражданского общества. Рассмотрение гражданского общества в качестве состояния всей социальной системы предполагает в социальном устройстве наличие относительно жестко

¹ Филберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества//Социологические исследования. 2000. №2. С. 127.

² Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества//Политические исследования, 1999. С. 35.

определенных инвариантных свойств, в то же время, понимая под гражданским обществом неполитическую часть социальной системы, мы понимаем, что одним из основных ее свойств является разнородность, вариативность (единственным инвариантом здесь является гражданственность как качественная характеристика отношений). Во-вторых, полипарадигмальный подход позволяет решить и проблему эмпирических показателей гражданского общества, позволяя объединить количественные и качественные данные прикладных исследований различной направленности.

В рамках полипарадигмального подхода процесс формирования гражданского общества не сводится к какому-либо одному (общему) направлению, но представляется сложной комбинацией взаимосвязанных процессов, могут протекать неравномерно, акогерентно, между ними может быть непосредственная или опосредованная многими смежными факторами взаимосвязь.

Схематически полипарадигмальность проблемного поля формирования и функционирования гражданского общества можно представить в виде приведенной ниже таблицы (См. Табл. 1.1.)

Таблица 1.1. Основные направления в изучении гражданского общества в рамках полипарадигмального подхода.

		Уровни		
		<i>Неполитическая система общества</i>	<i>Политическая система общества</i>	<i>Особое состояние общества в целом</i>
Измерения	Структура	Изучение институциональных условий гражданского участия, системы добровольных гражданских объединений, движений, организаций.	Изучение политической системы, процессов формирования демократических институтов.	Исследования в направлении формирования открытого общества, социального государства, социально ориентированной экономики
	Культура	Изучение гражданской (неполитической) активности, культуры неполитического участия.	Изучение формирования гражданской политической культуры общества.	Изучение процессов формирования в обществе культуры гражданственности, основанной на толерантности, демократичности, профессионализме, нравственности.
	Личность	Изучение механизмов актуализации основных аксиологических, гносеологических и праксиологических аспектов соответствующих культурных систем и их реализации в социальном взаимодействии через социальные роли личности		

Исследования гражданского общества могут осуществляться как строго в рамках какого-либо сектора проблемы, так и на пересечении различных направлений (личностно-культурное, взаимопереходы структуры и культуры и т.д.). Построение единой «шкалы» для отслеживания процессов формирования

гражданского общества невозможно, поэтому оценка движения общества к гражданскому состоянию должна производиться по различным направлениям, с учетом специфики каждого. Причем, разные измерения могут дать противоречивые результаты.

Одной из возможных проблем, возникающих при таком – плюралистическом – изучении каких-либо явлений (в данном случае – гражданского общества), является проблема истинности. Как видно, под гражданским обществом могут пониматься различные явления, которые, в свою очередь, имеют различные измерения, причем разница настолько велика, что истинным может быть признан только один подход. Плюралистическая методология современной науки находит выход из подобной ситуации в том, что проблема истины и ее авторитета выводится за рамки ценностных ориентаций науки, деактуализируется, на первое место выводится проблема обсуждения и понимания; стиль мышления все больше ориентируется на признание полиморфности проявления социально-культурных феноменов,¹ причем каждый из научно обоснованных подходов представляет ценность в научном дискурсе, так как способствует более полному пониманию предмета исследования.

Поэтому достаточно важны все различные парадигмы гражданского общества. В зависимости от перспективы исследования, исследователь актуализирует необходимые подходы, с учетом возможности их дополнения и обязательной ориентацией на другие теории. Это и является сущностной чертой полипарадигмального подхода, своеобразной «методологии выбора»,² являющейся выходом из кризисной ситуации, связанной с практической невозможностью единой теории с одной стороны и с «методологическим бумом», обилием различных подходов с другой. Необходимый «стержень», принципиальные границы, не позволяющие такой методологии выйти за пределы изучаемого явления, должны формироваться на уровне социальной философии, в рамках которой представляется возможным создать обобщенный концепт гражданского общества, который являлся бы ориентиром для социологических и междисциплинарных исследований.

В рамках данного исследования представляется предпочтительным осуществить подобный методологический выбор, актуализировав те подходы к гражданскому обществу, которые в современной российской социологии недостаточно представлены, практически неразработаны, но в применении которых существует определенная необходимость. В настоящее время необходимо уделить внимание гражданскому обществу, понимаемому как *качественное состояние всей социальной системы, и его культурному измерению.*

В этой связи необходимо отметить следующее. Во-первых, исследователи отмечают, что многие культурные элементы (как в виде определенных ценностей, норм, так и в виде конкретной практики), оказавшие в свое время влияние

¹ Червоная Л. Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании // Общественные науки и современность, 2002. №2. С. 130.

² Вишневский С. Ю. Современная социология – на пути к методологии выбора / Большой Урал XXI в. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. XIII Уральские социологические чтения. – Екатеринбург. 2001. С. 5-8.

на формировании гражданского общества в рамках западной цивилизации, сложились и в России.¹ Во-вторых, на современное пространство российской культуры оказывают влияние интенсивные процессы культурной диффузии, так или иначе привносящие в него ценности, нормы и практики западного мира. Но все это просто «принимается к сведению» культурой, не находит должного отражения в ткани социальных отношений, не производит гражданской социальной реальности. Гражданское общество в нашей стране станет возможным тогда, когда ценности культуры гражданственности будут реально функционировать в подавляющем большинстве социальных взаимодействий во всем пространстве социальной системы, то есть культура гражданственности станет *актуальной культурой* общества. Актуализировать ценности культуры, вывести их из «мертвого» (овеществленного) состояния и включить их в социальный контекст может только личность, поэтому измерение актуальной культуры (и, следовательно, – актуального состояния общества) – это личностно-культурное измерение.

Личностно-культурный подход к гражданскому обществу концентрирует внимание исследователей на особом – гражданском – состоянии личностей-акторов социальных отношений. Причем само гражданское состояние также понимается неоднозначно. Гражданин может рассматриваться как личность, формально принадлежащая к какой-либо социально-политической системе. Гражданское состояние в данном случае является особой формой идентичности, в отличие от национально-культурной, племенной и т.д.² Статус гражданина приобретается посредством «автоматического включения» *jus sanguinis* (право гражданства по кровно-родственной линии) и *jus soli* (гражданство присваивается рожденному на данной территории).³ Примечательно, что именно такая постановка вопроса о гражданине оказалась актуальной для большинства бывших социалистических государств Восточной Европы, в обществах которых не возникало вопроса, *какой* путь развития выбрать, но процессы изменения геополитического пространства, миграции и т.д. остро поставили вопрос, *кто* пойдет по пути либерально-демократических преобразований в рамках данных обществ.⁴ Для нас такая постановка вопроса не является удовлетворительной, так как формальная принадлежность к политической системе еще не отличает гражданина от подданного.

Подданство определяет принадлежность лиц к народу государства, признанного международным правом, это дефиниция членства, безотносительно к внутренней организации государства, служащая для его социального ограничения. Понятие же «гражданство» сегодня употребляется не только в связи с членством в такой организации как государство, но и в связи с тем статусом,

¹ См., например: Пуляев В. Т. Движение к гражданскому обществу: российский вариант//Социально-гуманитарные знания. 2000. №1. С. 4.

² См.: Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность/В кн. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. - М., 1995. С. 209-245.

³ Jeffrey T. Checkel. Norms, Institutes and National Identity in Contemporary Europe//International Studies Quarterly. 1999. #1. (Vol. 43). S. 93.

⁴ См.: Там же. С. 83-114.

который содержательно определен гражданскими правами и обязанностями.¹ То есть гражданское состояние личности определяется наличием неприкосновенных гражданских прав и свобод, главными из которых являются, пожалуй, те, которые создают специфическое положение личности, характеризующее, с одной стороны, определенной независимостью от государства, а с другой стороны, – возможностью политического участия.

Однако такое положение, при котором личность включена в пространство прав и свобод на формально-юридическом уровне, также не отражает специфики гражданского общества. Многие исследователи обращали внимание на то, что авторитарные социальные системы (в первую очередь, фашистские) зарождались в рамках таких формально демократических обществ, причем импульс для авторизации системы отношений порождался не структурными изменениями, а процессами, происходящими в сознании людей на уровне индивидуальной психологии и личностной культуры, в результате чего происходил массовый добровольный отказ от свободы, которая зачастую воспринимается индивидом как бремя.² Возникла концепция авторитарной (тоталитарной) личности, которая воспроизводит *несвободу* в системе социальных отношений, подчиняет свое индивидуальное «Я» коллективному сознанию (Super-Ego), пытаясь избавиться от чувства незащищенности, подавленности, преодолеть Эдипов комплекс и садомазохистские импульсы,³ погашая их в отношениях жесткой субординации и перенося их с членов семьи на различные социальные группы.⁴ Впитываясь в ткань социальных отношений, реализуясь в коммуникации, эти психологические моменты получают ценностно-нормативное выражение, образуя авторитарную либо тоталитарную культуру личности и общества, которая легитимизирует антидемократические преобразования социальных систем.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для формирования и успешного функционирования гражданского общества необходима особая личность – гражданин. Но в данном случае под гражданским состоянием понимается не просто наличие у личности формальных прав и свобод, но и особая сущность личности. Формально-юридическое положение гражданина находится в тесной связи с его культурой, иными словами «статус гражданина, конституированный правовым образом, остается зависимым от того, насколько созвучен ему фон мотивов и убеждений... гражданина»⁵.

Таким образом, в рамках данной работы мы столкнулись с многообразием гражданского общества, которое как сложный социокультурный феномен имеет множество измерений, рассматривается в рамках множества концепций. Так как различные измерения, концепции гражданского общества не сводятся друг к другу и не выводятся одна из другой, то нам представляется непродуктивным осуществлять попытки формирования единой, законченной концепции. В дан-

¹ Ю. Хабермас. Гражданство и национальная идентичность/В кн. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., 1995. С. 217-218.

² Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1995. С. 15, 132.

³ Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход//Социологические исследования. 1993. №3. С. 82-83.

⁴ Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход//Политология. Хрестоматия. – М., 1999. С. 596-597.

⁵ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность/В кн. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., 1995. С. 221.

ной работе представляется наиболее плодотворной реализация полипарадигмального подхода, позволяющего более плюралистично рассматривать гражданское общество.

С одной стороны, мы рассматриваем гражданское общество как качественное состояние всего общества, производимое социальными действиями индивидов в рамках особой культуры. Такое представление гражданского общества базируется на социокультурном подходе и находит свое выражение в разработке понятия «культура гражданственности». С другой стороны, из различных факторов формирования культуры гражданственности мы выделяем в качестве наиболее значимого общественные организации, что в методологическом плане гораздо ближе к пониманию гражданского общества как части социальной системы и основывается на институциональном подходе.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля:

1. Г. Гегель рассматривал гражданское общество как сферу отдельную от государства, но все же являющуюся его частью. Прокомментируйте.
2. Является ли гражданское общество деполитизированным явлением или оно может содержать политические характеристики?
3. В чем особенности понимания гражданского общества К. Марксом?
4. Как соотносятся понятия «гражданское общество» и «демократия»?
5. М. Фуко считал, что всякая власть является ограничением свободы. Согласны ли Вы с ним?
6. В чем достоинства и недостатки институционального подхода к гражданскому обществу?
7. В чем заключается социокультурный подход к гражданскому обществу?
8. Постарайтесь сформулировать, что значит гражданское общество как цивилизационная характеристика?
9. Предметом дискуссий является вопрос о том, возможно ли гражданское общество в России. А как считаете Вы?
10. Если гражданское общество в России возможно, то должно ли оно в основном повторять черты западно-европейской модели, или это должна быть специфически российская форма с особыми чертами?

2. КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

План:

1. Концепции культуры.
2. Актуальная культура.
3. Культура гражданственности.

Основные понятия темы:

Определения культуры, ценность, ценностная ориентация, ценность культуры, измерения культуры, нормы, обычаи, ритуалы, традиции, творчество, диалогичность культуры, актуальная культура, репрезентативная культура, культурное наследие, классическая культура, культурный поток, массовая культура, парадигма познания, постмодернизм, культура гражданственности.

2.1. Концепции культуры.

Многообразие определений культуры, сформированных к современному этапу развития гуманитарного знания в различных его отраслях, отражает сложный, многомерный характер изучаемого явления. Достаточно часто приводится в пример количество определений культуры, посчитанных и систематизированных А. Крёбером и К. Клакхоном, – по различным данным от 164¹ до 180,² не все из которых являются самостоятельными определениями, а, скорее, модификациями. Во всей массе определений культуры можно выделить совокупности, группирующиеся вокруг разных полюсов понимания культуры (культура как совокупность ценностей, культура как совокупность знаний, культура как характеристика практической деятельности; культура как духовная сфера или как совокупность произведенных человеком материальных объектов; культура как символическая система;³ культура как идеи, социальное наследие, научаемое поведение; культура как все «сверхорганическое»⁴).

Истоки современных трактовок культуры отражают сложный исторический путь развития и обогащения этого социального феномена и научной категории. Исторически понятие «культура» неоднократно изменялось:

- расширение первоначального значения («обработка почвы»), придание понятию переносного смысла – любого усовершенствования любого объекта: «культура чего-то» (Цицерон – Бэкон – Вольтер, Руссо);
- антропологизация процесса усовершенствования, понимание культуры как облагораживания, утончения физических и духовных сил человека,

¹ Чик А. Единицы культуры//Общественные науки и современность, 2000, №2. С. 113.

² Каган М. С. Философия культуры. – СПб, 1996. С. 12.

³ См. там же. С. 13-18.

⁴ См. Кафанья А. Формальный анализ определения понятия «культура»//Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб, 1997. С. 91-114.

его поведения, нравов и обычаев; культура = Bildung (образование – формирование «образа» человека) (Пуфендорф, Аделунг). Отождествление культуры с совершенствованием, достижением сохраняется в языках. В английском языке производные от to accomplish (совершать, достигать, совершенствовать, достигать совершенства) слова означают: accomplished (совершенный, получивший хорошее образование, воспитанный, культурный, имеющий изысканные манеры) и accomplishment (образованность, воспитание, внешний лоск, хорошие манеры).

- Акцент на достижениях процесса совершенствования, особенно в «высших» сферах «человеческого духа»; культура = наука, искусство, религия; разграничение «динамической» и «статической» сторон культуры: культура – и обучение, развитие и усовершенствовании чувств, мыслей, кусов и манер; и предпосылка существования таких усвоенных и усовершенствованных чувств, мыслей, вкусов и манер; их благородство;
- представление о культуре как «образе жизни», «духе» народа, о множественности культуры; «культура какая» (Вико, Монтескье, Гердер);
- наряду с узкоспециальным и общеупотребительным (культура = совершенствование) возникало и социологическое значение термина – в широком смысле (разграничение природы и общества, «людей» и «нелюдей») и в узком смысле (разграничение обществ, общностей, «культурных» и «некультурных» людей).

Нередко (и традиционно) культуру рассматривают как «совокупность накопленных человеческих ценностей». Ценность означает значимость, важность различных предметов для человека, социальной общности, общества. Ценность социальна по своей природе и складывается лишь на уровне большой социальной общности. Сформированные в процессе деятельности индивидуальные и ценностные значения – это явления общественные, коллективные. Каждый акт человеческой деятельности предстает осознанным лишь в соотношении с ценностями. Ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых обстоятельствах. Система ценностей образует внутренний каркас культуры, выражая потребности и интересы индивидов и социальных общностей. Она в свою очередь оказывает влияние на эти потребности и интересы, выступая важнейшим стимулом и мотивом социального действия и поведения индивидов. «Достоинство личности состоит в том, - по оценке М. Вебера, – что для нее существуют те ценности, с которыми она согласует свою жизнь».

Смысл понятия «ценность культуры» двоякий: с одной стороны под ценностью понимается *произведение*, а с другой стороны – *предельное основание человеческой деятельности, убеждение о должном состоянии мира, основанное*

на особом (ценностном) к нему отношении.¹ В контексте культуры гражданственности личности под ценностью мы понимаем именно «результат ценностно-ориентационной деятельности человека, оценки всего сущего как положительного (должного) и отрицательного».²

Важность аксиологического измерения культуры заключается в особых социальных функциях ценностей, которые служат фундаментом для регуляции духовной и предметной деятельности человека, определяют выбор целей, мотивов и методов деятельности.³ В социальной реальности ценности закрепляются в виде легитимированных обществом предпочтений и норм, которые могут содержаться как в различных формах общественного сознания (философии, идеологии, религии), так и в опредмеченном виде.

Ценность – явление социальное, ее «индивидуальным эквивалентом» является ценностная ориентация⁴ – показатель того, как ценность интериоризована в сознании личности. В процессе усвоения единой для представителей данной социальной среды ценности личность привносит в нее свое индивидуальное содержание. Возможно причины такого «искажения» ценности лежат в индивидуальной природе мыслительных процессов каждого человека, а также в том, что ценность и ценностная ориентация имеют несколько различную природу. Например, ценность, являясь сложным, многогранным явлением, включает в себя иррациональные моменты и не зависит от конкретной ситуации. Но для того, чтобы личность усвоила ценность и смогла применить ее для конструирования конкретно-ситуативных моделей поведения, ценность вербализуется, осмысливается – то есть переводится в рациональную форму, и, видимо, в этом процессе осмысления ценности и происходят некоторые искажения, которые, однако, не настолько сильны, чтобы ценностная ориентация личности вступила в противоречие с социальной ценностью. Можно сказать, что ценность – это сверхэмпирический идеал, ценностная ориентация – конкретное основание для конкретной деятельности.

Особенность ценностей как феномена культуры заключается в том, что разные (даже противоположные) ценности могут совмещаться в сознании одного человека. Каждый соотносит себя не с какой-то одной ценностью, но а с определенной их комбинацией, обычно достаточно противоречивой. Наиболее общие базовые ценности, число которых сравнительно невелико, формируются преимущественно в молодости, а затем остаются достаточно устойчивыми. Существенные изменения в их системе, содержании и иерархии связаны с кризисами в жизни общества и человека.

В социологии изучение ценностей связано с анализом их индивидуальных эквивалентов» – ценностных ориентаций. Это – установки личности на те или иные ценности материальной и духовной жизни общества.

¹ Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996, №4. С. 22-25.

² Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 221, 232.

³ Там же. С. 235.

⁴ Вишневский Ю. Р., Шалко В. Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. – Екатеринбург, 1997. С. 117.

Ценностное измерение – одно из важнейших в культуре. Но понимание культуры лишь как совокупности ценностей слишком узко, ограничено. В этом случае как бы вне культуры оказываются важнейшие сферы деятельности человека. На первый план выходят уже созданные, «готовые» ценности. Процесс их создания, творения и сам человек-творец как бы оказываются за сценой. Представление о культуре как совокупности ценностей вольно или невольно задает и определенное понимание культурного человека: присвоившего (усвоившего) как можно больше этих ценностей в виде знаний, умений, навыков. Ему соответствует и понимание культуры как определенной сферы жизни общества, в которой эти ценности создаются (в основном – профессионалами, деятелями и работниками культуры), распространяются и потребляются.

Достаточно близким к аксиологическому является понимание культуры как системы норм: нравов, обычаев, законов, ритуалов, традиций, морали. Нормы рассматриваются как социальные «производные» ценностей, созданные для их защиты. Одной из форм инкорпорации ценностей посредством норм в систему общества являются социальные институты. Обратной стороной такого понимания культуры является обращение внимание не только на взаимосвязь, но и на возможный конфликт между ценностями, нормами и социальными институтами.

Гносеологическому подходу к культуре соответствует ее понимание как «универсума знания»,¹ как «костяка знаний, направление мысли, наиболее свойственное данному обществу..., интеллектуального оснащения»,² как «комплекса взаимосвязанных идей».³ Актуальность данного измерения культуры связана с ролью знаний и в жизни человека, и в культуре. Знание фиксирует полученную в ходе обучения от других или добытую самостоятельно информацию о том, что существует в мире и в самом индивиде, опосредующую его взгляды на жизнь, его практические действия, его поведение.⁴ Ценности в процессе усвоения, трансляции в рамках социокультурного пространства облекаются в форму знаний. Само ценностное отношение возможно только к тому объекту окружающего и ли внутреннего мира, который отражен в сознании, то есть, так или иначе *познан*.

Отличия гносеологического и аксиологического измерений культуры заключаются не только в различных функциях их содержания, но и в способе организации культуры на аксиологическом и информационном уровне. Аксиологическая структура вертикальна и отображает своеобразную лестницу или шкалу ценностей, и, следовательно, динамика культуры в таком измерении определяется взаимным перемещением ценностей на этой шкале. Информационная структура культуры горизонтальна и определяется широтой и полнотой знаний об окружающем мире или отдельных его элементах, динамика культуры на этом уровне определяется изменением охвата и содержания знаний через их

¹ Терриборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке//Теория общества. – М., 1999. С. 84.

² Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973. С. 46-48.

³ Кафанья А. Указ. соч. С. 102-103.

⁴ Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 221.

производство, трансляцию, потребление.¹ Если для ценностей не применима их оценка с точки зрения истинности или ложности (ценности не могут быть проверены эмпирическим путем), то многие знания не только могут быть проверены эмпирически, но и сами имеют эмпирическое происхождение. Если ценность в личностной культуре приобретает индивидуальное содержание и выражение, то наряду с индивидуализированными знаниями в личностной культуре может существовать в принципе не индивидуализируемая информация. И если ценности определяют тип культуры, то знания определяют ее уровень.

Информационное пространство культуры многомерно и распадается на различные виды знаний: практическое, мифологическое, игровое, научное, философское, документальное, идеологическое, учебное художественное.² Особым случаем представляются дихотомии «истинное-ложное» и «полезное-бесполезное» знание.

Современное видение культуры связано с пониманием ее как сложного многогранного противоречивого явления. Культура есть качественная характеристика человеческой деятельности во всем многообразии ее видов, форм, способов, результатов. Вот почему культура – «сквозная» система, как бы пронизывающая все общество, все его сферы и структуры. Многообразие проявлений культуры соответствует многообразию человеческой деятельности. Такой – праксеологический – подход фиксирует внимание на том, как знания и ценности взаимодействуют с реальностью через практическую деятельность человека. Такому измерению соответствуют определения: «творение человеческого мира человеком составляет сущность культуры»,³ «деятельность общества, преобразующая природу»⁴ и т.д.

Актуальность праксеологического измерения культуры заключается не только в том, что оно открывает перед исследователями еще одну культурную подсистему – мир человеческой деятельности, поведения, но и в том, что именно на практическом уровне происходит функционирование ценностей и знаний.

Деятельностное понимание культуры устанавливает взаимосвязь между социологическим и культурологическим пониманием самой культуры и общества в целом как социокультурной системы. Деятельность человека рассматривается как сфера восприятия и/или реализации ценностей и знаний и одновременно как производство общественных отношений, социальной системы. Необходимо отметить и то, что параметры деятельности наиболее полно поддаются измерению социологическими методами.

Деятельностный подход к культуре позволяет социологам расширить представление о культурных феноменах, выделить новые объекты культуры, что находит свое выражение в формировании теорий политической, экономической, правовой, экологической и других культур. Выделение таких культур базируется на рассмотрении разнообразных сфер человеческой деятельности.

¹ См. Моль. А. Указ. соч.

² Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 221-232.

³ Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. – М., 1984. С. 85.

⁴ Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 15.

Культура как выражение способов деятельности может быть выражена в технологическом аспекте – как технология, как показатель рациональности, организованности, эффективности любой человеческой (производственной, политической, исследовательской и т.д.) Технологическая сторона культуры наиболее доступна для измерения, в том числе и социологического. Именно в этом измерении наиболее очевиден прогресс в культуре: совершенствование способов, форм, методов человеческой деятельности. Ясно, насколько важна эта грань культуры для нашей страны, особенно на современном этапе. Неумение рационально, эффективно действовать в самых различных сферах становится главным тормозом на пути реформ, модернизации страны.

Но еще более существенна эта гуманистическая, человекотворческая грань культуры. В этом смысле она есть человеческое, личностное измерение истории, выражение изменения самого человека в ходе исторического развития, процесс и мера самоопределения и самореализации человека как родового существа. Культура является средством социализации человека, его становления как члена общества, субъекта деятельности, общественных отношений. Культура – неоднократно отмечалось в работах отечественного социолога и культуролога Л. Н. Когана (подчеркнем – нашего Учителя и создателя уральской школы социологии культуры) – это «мера и способ реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и результатах этой деятельности». Процесс социализации в ходе усвоения культуры реализуется и как индивидуализация личности, как обретение и проявление ее уникальности и неповторимости. Культура тесно связана со свободой человека. Она освобождает его от шаблонов и стереотипов, придает деятельности человека характер самодетельности, свободного самовыражения личности. В наше время культура воспитывает ответственность, способность к внутреннему; нравственному ограничению, без чего свобода легко превращается в своеволие, безответственность.

Являясь необходимым условием свободы, индивидуального разнообразия и выбора, культура в то же время нормативная система. Ее нормы – ожидания и требования общества к человеку (от норм повседневного поведения до норм права и морали, до общепринятых в мире стандартов поведения, деятельности). В социологии культуры выделяются разные виды культурных норм:

- «нравы» («mores») – нормы, включающие моральную оценку (моральные или аморальные нравы.). Аморальные нравы запрещаются моральными стандартами общества («табу»);
- обычаи («folkways») – нормы, не связанные с моральными санкциями, - этикет, манеры. Они включают хороший или плохой вкус, но не моральность или аморальность;
- законы – формализованные нормы, опирающиеся на власть государства или его органов;
- ритуалы, обряды и церемонии – комплекс норм, которые применяются в религиозных, политических и иных институциональных группах.

Нормативную, регулирующую роль в культуре выполняют и традиции, являющиеся механизмом передачи социального опыта от поколения к поколению.

Культура опредмечивает духовное богатство человека, его способности, знания, умения, привычки, которые в процессе творчества воплощаются в ценности культуры. Но само творчество возможно лишь тогда, когда личность распредмечивает (осваивает) уже существующие ценности культуры. И тем самым – творит, меняет, обогащает себя. Творчество личности – сложный, многогранный процесс:

- созидание новых, социально значимых ценностей;
- качественная характеристика деятельности человека;
- созидание вещного мира и саморазвитие человека;
- подтверждение, доказательство уже известного;
- самостоятельный подход к уже известному;
- поиск (даже с отрицательным результатом);
- разрушение психологических барьеров, снятие инерции мышления и действия, преодоление стереотипов.

Культура – общечеловеческое явление. Она вбирает в себя, аккумулирует созданное в разные эпохи, в разных странах и цивилизациях. То, что выдерживает испытание временем, приобретает характер вечных общечеловеческих ценностей культуры. Но любая общечеловеческая ценность культуры несет печать творца, эпохи, национальных особенностей. Возникает серьезная проблема. Множественность конкретных форм существования культуры – и исторических и современных – означает: есть культура и есть культуры. Целостность культуры проявляется в ее диалогичности. Она призвана помочь человеку понять другого – по полу, возрасту, профессии, национальности, стране проживания и т.д. К этим другим, которых надо понять, относятся люди и других эпох. Важнейший принцип современного подхода к культуре человека – ее открытость к другому, стремлению его понять. Проблемы понимания получили глубокую разработку в социально-философских работах представителей герменевтики (от греч. – истолкование, разъяснение). В социологии эти взгляды получили развитие и конкретизацию в «понимающей социологии». Один из классиков герменевтики Х. Г. Гадамер отмечал: «Тот, кто хочет понять, не должен отдаваться на волю своих собственных предмнений», «герменевтически воспитанное сознание должно быть с самого начала восприимчиво к инаковости текста» (поясним: предмнение – это предварительное мнение, текст – любая информация). Возможность взаимопонимания между людьми разных культур (диалог культур) социологи соотносят с символически-коммуникативной природой человеческой культуры.

Многогранность культуры и подходов к ней всегда рождало стремление выработать более общее интегративное определение. Одним из первых его дал еще в XIX в. известный этнограф Э. Тейлор: «Культура или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Но описательность – не лучший способ определения категорий.

Следующий шаг в этом направлении был сделан в рамках структурного функционализма и культурной антропологии. Культура понималась как «обученное, общепринятое, образцовое поведение, представляющее интегрированную систему»; как единое целое, приобретаемое путем обучения, распространяемое во времени, накапливаемое и отбираемое в процессе передачи последующим поколениям, закрепляемое в символах, имеющее общепринятое значение, потенциально функциональное или дисфункциональное.

Важным направлением в осмыслении культуры является личностное, акцентирующее внимание на человекотворческой функции культуры. Такой подход устанавливает связи между культурой, личностью и социальной системой.

Сопоставление множества определений культуры показывает, что каждое из них фиксирует реальные и значимые черты и особенности культуры, но ни одно не является исчерпывающим. Поэтому сегодня в культурологии и социологии культуры вырабатывается новое – полипарадигмальное – понимание культуры, основанное на принципе дополнительности Н. Бора.

В рамках такого понимания культура не сводится *либо* к ценностям, *либо* к деятельности, *либо* к знаниям и т.д., но эти аспекты рассматриваются как специфические взаимосвязанные и взаимопроникающие подсистемы единого целого. Каждая из этих подсистем функционирует согласно собственной логике и выполняет особые функции (ценности и нормы организуют и регулируют поведение, знания используются для накопления и трансляции опыта и т.д.). Но зачастую выделение таких подсистем в культуре является достаточно условным, так как один элемент культуры может представляться и ценностью, и знанием, и обобщенной моделью (абстракцией) поведения и основанием для культурной идентичности и пр. То, в роли чего данный элемент выступает в настоящий момент, зависит от постановки вопроса, от «угла зрения», в целом – от «языка», на котором исследователь обращается к культуре. Если исследователь обращается к культуре на одном «языке», то она раскрывается перед ним как иерархия ценностей, в ней становятся видны процессы их «соперничества», борьбы; в другом случае культура становится пространством постоянно производящихся, распространяющихся, потребляющихся, забываемых и вновь воспроизводимых знаний; в третьем случае вскрывается практическая роль культуры в изменении природного мира, общества, человека; культура может быть представлена как совокупность и духовных, и материальных объектов. Способы рассмотрения и понимания культуры, различные углы зрения, принципы постановки исследовательских задач мы будем обозначать термином «измерения культуры».

Культура есть процесс, непрерывное течение, изменение. Этот процесс представляет сложное взаимодействие традиций и творчества нового, преемственности и изменений. Происходит постепенное обновление культуры. В то же время что-то в ней устаревает, отходит в прошлое, представляя сегодня лишь музейную ценность. В условиях НТР происходят изменения и самой культуры, и способов ее распространения и освоения. Не останавливаясь на всем многообразии этих процессов, выделим лишь некоторые из них, ставшие предметом обсуждения в социологической литературе:

- Социолог А. Моль подчеркивал информативный характер современной культуры: «Культура – огромное множество сообщений». Для ее изучения им была предложена методика социокультурной таблицы: совокупность средств массовой коммуникации в каждый данный момент, в конкретную эпоху и в данном месте создает поток сообщений, доступный наблюдению и поддающийся тем самым объективному исследованию. В качестве критериев информации (измеримости знаний) он предложил: частотность, доступность, специфичность, ассоциативность (связь с другими знаниями). Конкретный анализ привел его к выводу: «Мы живем в окружении мозаичной культуры,... именно эта культура определяет наши поступки и... хорошо организованное и основанное на универсальной логике мышление – отныне лишь ушедший идеал, о котором остается только пожалеть».
- Изменяется и способ «вхождения» человека в актуальную культуру. Характерно наблюдение: «сегодня мы переживаем новую революцию. Мы можем приобрести любые знания, не имея необходимости изучать что бы то ни было: если вы умеете пользоваться компьютером, он сообщит вам все, что вы хотите узнать... Сейчас люди приобретают знания скорее с помощью зрительной памяти, чем работы мозга». Как следствие – широкое распространение аудиовизуальной культуры, «виртуальной реальности». Утверждается ориентация «лучше сто раз увидеть, чем один раз подумать»;
- Важный момент выражен в идее Ч. Сноу о «двух культурах»: происходит раскол интеллектуальной жизни современного общества на научную и художественную, ученым и художникам грозит непонимание друг друга.

2.2. Актуальная культура.

Понятие «актуальная культура» еще практически не получило гражданства. В нашей культурологической литературе оно почти не употребляется (за исключением буквально нескольких публикаций).¹ В чем особенность этого понятия? Что оно может дать для более полного, глубокого изучения культуры, для анализа социокультурных ориентаций россиян?

В отечественном общественном знании термин «актуальная культура» начинает использоваться в 1970-х гг. Но его эвристичность была выявлена позднее, в связи с интенсивными исследованиями по теории и социологии культуры. Правда, эти исследования породили своеобразный гносеологический парадокс: сущность культуры, ее инвариантные черты становились все более неуловимыми, как бы растворяясь в многообразии ее форм и проявлений.

Многомерный подход к культуре создает предпосылки для ее дифференциации. С пониманием культуры как всеобщего явления связано выделение по-

¹ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. – М., 1980; Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург, 1992; Коган Л. Н. Жизнь в поколениях. Классика и современность. – Екатеринбург, 1995; Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее // Советская культура. 1987. 7 янв. и др.

литической, экономической, экологической и т.д. культуры, культуры труда, быта, досуга, управления и других видов культуры.

Анализ «актуальной культуры» лежит в иной плоскости, чем выделение указанных видов культуры. В чем-то его методология соотносима с анализом народной, демократической культуры. Эти понятия имеют двойственную природу: отражают качественную сторону культуры и характеризуют определенный класс явлений культуры. Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие *традиций и новаторства, преемственности и изменений*. Происходит постепенное обновление культуры. В то же время что-то в ней устаревает, отходит в прошлое, представляя музейную ценность. Для обозначения тех ценностей культуры, которые реально функционируют в данном обществе и в данную конкретную эпоху, используется понятие «актуальная культура». Оно позволяет отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру от культуры «невостребованной» в данный период. Специфическая особенность актуальной культуры – в ней выражено деятельностное, функционирующее начало. Она – «наличная культура», выражающая в масштабе общества массовое, типичное, господствующее.

В этом смысле представляют интерес размышления К. Мангейма о взаимоотношении господствующей культуры и субкультур: «Субкультуры, хотя и возобновляются постоянно в истории, все же выражают процесс приспособления к господствующей культуре... Следовательно, субкультуры интересны только тем, что выражают некое преходящее отклонение от магистрального пути».¹

Такой подход к выделению актуальной культуры соотносим с вводом Ф. Тенбрука: «Культура является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значения и ценности, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они активно разделяются людьми либо пользуются пассивным признанием».²

Понимаемая как «репрезентативная» культура перестает рассматриваться как пассивный феномен, надстроечный и вторичный. Она представляет в сознании людей любые факты, которые что-либо означают для них. Причем означают то, что дано в культурной репрезентации. Еще один важный вывод из концепции Тенбрука – актуальная культура не может быть ложной, *она просто есть*. При этом культурное и социальное видение – лишь два аспекта одного и того же феномена. Культура не может быть ложной, ибо общество таково, каким оно является в культуре.

В рамках такой логики резонно выделение и «неактуальной культуры». Как отмечает Л. Н. Коган: «Кто-то назвал культуру «великим кладбищем», во всяком случае, такое сравнение не лишено смысла. Неактуально в культуре то, что перестало реально функционировать в культурной коммуникации, «умершие» ценности и нормы культуры... ряд произведений культуры, не нашедших

¹ Цит. по: Гуревич П. Культура и контркультура//Свободная мысль. 1994, №11. С. 86.

² Цит. по: Ионин Л. Г. Социология культуры. С. 49.

отзвука (вспомним Ф. И. Тютчева; «как слово наше отзовется») в сердцах людей, неизбежно уходит со сцены, «умирает» и в лучшем случае, да и то не всегда становится объектом изучения специалистов».¹ Неактуальная культура нерепрезентативна, то есть не воздействует на социальное поведение людей. Конечно, нужно учитывать и то, что различные виды, фрагменты, элементы культуры могут по-разному воздействовать на социальное поведение. Да и сама актуальная культура проявляется по-разному в различных сферах культуры.

Для понимания актуальной культуры значимо проводимое в литературе разграничение «культуры» и «культурного наследия»: «Культурное наследие есть ни что иное, как опредмеченная, овеществленная культура. Оно не участвует непосредственно в воспроизводстве общественной жизни, хотя при определенных условиях может быть распределено и вплетено в живую ткань человеческих отношений. Сказать заранее, какие именно элементы культурного наследия обретут в тот или иной момент новую жизнь и обретут ли они ее вообще, невозможно».²

Но актуальная культура не может быть ограничена ценностями, которые имеют современное происхождение. Напротив, именно ценности культуры, способные преодолеть испытание временем, несут на себе печать вечного, непреходящего. И поэтому они способны оказать воздействие, вызвать живой отклик людей во все времена, в том числе и в настоящем времени, составляя ядро актуальной культуры. Как это ни покажется парадоксальным, ценности культуры прошлого, созвучные настоящему, с большим правом могут быть отнесены к актуальной культуре, чем многие явления культуры, имеющие современное происхождение. Глубокий смысл приобретает вывод Ю. Лотмана: «Актуальность в развитии экономики, техники и актуальность развития искусства имеют, видимо, совсем разные значения, поскольку речь идет об ориентации на разную временную дистанцию. В свое время под «актуальностью» мы часто понимали лишь соответствие лозунгу дня... В культуре особенно заметно, если мы ради представляющихся нам злободневными задач разрушаем или наносим ущерб далеко идущим культурным целям и нашим культурным богатствам. Отсюда главный вывод: необходимо бережное отношение к историческому наследию и постоянная мысль – не все, что мы сейчас понимаем, есть конечная истина, и что всякое классическое наследие еще будет раскрываться».³

Необходимая исследовательская процедура – *анализ структуры актуальной культуры*. Вопрос этот мало изучен. Попытка такого анализа была предпринята в ряде более ранних публикаций автора.⁴ Более глубокий и детальный анализ реализован в недавних работах Л. Н. Когана.⁵ В частности, выделяется 5

¹ Коган Л. Н. Социология культуры. С. 63.

² Баталов Э. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы)//ОНС. 1994. №6. С. 39.

³ Лотман Ю. М. Указ. соч.

⁴ Шапко В. Т. Актуальная культура (проблемы исследования)//Политика и культура. – Екатеринбург, 1991. С. 35; Шапко В. Т. Актуальная культура: парадоксы обновления//Советская культура и развитие человека. – Пермь, 1991. С. 18.

⁵ Коган Л. Н. Социология культуры. С. 64-68; Коган Л. Н. Жизнь в поколениях. С. 9-12; Коган Л. Н. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993. С. 45-48.

слоев актуальной культуры:

- общечеловеческие, непреходящие ценности. Этот слой сравнительно невелик по объему, имеет интернациональный характер;
- национальная классика. В других странах она менее известна широким массам, являясь достоянием преимущественно специалистов;
- произведения культуры прошлого и современности, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами), но отвергаемые другими;
- «культурный поток», самый широкий, непрерывно меняющийся слой. В нем оказываются и замечательные произведения, которые со временем могут стать классикой, но основная масса его произведений обречена на забвение, причем часто довольно быстрое;
- ранее «невостребованные» ценности, которые обогнали свое время и лишь сейчас получают аудиторию.

Границы между этими слоями условны и подвижны. В своем единстве они и составляют актуальную культуру. Этот подход к структурированию актуальной культуры может быть дополнен и развит. В первую очередь, за счет выделения двух взаимодополняющих оснований для структурирования:

- *по масштабу культурных ценностей и норм*: общечеловеческие, общесовременные, общенациональные, субкультурные;
- *по способу существования явлений культуры в качестве актуальных, по способу их вписывания в настоящую эпоху*: вечные, непреходящие ценности культуры, классика; архетипы национальной культуры («способы ориентации в основных, наиболее важных проблемах бытия»¹); культурный поток.

Структурирование актуальной культуры не является линейно-прогрессивным. К ней не относится то, что лишь вызревает в настоящем. Оно уже есть в действительности, но еще не укоренилось и как феномен культуры носит потенциальный, эвентуальный характер (такова в начале XX в. теория относительности). И напротив, явления актуальной культуры могут «забываться», уходить из нее и снова возвращаться – отвергаемое одним поколением может быть принято другим; опередившее свое время – по новому, заслуженно оценено в дальнейшем. Актуальная культура выступает как инвариантный компонент, овладение которым возможно и необходимо для каждого, чтобы быть в состоянии «войти» в современную культуру. Нередко предлагается выделять явления актуальной культуры (и, соответственно, описывать ее границы) по критерию соответствия их тем или иным социальным потребностям. Но тут сразу же возникает проблема субъекта оценки – кто будет определять, в каких ценностях культуры общество или отдельные социальные группы испытывают потребность? Недавний опыт нашей истории показывает, к каким негативным последствиям может привести произвол и субъективизм таких оценок. Однако необходимо видеть и стоящую за этим серьезную методологическую проблему. Долгое время наше общественное сознание довольно пренебрежительно относилось к миру *реальных* явлений, ориентируясь преимущественно на умопостигаемые *сущности*. Разумеется, целью науки является постижение сущности. Но можно

¹ См.: Седов Л. А. Место русской культуры среди мировых культур // Полис. 1994. №4. С. 97-110.

ли постичь ее, минуя анализ на уровне явлений? Сегодня причина этого достаточно ясна - действительность, мир явлений во многом не соответствовали (да и не соответствуют) умозрительным сущностям, и познание - в обход «неправильной» и «неудобной» реальности - устремлялось напрямик к сущности.

Заслуживает специального анализа *проблема соотношения и взаимодействия различных структурных элементов актуальной культуры* в различных видах и сферах культуры. В каждом виде культуры есть своя актуальная культура, доступная для каждого и необходимая для всех, отличная от профессиональной культуры.

В сфере художественной культуры, в частности, соотношение классики и «культурного потока», массовой культуры более сложно и противоречиво, чем это может показаться на первый взгляд. Да, классика актуальна всегда, но... Происходит парадоксальное явление. «Высокая» литература весьма идеологизирована и осложнена чисто интеллигентскими проблемами. В то же время существуют жесткие требования лояльности к стандартам высокого и вечного. Поэтому в сегодняшних реальных условиях она («высокая» культура в целом) зачастую оказывается ретроспективной, ориентированной на прошлое, на школьные шаблоны и имена. И ощущается читателем (по крайней мере, молодым) как чужая для него, несвоевременная и неуместная - неактуальная.

Выявляется и еще один весьма противоречивый аспект *бытия классики как актуальной культуры*: «В тоталитарных обществах «классики» получали государственные чины, звания и подлежали государственной охране, поскольку удостоверяли легитимность всего социально-государственного целого... Классики должны быть мертвыми, воплощая в ритуалах их почитания нерационализируемые комплексы группы».¹

Напротив, *массовая культура* становится источником норм и образцов поведения, средством массовой психотерапии. Она выполняет в обществе сложные функции адаптации людей к изменениям. И в этом смысле она приобретает качество актуальной культуры, так как представляет собой репрезентативную, наличную культуру. Разумеется, она не всеобъемлюща. Но она - часть актуальной культуры, и с этим нельзя не считаться.

Основной читатель и зритель сегодня (по данным социологических опросов) - женщина. Массовая культура и сориентирована на нее как главного потребителя. А все, что связано с женским началом, имеет преимущественно аффективный, эмоциональный характер. Это со всей очевидностью обнаруживается при анализе аудитории телесериалов, от которых ждут сильных и напряженных эмоций и психологической разрядки. Не случайно исследователи подчеркивают: «Восприятие сериала никогда не ограничивается только сюжетной линией. Его направленность иная: представить и отстоять в условиях нормативно-нравственного хаоса некую систему ценностей традиционного сознания, придать этим ценностям вид вечных, вневременных регуляторов. А с другой стороны, тех рецептов житейской мудрости, которые только и могут, проводя человека по лабиринтам его нелегкой судьбы, привести его к счастью

¹ Гудков Л., Дубин Б. Без напряжения//Новый мир. 1993. №2. С. 244.

и наделить эти бедствия смыслом».¹ Но главное, видимо, в том, что массовая культура «оперирует именно архетипами. В этом ее парадоксальное сходство с высшими творениями гениальных художников».² Ясно при этом, что переходное состояние общества, его нестабильность и кризисность благоприятствуют *мифологии*, актуализации массовой культуры.

Одна из функций «живых» мифов - увековечить обозначенную в мифе систему социальных ценностей в меняющемся мире. Ситуация такова, что именно в этом нуждается сегодня наше общество (или многие в нем). Вопреки всем демократическим и цивилизационным преобразованиям население некогда великой державы стремится сохранить право считать прожитую жизнь не лишенной смысла. Это напряжение в культуре разряжается мифами, освобождающими энергию сопротивления коллективного бессознательного социальному хаосу.

Однако важно видеть и другую сторону этих процессов. Когда культура начинает выполнять функцию распространения *«модернизационных образцов»* – моделей поведения, норм и стереотипов западного образа жизни, а также механизмов адаптации людей к ним, происходит качественное понижение культурного уровня. Источается слой культуры в ее «высоких образцах». Культура, по выражению Н. А. Бердяева, «переходит в цивилизацию», становится массовой, коммерциализуется. Происходит *«кризис культуры»*, который мы и наблюдаем сегодня. Дениерархизация культурных ценностей (по сути, фактическое понижение качества культуры) выдается за рост ее многообразия. Классическая модель культуры перестает занимать монопольное положение в качестве «официальной», образцы которой распространялись повсеместно. Она сменяется видимым многообразием культуры. Но не возникает и реальный полистилизм. «Модель классической культуры в качестве официальной идеологии» замещается «сциентистской моделью культуры».³

В этих условиях особую значимость приобретают дискуссии об актуализации классики в рамках современной культуры. Из недавнего прошлого выделим диалог Л. К. Чуковской («Если душа не тронута современной поэзией - она и на классическую не откликнется. Путь к пониманию классической поэзии лежит через современную, через ту, которая «про меня». Если не любишь, не слышишь Блока, Маяковского, Ахматову, Пастернака, Мандельштама, то и Пушкина не услышишь, не научишься его воспринимать лично») и А. А. Ахматовой («Вот и держитесь этой мысли. Она правильна и плодотворна: только сквозь современное искусство можно понять искусство прошлого. Нет иного пути»)⁴. Примечательна и позиция современного исследователя культуры: «Вечное в искусстве не может существовать вне временного и независимо от него; оно проявляется только во временном и через временное, как бы "просвечивает" в нем и делает само временное вечным».⁵

¹ Дубицкая В. П. Телесериалы на экране и в постсоветской мифологии // Соисс. 1996. №9. С. 81.

² Парамонов Б. Сэнэ энд сенсидиниты // Звезда. 1996. №9. С. 81.

³ Селезнева Е. Н. Культурная политика сегодня: рецидивы историзма? // Соисс. 1996. №10. С. 129-130.

⁴ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Книга 1 (1938-1941). – М., 1989. С. 129.

⁵ Коган Л. Н. Жизнь в поколениях. С. 22.

В социологическом плане нужно учитывать и такой аспект «культурного потока», как формирование вкуса массового читателя. Способность «текущей литературы» «прикоснуться к болевой точке своего времени оказывает немалое влияние на правильные представления общества».¹

В *сфере науки*, где более отчетливо выражен линейный характер развития, актуальность прочно связана с современностью, с последними (и - как правило - самыми эффективными) методологиями, методиками, технологиями исследования. Актуализация в науке связана со сменой научных парадигм. Научная классика служит, в основном, предпосылкой актуальной культуры в науке. Более того, *современная научная парадигма* связана с отказом от универсалии науки классического периода и рядом авторов определяется как *постмодернистская*. В социальном познании эти процессы (особенно в нашей стране) идут с отставанием по сравнению с естествознанием. Однако и здесь происходят впечатляющие сдвиги.

Смена парадигмы социального познания началась не сегодня, но во многом продолжает определять современную познавательную ситуацию. Что же переосмысливается и подвергается критике? Из многообразия высказываемых мнений выделим две позиции.

В рамках одной из них подвергается сомнению «вера во всевластие человеческого разума, в объективность универсального миропорядка и основанный в этой вере идеал классического социального знания – универсальная концепция и соответствующие ей критерии научности».²

В рамках другой говорится о переосмыслении основных принципов классического обществознания: монизм, фундаментализм, элементаризм, редукционизм.³ Современный исследователь социокультурных процессов приступает к их изучению, не имея надежных методологических гарантий. Постиндустриальное общество лишено единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Оно меняет центры своего притяжения и отличается подвижностью связей и зависимостей. Это требует изменения привычных установок социального познания и утверждения новых:

- отсутствие инвариантных базисных истин для объектов различных классов (неадекватность единых критериев истинности по отношению к любым утверждениям);
- мозаичность, гетерогенность современных объектов познания;
- смена тактики выбора базисного основания;
- приоритет индивидуального над целокупным.⁴

В рамках стохастической картины мира субъект и его деятельность могут быть описаны понятиями *нелинейность, сложность, вероятностный характер событий, их принципиальная непредсказуемость в точках бифуркаций*.⁵

¹ Гитович И. Спутники Чехова//Новый мир. 1986. №10. с. 254.

² Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация//Соисс. 1995. №11. С. 13.

³ Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть?//Соисс. 1992. №10. С. 37-39.

⁴ Абрамов Н. Т. Принцип фундаментального идеала и новый образ науки//Философские науки. 1989. №1. С. 47.

⁵ См.: Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии//ОНС. 1993. №5, 6; Князева Е., Курдюмов С. Синергетика как новое мировидение//Вопросы философии. 1992. №12 и др.

В современной науке нарастает критика фундаменталистских воззрений. Речь идет о кардинальной смене научной парадигмы и даже о *качественно различных эпохах «развитии науки»* (традиционной, фундаменталистской, и современной, антифундаменталистской).

Еще в начале XX в. П. Валери предупреждал: «Две опасности не перестанут угрожать миру: порядок и беспорядок».¹ Конечно, общество всегда испытывает страх перед беспорядком. Очевидно, что многих россиян сегодня более всего пугает нарастающий социальный хаос, увеличение дезорганизованности, вызванное разрушением привычных социальных связей, непредсказуемость кризисных ситуаций. Но не меньшую опасность для общества представляет и порядок – жесткий порядок тоталитарной системы. Он строится на подавлении элементарных проявлений свободы и самостоятельности, автономности индивидов, на порабощении человека надындивидуальными структурами.

Теория самоорганизации показывает несостоятельность идеи полного и всеохватывающего контроля над социальными процессами. Управляющее воздействие со стороны субъекта лишь включается в процесс социальной самоорганизации. Оно вносит коррективы в этот процесс, но никогда полностью не подчиняет его. Включение субъекта управления в социальный процесс, его воздействие может внести и дополнительную степень неурегулированности, хаоса. Прямое управленческое воздействие, даже успешное по каким-то параметрам, может увеличить степень дезорганизации по другим параметрам. *Синергетика*, теория самоорганизации, убедительно показывает, что некоторая доля хаоса, стихийности, неопределенности – это не зло.² Напротив, это конструктивный фактор в процессах самоорганизации социальной среды.

Социокультурная сфера является одной из областей нового синергетического прочтения. Пока такое прочтение – на уровне самых общих методологических подходов, а не конкретных прогнозов. Но и такой уровень может быть полезен. Действительно, социальная сфера представляет собой постоянное столкновение необходимых и случайных явлений. В ней возникает множество нестабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты. Задуманное и спланированное часто при осуществлении оборачивается прямо противоположным, начинает развиваться иначе, подчиняясь каким-то своим самоорганизационным началам, своей логике.

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на субъективное и случайное в социокультурной деятельности, осознать, что случайность – не побочное, а существенное условие развития социокультурной жизни. Случайное оказывается не просто формой проявления необходимости, предопределенности, а самостоятельным свойством, конструктивным элементом социальной жизни.

В современных условиях должна измениться и *методика предвидения будущего* – общества, культуры, актуальной культуры. Ясно, что возможности научного, жестко детерминистского, прогноза весьма ограничены. Более плодот-

¹ Валерии П. Об искусстве. – М., 1976. С. 111.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986.

творной является сценарная методика предвидения будущего, анализ альтернатив, сравнение степени их вероятности.

Синергетическое понимание культуры (актуальной культуры) должно включать ее осмысление как многоуровневой системы, в которой решение проблем на макроуровне может и не перестроить всю систему. Недооценка этого особенно опасна при осуществлении глубоких социальных преобразований.

В современном мире (в том числе и в России) исследователь культуры имеет дело с сосуществованием разных детерминант. По данным опросов, многие россияне определяют свою социальную удовлетворенность по критериям реализации их материальных интересов, успешности (или нет) экономических реформ. Но существует немало и тех (индивидов или социальных групп), для кого культура - более важный способ национальной идентичности, чем общность территории, экономика и т. д. Словом, социолог-культуролог оказывается в ситуации, описанной И. Пригожиным применительно к новейшему постклассическому естествознанию: «Неустрашимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность».¹ Прежде экспансия естественнонаучного рассудка состояла в стремлении распространить генерализацию на сферу наук об обществе и культуре. Сегодня, напротив, естествознание все больше интегрирует индивидуализирующую установку наук о культуре, ставя в центр понятия уникальности, органической деятельности, антропности.

Новая эвристика (*неклассический взгляд на социокультурную действительность*) ориентируется на новые регуляторы, предписания: плюрализм, полиэкранность, ипостасность, холизм, синергизм, дополнительность, релятивизм, нелинейность.²

Облегченно-оптимистический взгляд классического обществознания сменяется на более реалистический. Социальный мир, мир культуры вновь видится непонятным, заколдованным. Неклассические методологии не противопоставляют специализированное (теоретическое) знание здравому смыслу. Центр тяжести с анализа «оснований» и «клеточек» переносится на изучение жизненных проявлений, человеческого взаимодействия.

Описывая новые, неклассические, методологии в науке и новые стилистические особенности в художественной культуре, многие авторы используют понятие «*постмодернизм*». Речь идет не просто о формальных поисках андеграунда в поэзии и изобразительном искусстве, а о важном компоненте актуальной культуры к XX в. Справедливо мнение:

«Новая ситуация связана с умонастроением, которое называют постмодернизмом. Однако представляется, что это более широкое культурное течение. Оно связано с жизненным миром человека: повседневную, массового, архетипического... В конечном счете, речь идет об отказе от принципа подчинения. Это отказ делить людей на творцов и мещан, не способных получить доступ в

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986. С. 97.

² Ильин В. В. Указ. соч. С. 39-42.

мир высших ценностей».¹ Происходит возврат к нормальному звучанию человеческого голоса, к обычной жизни - без помпы и парада... Исчезает образ жреца искусства как исключительной личности, противостоящей толпе, обывателям. Постмодернизм стирает оппозицию *элитарной и массовой культур*.

Среди важнейших свойств постмодернизма можно выделить симуляцию, производство реальности, когда телевидение воспроизводит событие, которое осуществляется специально для того, чтобы... телевидение могло его воспроизвести. Еще одна характеристика постмодернизма - он «расстается с большими идеологиями, претендующими на целостность, и переводит культуру в состояние идейной эклектики и фрагментаризма».² Сказывается реакция на «идейность», «идеологичность» классического мировидения. В постмодернизме выражено понимание: все ужасы жизни не так страшны, как выдуманные совестью и разумом идеи. И это заставляет подвергнуть дешифровке любые общепринятые смыслы. «Полифония», «разнородность» и «локализм» постмодернизма противостоят стремлению к глобальным проектам и трансформациям, реализующимся сверху и за счет тех, кто лишен возможности изложить свою точку зрения.³

Постмодернистское мировидение - лишь часть сегодняшней актуальной культуры, причем отличающаяся значительной рефлексированностью и рафинированностью. Но это связано с более глубокими социокультурными причинами. Мир становится слишком сложным, сложность быстро нарастает. Сбивается прогноз О. Тоффлера, высказанный еще в начале 1970-х гг. Быстрое возрастание сложности общества опрокидывает классическую эстетику и классическую науку. Г. Померанц отмечает: «Достаточно сложным был и мир Чехова, но эта сложность еще не ошеломляла, не сбивала с ног... А потом новое повалило в таком темпе, что уравновешенное сознание не выдержало».⁴

Обнаруживаются пределы человеческих возможностей. И не только в связи с конечностью и исчерпаемостью ресурсов, но и в собственно человеческом смысле. Оказывается, не все проблемы (в точном понятийном смысле этого слова) имеют решение, во всяком случае, эффективное и легитимное.

Все это создает общий фон, на котором формируется актуальная культура современной *молодежи*. Конечно, экзистенциалистские установки о необходимости борьбы с миром абсурда (хотя эта борьба и безнадежна) чужды молодому сознанию. Но в адаптированном виде они не могут не впитываться им.

Применительно к *личности* актуальная культура есть выражение драматического противоречия между абстрактной возможностью человека *распредметить любые ценности культуры в любом количестве и реальной возможностью осуществлять это в весьма узких количественных границах*. Если учесть многочисленность явлений культуры, которое уже есть и продолжает стремительно увеличиваться, становится ясно: реально человек может освоить лишь мизерную часть их. В отношениях личности и культуры имеется противоречие

¹ Козлова Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов//ОНС. 1994. №3. С. 145.

² Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма//Звезда. 1996. №8. С. 171.

³ Ушакин С. А. После модернизма: язык власти или власть языка?//ОНС. 1996. №5. С. 139.

⁴ Померанц Г. После модернизма, или искусство XXI века//Литературная газета. 1996. №27.

и на качественном уровне - между принципиальной возможностью *сколь угодно глубоко и всесторонне осваивать любые* - сложные, непреходящие, вечные - *ценности культуры* и реальными возможностями *конкретного человека*.

И тут актуальная культура связана с фундаментальной проблемой человеческого бытия - *проблемой выбора*. На первый взгляд, актуальная культура выступает как социокультурный механизм, облегчающий такой выбор. Конечно, она выполняет такую функцию, прежде всего, в силу своей *нормативности*. Актуальная культура как бы определяет тот минимум культурности, которым должен обладать каждый со- j временный человек. Но актуальная культура и обостряет проблему выбора, его необходимости. Другое дело, что в различных типах актуальной культуры характер выбора, его структура, способы и цели различны.

Для более глубокого понимания актуальной культуры (как временного измерения культуры) важен *конкретно-исторический подход*. Он позволяет понять, что противоречивость таких ее критериев, как повседневность и используемость, особенно проявляется в авторитарных обществах с неразвитой демократией и урезанными свободами. Жестко идеологизированная культура приобретает монопольное распространение и, опираясь на мифологизированное сознание, патриархально-авторитарные привычки, уравнилительно-люмпенизированную психологию, может иметь миллионы восторженных почитателей. Из этого трагического опыта существования культуры можно извлечь один из немногих положительных и оставляющих надежду выводов: демократические элементы, дух свободы и независимости, имплицитно присущие культуре, - неистребимы. Поистине прав был М. А. Булгаков: *рукописи не горят!* Во всяком случае, в каком-то определенном отношении «не горят», хотя это и горькая радость, если помнить о цене такой несгораемости. Именно поэтому, несмотря на казалось бы полное подчинение в СССР в 1930-50-е гг. актуальной культуры идеологическому диктату, официальной культуре, дух свободы оказался сильнее. Когда начинается разложение тоталитарного режима и сила монопольного диктата ослабевает, происходит расхождение актуальной и официальной культуры. Особенно очевидным это становится в связи с демократизацией общества, когда многие «арестованные» культурные ценности «реабилитируются», выходят на свободу, приобретают статус массовой доступности, реального использования. Но оказывается, что для немалого числа людей эти ценности и раньше были актуальной культурой (ходили в списках, реализовывались через «самиздат» и «тамиздат»). Происходит возрождение (а иногда и второе рождение) существовавших культурных ценностей как актуальной культуры не только определенных групп, но и общества в целом.

Проблема выбора и отбора культурных ценностей и образцов поведения в актуальную культуру связана с тем, *кто и как производит отбор*. В тоталитарном обществе роль верховного духовного арбитра присвоила себе правящая партия. Официальная господствующая культура стремилась занять все поле актуальной культуры. И решающим критерием отнесения того или иного культурного явления к актуальной культуре был классовый идеологический подход (в рамках и теории, и практики управления). Это относилось и к отечественной

культуре прошлого, и к различным явлениям современной мировой культуры, особенно культуры буржуазного общества. Конечно, несводимость культуры к классовым, идеологическим явлениям исследователям да и просто людям, интересующимся проблемами культуры, была ясна давно. И все-таки приоритет классовых ценностей, ориентация на формирование типа личности, нужного классу или обществу, долгое время рассматривались как важнейший принцип и признак определения актуальной культуры. Смена приоритетов во всех сферах жизни общества, выдвижение на первый план общечеловеческих ценностей позволило изменить критерии актуальной культуры.

Важно по-иному осмыслить и *связь актуальной культуры с развитием личности* - не формирование личности по жестко заданной модели, социально-классовому шаблону, а создание поля свободы, свободного выбора, свободной деятельности. Применительно к такому подходу более точным было бы *понимание свободы как проявления возможностей, поля возможного выбора*. Соответственно и нормативность актуальной культуры предстала бы не жесткой системой внешних предписаний, а процессом своеобразного превращения идеала, внутренне принимаемого человеком в образец, а образца в норму.

Нормативность актуальной культуры - одна из сложнейших и противоречивых ее характеристик. Актуальная культура - некий инвариант, обязательный для личности социокультурный минимум. Именно актуальная культура выступает по отношению к личности инструментом социализации и индивидуализации, концентрируя в себе социокультурные требования социума и группы к человеку. Но это и порождает ее внутренние противоречия:

- как совместить нормативность со свободным, сотворческим характером потребления культурных ценностей, со свободным выбором личности в мире культуры?
- если актуальная культура многослойна, дифференцирована, то могут ли быть едиными требования социума к культуре конкретной личности?

Многоуровневость, иерархичность структуры актуальной культуры предполагает различную жесткость требований к личности. В рамках разграничения по признаку «непреходящее - преходящее» наиболее жесткие требования к личности предъявляются по поводу вечных, непреходящих ценностей. Напротив, в рамках «культурного потока» степень жесткости минимальна. Здесь требования скорее не к тому, что именно личность выбирает. На первый план выходит обязательность приобщения к культурному потоку и значимость самостоятельности, осознанности, личностности этого выбора.

Еще сложнее ситуация в рамках разномасштабности актуальной культуры. С одной стороны, можно ли быть культурным человеком без освоения общечеловеческих ценностей актуальной культуры, родовых, универсальных способов человеческой деятельности? В известном смысле вопрос этот риторический. Эти ценности - родовые, общечеловеческие, и потому они обязательны для культурного человека. Если же они не освоены личностью, то это, что называется, факт ее биографии. Понятно, что и здесь невозможно объять необъятное и необходим какой-то отбор, выделение «основ», начал. Этот же подход может быть использован и по отношению к общецивилизационным и общенациональ-

ным ценностям. Но тут мера разнообразия усиливается. Значительно возрастает плюрализм актуальной культуры на уровне различных социокультурных групп, субкультур. Но при этом именно требования (и нормативность актуальной культуры) на уровне группы могут быть предельно жесткими, идентифицирующими принадлежность к данной группе. Если же личность не готова или не способна принять многие из этих групповых требований, то она оказывается за пределами данной группы. Отсюда распространенность в духовной жизни общества «маргиналов» (порвавших с одной культурой, но не освоивших другую) и «изгоев», попавших в своеобразные «ниши» между разными культурами.

Культура любого, даже минимально дифференцированного и структурированного общества наряду с общезначимыми нормами и ценностями содержит и множество специфицирующих. Любая культура предстает как система различных субкультур. Идентично и положение с актуальной культурой: «единой актуальной культуры в обществе не было и нет. В каждой из систем культуры общества есть своя актуальная культура».¹

Сегодня процессы *дифференциации* преобладают не только в реальной жизни, но и в подходах к различным социокультурным явлениям. Так, в современной российской культуре исследователи выделяют *субкультурные подсистемы* по различным основаниям. Одно из них - *ценностное, ментальное*.²

- высокая интеллигентская субкультура, развивающая традиции элитарной культуры;
- «советская культура», основанная на привычке людей старшего поколения к патернализму и уравниловке;
- субкультура либеральных ценностей, охватывающая часть молодежи, предпринимателей, интеллигенции;
- комплекс маргинальных субкультур низов, их объединяет преимущественно тоталитарный подход к личности и «окопная» психология.

В результате деградации системы советских культурных ценностей образуется социокультурная ниша, за заполнение которой идет борьба между «западной» и «маргинальной» субкультурами.

2.3. Культура гражданственности.

Анализ культуры в целом и ее наиболее современного слоя – актуальной культуры – создает предпосылки для понимания места культуры гражданственности в системе культуры, ее сущности и функций. Системным качеством гражданского общества является то, что приоритетная ценность в нем (по Станиславскому - сверхзадача) – права и свободы граждан. В соответствии с этим культуру гражданского общества в рамках аксиологического подхода можно определить как систему ценностей, связанных с правами и свободами граждан. Степень развитости культуры гражданственности данного общества определяется тем, насколько права и свободы граждан в нем являются приоритетной

¹ Коган Л. Н. Социология культуры. С. 64.

² Фишер А. О новой культурной политике России//ОНС. 1994. №5. С. 20-21.

ценностью, причем не столько в декларациях, официальной пропаганде, сколько в устройстве социальных институтов, в стиле их функционирования, в реальных социальных практиках.

В рамках деятельностного подхода культура гражданственности определяется как качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, суть которой в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причем не в формально-юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия.

Социологический анализ позволяет выяснить, насколько распространены, типичны в обществе соответствующий социальные практики, как они связаны с соответствующими социальными общностями, группами. В какой мере права и свободы граждан как приоритетная ценность имеют основание в архетипах той или иной социальной общности, общества в целом.

В этом случае культура гражданственности характеризует гражданское общество не с точки зрения его институционального устройства, а с точки зрения способов деятельности людей. И в этом смысле можно сказать, что без определенного уровня культуры гражданственности, проявляющегося в традициях, в стереотипах, привычных способах деятельности, гражданское общество невозможно. Без этих характеристик общество, претендующее на то, чтобы быть гражданским, является лишь его формальным подобием.

Степень развитости культуры гражданственности в рамках деятельностного подхода определяется типичностью определенных социальных практик, способов деятельности, устойчивостью и глубиной освоения ценностей и норм культуры гражданственности населением страны.

Деятельностное, личностное измерение культуры гражданственности позволяет сосредоточить внимание именно на культуре гражданственности личности. Именно в этом аспекте она преимущественно и будет рассматриваться.

Теоретическая модель культуры гражданственности базируется на полипарадигмальном подходе к сущности культуры, что заключается в выделении равноправных в методологическом плане измерений и элементов, рассмотрении культуры гражданственности как целостной многогранной системы. В качестве субъекта культуры выделяется личность, культура гражданственности общества нами не рассматривается.

Рассмотрение культуры гражданственности как культуры личности имеет ряд особенностей. Как уже отмечалось, в современной социологии предпринимаются попытки взглянуть на гражданское общество с точки зрения действующего субъекта, актора социальных отношений. «Гражданская позиция», «гражданственность», «гражданская ответственность», «гражданское участие» и подобные термины все чаще и чаще встречаются в работах, посвященных проблематике гражданского общества. Несмотря на то, что значения данных понятий четко не определены, носят открытый, незавершенный характер, можно выделить основные тенденции в их определениях.

Так, термином «гражданская позиция» можно обозначить заявленное отношение гражданина к тем или иным социальным, политическим или экономическим проблемам. Под «гражданственностью» можно понимать: 1) динамиче-

скую ценностно-правовую связь человека или общности людей как граждан с государством, которая реализуется через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах;¹ 2) идеальное состояние общества, государства, человека, сознания, их взаимосвязи в политико-правовом пространстве, которое противостоит традиционности, радикализму, иррациональности и т.д.² То есть, гражданственность в данном случае – либо одна из форм идентичности, либо качественное состояние общества и личности. Понятие «гражданское участие» выступает, как правило, противовесом понятия «политическое участие» и используется для обозначения деятельности индивида по решению актуальных социальных проблем в рамках общественных организаций, движений и т.д.

Из этого видно, что вышеперечисленные понятия обозначают отдельные стороны гражданского состояния, то есть, являются достаточно узкими для того, чтобы использовать их для характеристики личности гражданина в целом. Понятие «гражданская культура» также не является исчерпывающим, так как обозначает тип *политической* культуры, то есть характеризует личность как субъекта политического сообщества, как актора политической деятельности, избирателя, не затрагивая другие, неполитические действия личности. Хотя в работах современных исследователей можно встретить и другое – «расширенное» - понимание гражданской культуры как синтеза характеристик политического и неполитического (гражданского) участия.³ Однако если рассматривать гражданское общество как особое состояние всей социальной системы, то необходимым становится и такой взгляд на его культурное измерение, который подходил бы для характеристики актора во всех сферах его социальной активности, включая и политическое участие, и деятельность в рамках общественных движений, экономической системы, и в сфере непосредственного общения.

Понятием, которое в наилучшей степени соответствовало бы требованиям полной характеристики личности как субъекта гражданского общества, представляется категория «культура гражданственности личности», имеющая определенные методологические особенности, отличающие его от приведенных выше. Что же представляет собой «культура гражданственности» как понятие и как социокультурный феномен?

Во-первых, понятие «культура *гражданственности*» характеризует личность в особом состоянии. Личностная культура является достаточно сложной системой, в которой, в зависимости от контекста исследования, выделяют различные личностные субкультуры (экономическую, политическую и т.д.). В этом плане методологически важным является соотношение культуры гражданственности и культуры личности в целом. Является ли культура гражданственности уровнем развития всей личностной культуры или функционирует в рамках последней как часть? С одной стороны, необходимо учитывать то, что в со-

¹ Козлов А. А. Социальная динамика формирования гражданских и патриотических позиций молодежи в современном российском обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д. социол. н. – СПб, 2001. С. 11.

² Айвазян А. А. Указ. соч. С. 19.

³ Айвазян А. А. Указ. соч. С. 17.

временном обществе практически нет таких сфер социальных отношений, в которых поведение личности не могло бы быть соотнесено с представлениями о правах человека и гражданина. То, что в классической социальной философии выводилось за пределы государства и публичной сферы (семья, воспитание детей, сексуальные отношения и т.д.), в развитых демократических обществах подвергается правовому регулированию, становится содержанием судебной практики и деятельности общественных организаций. Родители и дети, супруги, коллеги и т.д. в общении между собой зачастую выступают сегодня в таких обществах как граждане. Гражданственность как характеристика личностной культуры является универсальной характеристикой, то есть проявляющейся во всем спектре социальных контактов (взаимодействий, связей) личности. В данном случае мы можем говорить, что культура гражданственности соответствует уровню, состоянию культуры личности в целом, и ей противостоят *негражданственные* культуры: подданническая, авторитарная. С другой стороны, можно утверждать, что культура личности в целом шире культуры гражданственности, так как содержит многие элементы, не относящиеся к гражданскому состоянию (например: предпочтения в художественной культуре, технологические или научные знания, религиозные представления). Такие элементы выводятся за пределы культуры гражданственности.

Во-вторых, культура гражданственности отличается от других аспектов гражданского состояния личности: формально-юридического *статуса* гражданина, гражданственности, понимаемой как социальный институт. В таком контексте прослеживается различие понятий культуры и общества, обозначающих разные уровни реальности, которые, несмотря на введение термина «социокультурный», не рассматриваются как тождественные друг другу. Понятие культуры гражданственности выполняет те же методологические функции, что и понятие культуры в целом, в частности – описания идеальных, субъективных сторон социальных систем и акторов социального взаимодействия. Другим свойством понятия культура является его предельность, поэтому понятие культуры гражданственности не сводится к гражданской идентификации, политическому или неполитическому участию и т.д., но выступает по отношению к ним как общее понятие, характеризующее личность-гражданина в целом.

Культура гражданственности личности занимает особое место в системе субъективных факторов, обуславливающих поведение гражданина в обществе. В первую очередь, представляется необходимым отделить культуру гражданственности от феноменов бессознательного, например, таких, как, «ментальность». В последнее время подобным явлениям уделяется достаточно большое внимание,¹ причем, как правило, неудачи демократического переустройства российского общества объясняются тем, что у современных россиян сформировался неподходящий менталитет. Соглашаясь с тем, что бессознательное является важным фактором, обуславливающим функционирование и развитие куль-

¹ См., например: Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации//Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. – СПб, 2000. С. 90-142.

туры,¹ мы все же рассматриваем культуру как содержание сознания, не включая в предмет исследования индивидуально-бессознательное. Именно культура позволяет человеку преодолеть бессознательное, пусть даже путем определенного насилия над собственной психикой, поэтому формирование культуры гражданственности в нашем обществе является важнейшим инструментом преодоления «ментальных барьеров» на пути к построению гражданского общества.

С другой стороны, ряд субъективных характеристик актора социальных отношений обозначается термином «сознание», что, видимо, связано с неоднозначным пониманием феномена сознания в науке. Определяя сознание как «контролируемый и регулируемый процесс конструирования новых устойчивых программ деятельности»,² как субъективный образ окружающего мира (К. Маркс), как слой человеческой психики между сверхсознанием и подсознанием (З. Фрейд) и т.д., исследователи акцентируют внимание на психической природе данного явления. Но в то же время в терминах «экологического сознания», «политическое сознание», «гражданское сознание» отражается понимание сознания как продукта коммуникации, социокультурного феномена. В какой мере соотносятся эти виды сознания с соответствующими культурами и не существует ли в использовании подобной терминологии подмены понятий – тема отдельного исследования. В рамках нашего исследования под гражданским сознанием можно понимать определенный механизм ориентации личности в рамках гражданских отношений, принятия решений, оперирования соответствующими образами, смыслами, формирования внутренней картины гражданской сферы общества и определение своего места в ней. Гражданская культура личности – содержание сознания, совокупность тех смыслов, образов, символов и их взаимосвязей, которыми оперирует личность, выстраивая свое гражданское поведение. Гражданское сознание «скрыто» в ментальных структурах психики личности, гражданская культура проявляется в коммуникации.

Для культуры гражданственности личности характерны определенные свойства и функции, присущие культуре вообще. Личность усваивает культуру гражданственности из коммуникации или из опредмеченных форм в процессе и результате (само)обучения и (само)воспитания, аккультурации, социализации – то есть посредством надбиологических механизмов. Также в культуре гражданственности проявляются и другие характеристики культуры, среди которых ее социальный (социально обусловленный) характер, что подразумевает изменение культуры гражданственности с изменениями общества, возможные различия культуры гражданственности у разных социальных общностей (групп, классов, слоев). Идеационный характер культуры гражданственности проявляется в том, что ее компоненты и взаимосвязи между ними концептуализированы и могут быть выражены в вербальной форме. Интегративность культуры означает ее существование в виде относительно согласованного и интегрированного целого, культура гражданственности представляет собой *систему* с присущими ее компонентам особыми взаимосвязями, которые и позволяют

¹ См.: Гуревич П. С. Бессознательное как фактор культурной динамики // Вопросы философии, 2000. №10. С. 37-41.

² Меренков А. В. Социология стереотипов. – Екатеринбург, 2000. С. 48.

культуре гражданственности существовать в качестве самостоятельного явления¹.

Функции культуры гражданственности личности можно рассматривать по нескольким направлениям: культура личности – личность, культура личности – общество, культура личности – культура общества. По отношению к личности главными функциями культуры гражданственности будут, скорее всего, гражданская социализация личности (усвоение индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей и традиций, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества², формирование гражданских ролей личности, паттернов гражданского поведения), а также регулятивная функция, определяющая поведение личности. По отношению к обществу культура гражданственности личности выполняет функции легитимации общественных отношений (через соотнесение существующего социального порядка с представляемым в качестве должного), а также контроля и регулирования коммуникации. По отношению к культуре гражданственности общества личностная культура также выполняет функцию легитимации и обогащает культуру общества за счет индивидуальности, творчества³ личности.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля.

1. В чем причины множественности определений культуры, подходов к ней?
2. Каковы достоинства и недостатки ценностного понимания культуры?
3. В чем специфика деятельностного подхода к культуре?
4. Что такое полипарадигмальное понимание культуры?
5. Охарактеризуйте феномен актуальной культуры.
6. В чем особенность понятия «культурное наследие»?
7. Какова структура актуальной культуры? Какие основания для ее структурирования предлагаются в современной науке?
8. Раскройте понимание классики как элемента актуальной культуры.
9. Раскройте содержание актуальной культуры в искусстве и науке.
10. Определите место культуры гражданственности в актуальной культуре.
11. Какова роль культуры гражданственности в культуре личности в целом?
12. Каковы функции культуры гражданственности личности?

¹ Подробнее о характеристиках культуры см.: Мердок Д. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. — СПб, 2000. С. 49-56.

² Сергейчик С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи // Социологические исследования, 2002. №5.

³ Творчество в данном случае понимается в широком значении как деятельность не по образцу.

3. СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

План:

1. Измерения культуры гражданственности личности
2. Элементы культуры гражданственности личности.

Основные понятия темы:

Аксиологическое измерение культуры гражданственности, информационное (гносеологическое) измерение культуры гражданственности, праксеологическое измерение культуры гражданственности, идентификационное измерение культуры гражданственности, гражданская идентичность, политическая культура, гражданская культура, свобода, права и свободы, политика, мораль, ответственность, толерантность, социальная справедливость, правовая культура, гражданская этика.

3.1. Измерения культуры гражданственности.

От рассмотрения общих характеристик культуры гражданственности перейдем к анализу ее измерений и структурных элементов.

Аксиологическое (ценностное) измерение культуры гражданственности фокусируется на анализе определенных – гражданских – ценностей и представляет личность в качестве носителя специфической системы ценностных ориентаций и сформированных на их основе предпочтений и убеждений. Функционирование этих аспектов личностной культуры имеет два вектора – экстернальный и интернальный (то есть оценивание личностью внешнего мира и других людей и оценивание личностью самой себя как субъекта взаимоотношений¹). Гражданин, рассматриваемый в контексте культуры, характеризуется особой позицией по отношению к социальным проблемам и состоянию общества в целом, к своей роли в общественном процессе, а также особым восприятием других участников общественного процесса, особой оценкой своих и чужих поступков. Характеристики гражданской позиции, соотношение ценностных ориентаций и отношений, их расположение на отметках «аксиологической шкалы» являются качественными показателями сформированности культуры гражданственности личности. Проблемы формирования культуры гражданственности личности в ее ценностном измерении сводятся к тому, насколько новые (гражданственные) ценности противоречат усвоенным ранее, насколько мобильна, открыта ценностная система личности (возможно ли включение в данную систему гражданских ценностей и/или их продвижение вверх по иерархической шкале), насколько актуальны гражданственные ценности для данной личности.

Культура является семиотической системой, что подразумевает определенные значения ценностей. Многие ценности представлены в различных куль-

¹ Каган М. С. Философия культуры. – СПб, 1996. С. 236.

турах, но, обладая различными смыслами, ориентируют индивидов на различные модели поведения. Поэтому проблема формирования аксиологического компонента культуры гражданственности – это проблема не только усвоения ценностей, но и формирования их специфического значения.

Гносеологическое (информационное) измерение культуры гражданственности обращает внимание на усвоение индивидом знаний, необходимых для самореализации в качестве полноправного гражданина. В самом общем виде это знания о принципах функционирования социальной системы, о правах и обязанностях, о нормах поведения, о свободах и т.д. Приобщаясь к культуре гражданственности, личность приобретает специфическую когнитивную и коммуникативную компетентность, формирует особое мировоззрение, способность толковать и определять ситуации с точки зрения гражданственности.

Проблемы формирования культуры гражданственности на гносеологическом уровне представляют собой отражение подобных проблем в культуре вообще. Основные вопросы здесь: насколько доступны такие знания индивиду, насколько они соответствуют его культурному уровню, насколько успешно укладываются в существующую картину мира индивида. Качественным показателем сформированности данного уровня культуры гражданственности будет являться объем (охват + глубина) гражданских знаний.

Праксеологическое измерение культуры гражданственности обращает внимание на то, что гражданское общество характеризуется особым состоянием системы коммуникаций, гражданской активностью его представителей, то есть определенной практикой общественных отношений, поведением индивидов.

Исходя из этого, формирование культуры гражданственности на праксеологическом уровне определяется характеристиками социальной активности личности. Основной формой опредмеченного бытия культуры общественных отношений, плодом практической деятельности людей в сфере коммуникации является социальная организация.² Поэтому в концентрированном виде праксеологический уровень культуры гражданственности проявляется в состоянии социальной системы, в функционировании «узлов коммуникации» (Ю. Хабермас) - организаций, структур, из которых на первое место выходят добровольные гражданские ассоциации, созданные непосредственно гражданами в соответствии с их целями, устремлениями, «проектами». В изучении характеристик деятельности общественных организаций может открыться текущее состояние праксеологического уровня культуры гражданственности.

Таким образом, основными измерениями культуры в целом и, следовательно, культуры гражданственности являются аксиологическое, гносеологическое и праксеологическое. Эти измерения соответствуют трем основным направлениям функционирования сознания: дескрипции (описания действительности), оценки (выражения отношения к действительности) и прескрипции (предписания поступка)³. Ценности, знания и практика поведения являются

¹ Тернборн Г. Указ. соч. С. 84.

² Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. С. 214.

³ Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность, 1998, №6. С. 85.

взаимосвязанными и взаимно детерминированными, причем, мы не можем выделить то или иное измерение культуры как главное, определяющее.

Еще одним измерением культуры, не входящим в триаду «ценности-знания-практика», но находящимся в тесной зависимости от нее, является *идентификационное измерение*. Этот аспект культуры заключается в формировании индивидом ощущения тождественности с одними людьми и отличия от других¹ на основе общности разделяемых ценностей, уровня знаний или характеристик деятельности. Относительно культуры гражданственности данное измерение определяется гражданской идентичностью, которую можно представить в виде ответов на вопросы: «Кто является гражданином?», «Каким условиям необходимо соответствовать, чтобы считать себя гражданином?» и «Являюсь ли я гражданином?».

Несмотря на то, что в предложенном анализе идентификационное измерение рассматривается в последнюю очередь, это не означает второстепенной значимости системы идентичностей в культуре гражданственности. Идентичность связана, во-первых, с отождествлением индивидом себя с той или иной позицией в социальном пространстве,² а также с сопоставлением действующего индивида с определенной группой (реальной или символической) с точки зрения тождественности или отличия.³ Идентичность играет важную роль в осуществлении личностью социального взаимодействия. В первую очередь на осуществление действия влияет соотнесение личности с определенным образцом, с референтной группой, устанавливающей эти образцы. Следование образцам означает принятие личностью специфических ограничений и обязательств. Причем, как считают некоторые социологи (например, А. Этциони), социальное действие редко осуществляется через рациональный анализ ситуации действия, альтернатив, «интеракционных опций» (возможностей) и т.д. В большинстве случаев человек стереотипично следует принятым образцам и обязательствам.⁴

Социальная идентичность – один из способов субъективно-личностного освоения социальной реальности, лежащий в основе формирования системы личностных смыслов. Идентичности несут в себе освоенные и присвоенные агентом социальные представления, схемы восприятия, оценивания и мышления.⁵

С другой стороны, важным моментом взаимодействия является соотнесение других участников интеракции с их позициями и ролями, определение их принадлежности к компонентам социальной структуры, к культурным группам. От ориентации на другого зависит трактовка актором многих аспектов действия, в первую очередь, ролей, ожиданий, взаимных перспектив действия.⁶

Современное общество представляет собой сложную социокультурную систему, в которой различные субкультуры не только сосуществуют как явле-

¹ Тернборн Г. Указ. соч. С. 85.

² Качанов Ю. Опыты о поле политики. – М., 1994. С. 110.

³ Тернборн Г. Указ. соч. С. 85.

⁴ Тернборн Г. Указ. соч. С. 80.

⁵ Качанов Ю. Указ. соч. С. 110-111.

⁶ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000. С. 434-437.; См. также: Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование//Теория общества. – М., 1999. С. 128-135.

ния внешние по отношению друг к другу, но и в различных пропорциях и конфигурациях погружены одна в другую, в ролевые, социальные структуры и комплексы.¹ Это приводит к тому, что личность находится в сложной *ранжированной* системе идентичностей, из которых гражданская – одна из многих.

Гражданская идентичность является своеобразным фактором актуализации культуры гражданственности. В том случае, если участники взаимодействия определяют друг друга как представителей, например, различных конфессий или политических течений, создается основание для непримиримости и конфликта. Если же акторы ориентированы на себя и других как на граждан, обладающих широким диапазоном прав и свобод, включая свободу совести, убеждений, верований, то создается гораздо более широкий спектр возможностей от мирного сосуществования до конструктивного взаимно-критического диалога. Идентификация себя и других как граждан не подразумевает отказа от индивидуальности, гражданская идентичность и определяемая ею роль гражданина являются «метаидентичностью» и «метаролью», по отношению к которым более конкретные идентичности и индивидуальные роли являются вторичными.²

С формальной точки зрения гражданская идентичность определяется через право рожденного на территории государства либо через право приобретения прав гражданства от родителей-граждан, что порождает гражданский статус личности. Но в большинстве социальных коммуникаций на первый план выходят неформальные аспекты идентичности, выражающиеся в ролевых ожиданиях. Ролевые требования к гражданину могут отличаться в зависимости от характеристик социальной системы и от принадлежности личности к различным группам. В авторитарном обществе критерием гражданственности может являться лояльность по отношению к власти, в либеральном – политическое участие.³ Для большинства современных демократических государств одной из главных сущностных составляющих гражданина является уплата налогов.⁴

Процессы в современной западной цивилизации формируют основы для становления новой гражданской идентичности, основанной на космополитизме. С одной стороны, этому способствует широкая деятельность надгосударственных структур, с другой, – расширяющаяся сфера общественной активности. Государство не перестает быть базовым референтным институтом по признанию формально-юридического статуса гражданина, но в новых условиях гражданские права и свободы ассоциируются с *человеком* как таковым без соотнесения его с какой-либо политической системой.⁵

Вынужденные переселенцы, мигранты в современном гражданском обществе, не имея формальных прав на политическое участие, включаются в общественно-политический дискурс, привлекают внимание к своим проблемам и способствуют их решению посредством собственных общественных организаций. Космополитическая гражданская идентичность функционирует и в обы-

¹ Тернборг Г. Указ. соч. С. 85-86.

² Зидентоп Л. Указ. соч. С. 106.

³ См.: Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между патриотизмом и национализмом//Политические исследования, 1999, №6. С. 93-104.

⁴ Щербинин А. И. Государь и гражданин//Политические исследования, 1997, №2. С. 162.

⁵ См. Росалес Х. М. Указ. соч. С. 102-104.

денном взаимодействии: акторы ассоциируют себя и других участников интеракции как граждан априорно.

В обществах с устоявшейся демократической системой и развитой культурой гражданственности гражданская идентичность, как правило, гармонирует с другими видами идентичностей и не вступает в конфликт с образцами, устанавливаемыми референтными группами, если те не принадлежат к контркультурам. Но в социальных системах, в которых гражданское общество находится в процессе формирования, такой конфликт практически неизбежен. Формирование культуры гражданственности (как и других видов культур) происходит неравномерно, поэтому актуализирующиеся у отдельных граждан ценности, знания и модели поведения вступают в противоречие с традиционными установками референтных групп. В таком случае идентичность строится посредством ассоциации с *символической* группой граждан.

Итак, специфика основных измерений культуры гражданственности личности определена. Далее необходимо определить компоненты культуры гражданственности и их конкретное содержание. Исходным пунктом нашего анализа является мысль М. С. Кагана о том, что гражданское общество является типом общественных отношений, высшим проявлением экономической культуры, политической культуры и правовой культуры (что порождает соответствующие типы духовной и художественной культур).¹ Однако наше изучение культурной стороны гражданского общества отличается от предложенного М. С. Каганом по нескольким параметрам. В этой связи необходимо подчеркнуть, что выделение в культуре гражданственности политического, правового, экономического и других измерений достаточно условно. В процессе реальной жизни гражданина практически невозможно выделить ситуации, определяемые только экономическими факторами, или наоборот, чисто политическими, правовыми, религиозными и т.д. Представления о должном характере политического, экономического и правового процессов, функционировании различных социальных институтов находятся в органической взаимосвязи и постоянно дополняют друг друга. Различные измерения выделяются нами для более полного и точного изучения взаимодействия культуры гражданственности с соответствующими подсистемами общества. Сама культура гражданственности не сводится к простой сумме обозначенных выше культур, но является многогранной и многомерной целостной системой, формирующейся вокруг центрального звена – гражданственности как морально-этической категории. Гражданственность как своеобразный нравственный фундамент личностной культуры реализуется практически во всех сферах деятельности личности, не ограничиваясь политической, экономикой и правовой сферой.

¹ Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. №2. С. 51.

3.2. Элементы культуры гражданственности личности.

Важным элементом культуры гражданственности, своеобразным ее стержнем, формирующим основные принципы политического участия, взаимоотношений между различными группами и слоями общества, отдельными гражданами является ее *политический компонент*. В связи с выделением политической составляющей культуры гражданственности необходимо определить как она соотносится с уже принятой в социологии концепцией политической культуры, в рамках которой Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа политической культуры: патриархальная, подданническая и культура участия.

Г. Алмонд сделал попытку описать примерные пропорции, в которых существуют типы политической культуры в обществах на разных фазах технического и политического развития. В «демократическом доиндустриальном обществе» примерно 55% населения принадлежит к «приходской культуре», 40% - «подчинения» и 5% - «участия». В «демократических индустриальных обществах» пропорции меняются на противоположные: соответственно 10, 30 и 60. Промежуточный вариант – «авторитарная переходная система» - характеризуется соотношением: 30, 60 и 10.¹

Исследования, однако, поставили под сомнение адекватность такой модели. Оказалось, граждане демократических стран редко живут в соответствии с моделью «участия», их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными; а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета.²

Такое несоответствие теоретического типа культуры и наблюдаемой эмпирически реальности вынудило исследователей изменить теоретический конструктор, в результате чего появился проект «гражданской политической культуры». Одним из важных в методологическом плане достижений, реализованных в проекте гражданской культуры, является то, что характер политической культуры уже не определяется статистическими показателями электорального участия. Гражданская культура – культура умеренности, что предполагает и умеренный характер участия и интереса к политике. Политическая система и политическая деятельность составляют далеко не самую важную сферу интересов личности, поэтому гражданин, действующий в рамках гражданской культуры, не участвует активно в политике, но обладает резервом участия, который формируется из способности быстро создавать политические структуры, в поддержке политической коммуникации, участии в неформальных политических дискуссиях и общественных организациях.³

¹ Там же. С. 188-189.

² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Политические исследования, 1992, №4. С. 122.

³ Там же. С. 122-130.

Концепция типов политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, адекватная состоянию политических систем 1960-х гг., впоследствии дополнялась и видоизменялась (например, голландские ученые Хьюнкс и Хикспурс в середине 1990-х гг. усовершенствовали типологическую схему политических культур, выделив 12 различных типов, среди которых «культура наблюдателей», «протеста», «гражданская», «участия» и «гражданского участия»)¹. Однако и сегодня эта методология достаточно актуальна и может служить базой как для эмпирических исследований,² так и для построения новых теоретических моделей, в том числе и политической составляющей культуры гражданственности. Современные исследователи еще более расширили типологию политических культур, включив в нее такие как «культура согласия/конфликта» и «этико-политическая политическая культура».³

И все же, несмотря на большие объемы теоретической и конкретно-исследовательской работы, осуществленной в рамках концепции политической культуры, термин «гражданская культура» не является достаточным для формирования личностно-культурного взгляда на гражданское общество.

Понятие «гражданская культура» применяется для описания функционирования политической подсистемы общества, рассматриваемой относительно изолировано от других подсистем. Освещая качество политического режима, теория политической культуры (а внутри ее – модель гражданской культуры), оставляет без внимания качества других сфер общества и всей социальной системы в целом.

Так как в нашей работе из всех взглядов на гражданское общество мы актуализируем его понимание как целостной общественной системы, то и культура гражданственности – явление целостное, а категория культуры гражданственности выполняет функции по описанию всей социальной системы. Характеристика личности гражданина в рамках культуры гражданственности обращает внимание на то, что спектр его политических ценностных ориентаций и социальных действий не только один из многих, но и тесно связан с остальными. Выделение политического элемента преследует цель не описать политическую систему общества, но выявить, как общие для гражданского состояния личности ценности, идеалы, морально-этические принципы реализуются в сфере политической деятельности.⁴

В чем же заключается специфика политического компонента культуры гражданственности? Одной из главных ценностей культуры гражданственности является свобода (гражданское общество противопоставляется другим типам социальной организации именно как свободное общество). Основные сущностные характеристики свободы и этапы ее осуществления: выбор, решение, ответственность; что подразумевает наличие не только внешних (открытость социальной системы, наличие множества альтернатив жизненного пути), но и

¹ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 190-191.

² См., например, Рукавишников В. О. Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал. 1998, №1. С. 43-53.

³ См.: Зидентоп Л. Указ. соч.

⁴ Аналогично соотношение и прочих компонентов культуры гражданственности (экономического, правового, экологического) с соответствующими культурами (экономической, экологической, правовой).

внутренних условий.¹ К внутренним условиям осуществления свободы можно отнести следующие: 1) наличие у человека убеждения в своей самостоятельности, суверенности, независимости – в том, что он сам решает свою судьбу; 2) критическое отношение к сложившимся догмам, стереотипам массового поведения; 3) готовность идти на оправданный, продуманный, основанный на высоком профессионализме риск; 4) осознание меры ответственности за свой выбор; 5) предвидение не только ближних, но и дальних перспектив.²

Конечно, такое развернутое – философское – понимание свободы недоступно для широких кругов граждан и достаточно сложно укладывается в рамки нормативных систем. Поэтому в политической культуре укореняется ценность достаточно конкретных гражданских *свобод и прав*, обеспечивающих неприкосновенность, независимость индивида. В системе гражданских свобод можно выделить следующие типы. *Личные свободы* (свободы передвижения, выбора места жительства, неприкосновенность жилища и тайны интимной жизни, неприкосновенность гражданства, имущества). *Публичные свободы*: слова, вероисповедания, совести, объединений, собраний, профессий, занятий, мнений, информации. *Местные свободы*, связанные с местным самоуправлением. *Право на равенство* (равенство перед лицом закона, при найме на работу и т.д.), *право на собственность, право на достоинство, право на безопасность* и, конечно, *демократические права* (права на участие во власти).³

В истории западной философии и в общественном сознании демократических обществ представление о правах и свободах гражданина постоянно расширялись и конкретизировались. Однако эти процессы расширения и конкретизации гражданских прав и свобод в Западной Европе и в большей степени в США привели к противоречивым результатам. Все более распространенным становится сегодня тип гражданина-потребителя, пассивно принимающего все более широкий круг прав, ассоциированных с потребностями. Экономическое содержание прав начинает превалировать над политическим и нравственным.⁴ Макроэкономические успехи, обеспечение высокого уровня жизни в развитых государствах Западной Европы и Северной Америки снизили ценность и остроту демократического дискурса, создали иллюзию тождества существующего общественного порядка и *должного*, открыв дорогу авторитаризму.⁵

Поэтому одной из важнейших ценностных ориентаций культуры гражданственности является ориентация на гражданскую активность. Вместо того чтобы быть носителем или получателем гражданских прав и свобод, активный гражданин сопоставляет общественное благосостояние со своим собственным, находит баланс между выгодами и ущербом, ориентируется на права, потребности и нужды других людей и рассматривает ответственность, обязанности как продолжение прав.⁶ Активность является следствием ощущения хрупкости

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994. С. 10.

² Коган Л. Н. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993. С. 98-99.

³ Боботов С. В., Колесова Н. С. Современная концепция прав и свобод гражданина во Франции/Государство и право, 1992, №6. С. 135-136.

⁴ Зидентоп Л. Указ. соч. С. 50.

⁵ См.: Маркузе Г. Указ. соч.

⁶ Зидентоп Л. Указ. соч. С. 28.

достигнутого уровня политического, правового и (только затем) экономического благосостояния. Общество не может быть воплощением свободы, справедливости и других ценностей, оно может быть только *более свободным, более справедливым*, чем раньше, чем другие.¹ И смысл гражданской активности – удержать общество в состоянии максимально приближенном к должному, не дать развития контртенденциям.

Центральное место среди гражданских прав занимают права политические, без которых невозможна полноценная реализация остальных прав. Основопологающей идеей здесь можно считать мысль И. Канта о том, что гражданин должен подчиняться только тем законам, на которые он дал согласие.² Эта идея существует и в современной социальной философии – в теории делиберативной демократии Ю. Хабермаса («граждане являются авторами закона, которому они подчиняются как его адресаты»³).

Из этого следует особое отношение носителей культуры гражданственности к политике. Как показали в своем проекте «Гражданская культура» Г. Алмонд и С. Верба, это не означает высокий в статистическом отношении уровень рационального политического участия, но в большей степени готовности участвовать при необходимости,⁴ причем не только в рамках существующих политических структур. Свобода политической деятельности подразумевает право граждан на создание собственных политических организаций независимо от чьей-либо посторонней воли.⁵

Положительная ориентация на себя как на актора политической системы подразумевает не просто активную включенность в политический процесс, участие в политических акциях, но и признание ценности этого участия. Несмотря на то, что в политике принимают участие большие массы граждан, а решение (на выборах, референдумах и т.д.) определяется статистическим распределением голосов, признается ценность каждого голоса и необходимость бережного отношения к нему. Отсюда возмущения граждан в случае неправильного подсчета голосов даже в случае, если избиратели не могут объяснить различия между политическими программами поддерживаемых ими лиц или партий, голосуя в силу привычек, традиций.

Высокая ориентация на политическое участие поддерживается отношением к политике как к нормальной и необходимой человеческой деятельности. В связи с этим в политической культуре гражданственности решается важный вопрос о взаимоотношении морали и политики.

В общественном сознании (и, в первую очередь, в философии как одной из его форм), начиная с эпохи Нового Времени, мораль и политика отделяются друг от друга. Сознательный политический имморализм предполагает не то, что в политику идут только аморальные личности, но что моральное измерение

¹ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 281-282.

² Кант И. Метафизика нравов/Немецкая классическая философия. Т. 1. Право и Свобода. – Москва-Харьков, 2000. С. 120.

³ Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов//Вопросы философии, 2002, №5. С. 48.

⁴ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 124-125.

⁵ Бирюков Н., Сергеев В. Парламентская деятельность и политическая культура//Общественные науки и современность, 1995, №1. С. 67.

политики просто не работает, не применимо к этой сфере деятельности людей. «Политика – дело государства, а мораль – дело индивида»¹ – такая фраза наиболее полно характеризует политический имморализм. Такой подход характерен для понимания политики как сугубо рациональной деятельности, направленной на поиск наиболее эффективных путей достижения общественных целей. Максимизация эффективности средств политики, понимание власти и государства как насилия не согласуются с морально-нравственными представлениями о политике.

С другой стороны, несмотря на то, что политические изменения в западных обществах, сопровождавшие их превращение в гражданские, подразумевали становление «рациональной» политики, мораль, как сила, оказывающая давление на политическую власть и препятствующая ей совершать нелегитимные действия, сохраняет свое значение.² Не случайно даже авторитарные лидеры XX века стремились поддерживать в массовом сознании имидж кристально чистого в моральном отношении. В условиях демократии избиратель в своих политических предпочтениях вполне может руководствоваться соображениями морали. «Рационализация» политики связана не с исчезновением фактора морали, а с тем, что он теряет *структурно-общественную* релевантность,³ то есть деинституциализируется.

В гражданском обществе морально-этическое измерение политики не только допустимо, но и необходимо, так как политика не является некоей оторванной от общества абстрактной сферой, а областью конкретной деятельности людей. К любому человеку, находящемуся в любой ситуации и занимающемуся любой деятельностью, должны применяться те же моральные требования, что и к другим. Наличие группы лиц или отдельного индивида за границами морали, а, тем более, *выше* морали является одним из признаков авторитаризма.

С точки зрения культуры гражданственности, политика, и в первую очередь, власть «не только должны быть под контролем, но, прежде всего, определяться моральными критериями»,⁴ то есть быть нравственными, подчиняться определенным этическим принципам. Если при принятии решения возникает коллизия между моралью и возможными политическими результатами, долг политика – максимально ориентироваться на нравственные критерии, так как политика является сферой особенно опасной социальной безнравственности.⁵ Политика не только контролируется моралью извне, но и как определенная профессия регламентируется этическими принципами изнутри. Следовательно, в гражданском обществе, личность, выбирающая профессию представления интересов избирателей в государственной власти не «приподнимается» над моралью, а, скорее, наоборот – попадает в пространство жестких морально-этических требований. *Профессионализм* в политике, как и во многих других сферах деятельности, означает не только отличное знание своего дела, но и со-

¹ Шаффер А. Мораль в политике. – Берлин, 1983. С. 9. Цит. по: Азаров Н. И. Взаимоотношения морали и политики // Социально-политический журнал. 1997, №4. С. 123.

² Луман Н. Власть. – М., 2001. С. 91.

³ Там же.

⁴ Брандт В. Демократический социализм. – М., 1990. С. 243. Цит. по: Шпакова Р. П. Указ. соч. С. 174.

⁵ Азаров Н. И. Указ. соч. С. 129.

ответствие морально-этическим принципам политического руководства обществом. Политическая деятельность как профессия включает в себя и профессиональную этику.

Одним из главных морально-этических принципов в политике можно считать *ответственность*. Во-первых, ответственность интерсубъективная – по отношению к тем лицам, которые рассчитывали на определенного индивида, на его способность действовать в соответствии с данным словом,¹ соответствовать определенным требованиям и взятым на себя обязательствам. Во-вторых, *моральная* ответственность, под которой понимается постоянное соотнесение политических действий не только с принятыми обязательствами, но и с моральными устоями. Политик, принимающий решения, имеет дело с конкретными людьми только в конечном счете. Следовательно, нравственное обоснование политических решений должно иметь общую характеристику в виде соответствия их общечеловеческим ценностям, принципам гуманизма, свободы и т.д.²

Не менее важным морально-этическим принципом политической культуры гражданственности является *плюрализм*, заключающийся в признании возможности множества взглядов, точек зрения, суждений по отношению к одному явлению социальной жизни. Основным источником политического плюрализма можно считать плюрализм методологический, возникший в естествознании и в философии на рубеже XIX - XX вв. и связанный с отказом от попыток поиска единственного объяснения явлениям окружающего мира и с признанием правомочности и ценности различных позиций. Исследователи выделяют и такие источники плюрализма как собственно культурный процесс, изменяющий смыслы и содержания культурных явлений и герменевтический характер сознания, заключающийся в различном толковании фактов.³

Толерантность как морально-этический принцип политической культуры гражданственности тесно связана с плюрализмом. Признание не только возможности (допустимости), но и *ценности* множественности мнений, независимо от их субъекта⁴ невозможно без терпимости к этим мнениям. В широком смысле толерантность (терпимость) означает стремление к созданию или сохранению общественных условий, дающих каждому индивиду и каждой группе свободно придерживаться определенных ценностей.⁵ Это стремление проявляется не только в политической воле индивидов, направленной на специфическое конституирование социальных институтов, но и в порядке осуществления неинституционализированных коммуникаций, обыденного общения.

Сущность толерантности раскрывается через признание *права* на инаковость, иные, другие взгляды, верования, нестандартные формы и образ жизни с необязательным их принятием; *ненасилие* - ментальное, на уровне аксиологии, ценностно-нормативных императивов, в поведении и отношениях - т.е. не авторитарность, не диктат, не вмешательство, не принуждение, *не осчастливлива-*

¹ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. С. 46.

² Азаров Н. И. Указ. соч. С. 128.

³ Чучин-Русов А. Е. Культурный плюрализм//Общественные науки и современность, 1996, №2. С. 172.

⁴ Бурдые П. Социология политики. – М., 1995. С. 102.

⁵ Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. С. 121.

ние.¹ Толерантность означает терпимость по отношению к людям, пользующимся другим языком, исповедующим другую религию, придерживающимся другой системы ценностей, взглядов. Толерантность проявляется не просто в условиях многообразия интересов, убеждений, стилей, но тогда, когда у индивидов и групп имеются возможности для влияния на позиции других, причем если индивиды и группы готовы отстаивать свои убеждения, ценности и т.д.²

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что толерантность является не только сущностной характеристикой гражданского общества, но вообще признаком общества «здорового», лишенного патологий.³

Толерантность имеет несколько оснований. Одним из первых в историческом плане оснований толерантности было безразличие к существованию различных взглядов и практик постольку, поскольку они не нарушают законы и общественную мораль, не вступают в противоречие с основами цивилизованного общежития. Другим основанием толерантности выступает невозможность понять мировоззренческие системы других людей и групп и тем более доказать преимущества одних систем над другими. Источником толерантности может быть и снисхождение к другим концепциям, позициям, ценностным системам.⁴

Наиболее развитым видом толерантности является толерантность, основанная на критическом диалоге между различными позициями, мнениями, концепциями. Такая толерантность предполагает не просто допущение других мнений, но и признание того, что в них могут содержаться ценные элементы. Диалогичная толерантность предполагает критику собственной позиции, возможность того, что от какой-то части собственных убеждений можно и отказаться, если их несостоятельность будет аргументирована в результате равноправного диалога. В этом случае множественность выступает не как нечто, мешающее определенной точке зрения, глубоко ей чуждое, но как необходимое условие плодотворного развития как отдельных позиций, так и всей культуры в целом.⁵

Диалогичная толерантность представляется наиболее свойственной гражданскому обществу. Однако в последнем могут сосуществовать различные типы толерантности; причем, толерантное отношение даже отдельной личности по отношению к различным идеологиям, позициям, ценностным системам может проявляться в различных типах. В обществах с большим количеством свободных ассоциаций, движений, субкультур, конфессий, которые зачастую весьма экстравагантны, вполне возможна толерантность на основе безразличия или непонимания. Возможна также и толерантность через снисхождение, но без презрения.

В целом, толерантность делает возможным не просто мирное сосуществование различных субкультур в рамках одной социальной системы, но способст-

¹ Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия/Под. ред. проф. З.Х. Саралиевой. - Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2001 С. 3-4.

² Капустин Б. Г., Клямкин И. М. Либеральные ценности в сознании россиян//Политические исследования. 1994. №2. С. 53.

³ См.: Шпрингер В. Толерантность как общественное явление//Молодежь XXI века... - С. 30 - 36.

⁴ См.: Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме, критицизме//Вопросы философии. 1997, №11. С. 46-54.

⁵ См.: там же. С. 51-54.

вует диалогу и взаимообогащению субкультур, а следовательно, развитию культуры общества. Однако толерантность не может распространяться на все убеждения и ценности. Убеждения, несущие угрозу гуманистическому общественному устройству, содержащие элементы авторитарных идеологий, дискриминации, направленные против гуманистической морали и т.п. не имеют права на существование с точки зрения культуры гражданственности.

Необходимо отметить, что толерантность не является формой ухода от конфликта на основе различий в убеждениях и ценностях, но порождает такую систему взаимоотношений, при которой такое различие не является основанием для конфликтов.

Толерантность является основанием для *солидарности*, ориентация на которую в политической деятельности означает преодоление взаимного политического отчуждения между представителями различных движений и властных уровней, готовность к совместной деятельности, сотрудничеству и взаимовыручке во имя реализации и защиты гражданских ценностей и ассоциируемого с ними общественного устройства.

Социальная справедливость как ценность культуры гражданственности позволяет оценивать действия, установления, политические решения с точки зрения распределения ролей, задач, преимуществ или потерь, испытываемых членами общества.¹ В самом общем плане понятие справедливости предполагает соответствие между деянием и воздаянием: трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами и признанием.² Социальная справедливость неизбежно следует из уважения к человеческому не только в собственной личности, но и в личности другого индивида. Основной аспект справедливости – распределительный; причем, термин «распределение» применяется не только в отношении экономической сферы (распределение доходов, услуг и т.д.), но и для неэкономических благ (безопасность, образование, здоровье).³ В политическом контексте справедливость подразумевает равное распределение прав и возможностей для участия в политической жизни на все слои и группы граждан, что составляет смысл политического *равенства* – ценности, тесно связанной с социальной справедливостью.

Ориентация на *гуманизм* в политике означает рассмотрение человека как цели, а не как средства политической деятельности, бережное отношение к личности каждого гражданина, неприятие насилия, практики реализации собственных целей за счет дискредитации или унижения других.

На аксиологическом уровне политического компонента культуры гражданственности закрепляется отрицательная оценка, неприятие всего, что противоречит гражданским ценностям. Это неприятие неравенства, главенства авторитета, использования насильственных, противозаконных и аморальных методов для реализации индивидуальных или групповых целей.

¹ Рикер П. Указ. соч. С. 48-49.

² Назаров М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст//Социологические исследования. 1999, №11. С. 41.

³ Рикер П. Указ. соч. С. 51.

Культура гражданственности личности в ее гносеологическом измерении рассматривается, как правило, как «высокий уровень общего и политического образования, постоянный интерес к внутренней и международной жизни»,¹ что отражает одну из достаточно традиционных установок относительно культуры – «одним из общих признаков культуры... является... знание соответствующего профиля».²

Однако определить точно и однозначно, *какие* по охвату и глубине знания могли бы характеризовать политическую культуру как развитую и, следовательно, были бы присущи политической культуре гражданственности, практически невозможно. Сама структура таких знаний очень сложна и включает в себя как знания теоретического плана (о принципах функционирования политических систем, о формах их организации и т.д.), так и знания, которые составляют своеобразный «информационный фон, контекст» политической действительности (сообщения СМИ, коммуникации общественных организаций), а также конкретные знания о политических действиях.

Ожидать от подавляющего большинства граждан глубоких политологических знаний, требующих специализации на данной дисциплине, невозможно. Также сложно ожидать от большинства граждан и наличие устойчивого интереса к политическим новостям. В современных обществах существует большое количество смысловых ориентаций, стилей жизни, не пересекающихся с политикой, а, следовательно, и не создающих соответствующих информационных потребностей. Г. Алмонд и С. Верба показали на примере своих исследований низкий уровень политической информированности среди представителей наиболее устойчивых демократических обществ. Только третий тип знаний – о конкретных способах участия в политике – может быть признан общеобязательным для граждан.

Простое количественное измерение гносеологического уровня политической культуры гражданственности не работает. Дело в том, что к политической культуре вполне применима «формула» Гераклита: «многознание уму не научает!». Это означает, что от влияния авторитарных идеологий, от политических спекуляций и грязных технологий спасает не охват политических знаний, а *критическое отношение к политической информации*, способность соотносить ее с собственными представлениями и ценностями, способность ориентации в пространстве политического дискурса.

Это отчасти проясняет, почему относительно неграмотные политически граждане так быстро мобилизуются на защиту демократических ценностей, против проявлений авторитаризма, фашизма и других видов негражданственных идеологий, которые сохраняются внутри гражданских обществ, несмотря на вековые демократические традиции.

На праксеологическом уровне политическая культура гражданственности характеризуется практически постоянным участием в политическом процессе. Такое утверждение не идет вразрез с тем, что в гражданской политической

¹ Дженовус А. И. Различия структур и уровней политической культуры // Социально-гуманитарные знания, 1999, №4. С. 112.

² Блинов Н. Б., Ожегов Ю., Шереги Ф. Политическая культура и молодежь. – М., 1982. С. 19.

культуре политика представляет собой лишь один из интересов граждан, да и то не самый важный. Дело в том, что общественные организации в гражданском обществе выполняют целый ряд политических функций от публичного обсуждения политических проблем, выражения интересов и формирования общественного мнения до непосредственного вмешательства в принятие политических решений через разнообразные механизмы взаимодействия с различными уровнями властей. Общественные организации контролируют власть и при необходимости выполняют функции политической мобилизации граждан, распространяя информацию, организуя политические акции и т.д.

Поэтому участие в общественных организациях и в проводимых ими акциях может быть признано *политическим участием*, хотя оно зачастую обозначается термином «гражданское (неполитическое) участие». Причем, политическое участие через общественные организации обладает рядом преимуществ по сравнению с участием через традиционные политические институты. Общественные организации по своему масштабу намного «ближе» к гражданину, что позволяет последнему буквально быть услышанным, в отличие от электоральной системы, сводящей живой и многогранный индивидуальный интерес гражданина к некоей обобщенной «идеологической платформе», а затем превращающей его в статистическую единицу – «голос». При мажоритарном выражении интересов в масштабных политических структурах даже решения большинства определяются не их предпочтениями, а техникой подсчета и институциональными ограничениями, при которых эти интересы были выражены.¹ Интересы меньшинства вообще не учитываются при такой системе, а меньшинство в развитых обществах может насчитывать десятки миллионов граждан. Общественные организации создают поле многоканального и многоголосого обсуждения – политический дискурс, в ходе которого вырабатывается если и не консенсус, то компромисс,² в котором заинтересованные группы вынуждены от чего-то отказываться в пользу других, но зато получают возможность реализовать свои интересы, даже если они в меньшинстве. На фоне сглаживания различий между политическими партиями общественные организации представляются пространством с ярко дифференцированными мнениями, позициями, ценностями, идеалами, убеждениями. Помимо указанного, общественные организации сегодня зачастую становятся субъектами международной политики.

Большинство граждан в определенный момент времени пассивны, они играют роль политического резерва, но скорость, с какой мобилизуется этот резерв, показывает повышенную чувствительность граждан к колебаниям политического поля. То есть политическая культура гражданственности это – «не только культура участия в голосовании, но и культура реального включения в процесс выработки и реализации государственной политики в период между выборами».³

¹ Бусова Н. А. Указ. соч. С. 47.

² Там же. С. 48-49.

³ Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан//Государство и право, 1997, №2. С. 38.

Политический компонент культуры гражданственности тесно связан с ее **правовым компонентом**, как связаны между собой и тесно переплетены политические и правовые идеи, политическое и правовое сознание, политическая и правовая культуры.¹ Правовая культура узаконивает гражданское общество теоретически, а политическая культура делает его возможным, осмысляя его идеологически и воплощая организационно-практически.² В то же время основные ценности гражданского общества, представленные на политическом уровне культуры гражданственности в виде идеологии, получают нормативное выражение в праве и вызывают особое отношение к закону, который становится тем более ценен, что он не устанавливается извне, а учреждается самими гражданами.

Правовой элемент культуры гражданственности характеризуется уважительным отношением к закону как к способу организации общественной жизни. Но уважительное отношение не распространяется на *любой* закон. Что же служит критерием оценки закона?

В отличие от политики, которая в рамках культуры гражданственности подвергается моральному измерению, в развитой культуре мораль и право не пересекаются. Мораль жестко детерминирована культурой личности или группы; в одной социальной системе, характеризуемой как гражданское общество, могут сосуществовать различные субкультуры, каждая из которых генерирует собственную мораль, например, протестантские общности с жесткими моральными требованиями и группы молодежи с достаточно либеральной, нежесткой моралью. Возникает вопрос, чья мораль должна быть узаконена?

Мораль и закон – разные феномены. Моральные проблемы практически не имеют решения на правовом уровне в гражданском обществе. Этому подтверждение – многолетние дискуссии по поводу откровенных сцен в фильмах, ненормативной лексики в литературе, права гомосексуальных семейных пар на опекунство, право на эвтаназию. Поэтому закон не должен иметь моральный, религиозный или подобный им характер.³ Узаконивание морали – проявление интолерантности, это навязывание другим своего мнения, своих жизненных принципов. Хотя, зачастую правовые нормы выполняют функцию охраны общественной нравственности, но нравственности «репрезентативной», общепризнанной, построенной на определенном компромиссе, с учетом всевозможных позиций. Эти нормы, причем, как правило, не запрещают определенные действия, но ограничивают места, время и способы осуществления этих действий. В общем и целом, мораль в гражданском обществе остается за рамками закона.

Критерием для оценки закона является его характер, который может быть правовым и неправовым. Правовой закон – это закон, соответствующий основным идеалам и ценностям гражданского общества (гражданским правам и свободам, толерантности и плюрализму, социальной справедливости и равенству),

¹ См.: Поливаева Н. П. Политическое сознание//Государство и право, 1993, №5, С. 129-138.

² Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы//Социально-гуманитарные знания, 2000, №6. С. 53.

³ Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода//Государство и право, 1998, №8. С. 115.

которые закреплены в конституции. Отсюда – ценность конституции для участников правового процесса.

Свобода в правовом контексте подразумевает право гражданина не подчиняться ничему, кроме закона и не подчиняться закону, нарушающему ценности гражданственности, закреплённые в конституции. Однако такое неподчинение само должно соответствовать определенным нормам – неправовой с точки зрения граждан закон опротестовывается в конституционном суде через посредничество политических партий или правозащитных общественных организаций. *Социальная справедливость* рассматривается как равенство перед законом, как соответствие между преступлением и наказанием.

Правовая культура гражданственности формируется на основе «положительного индивидуализма». Через осознание человеком своей индивидуальности, самостоятельности, собственной сущности¹ происходит осознание индивидуального права и индивидуальной ответственности. Причем, индивидуальное право стоит выше интересов группы, общества, что не означает поправление личностью каких-либо общественных норм, но подразумевает закреплённую в праве автономию личности.

Гуманизм и солидарность в их отношении к правовой сфере подразумевают признание всех без исключения граждан общества быть субъектами гражданских прав, неприятие бесчеловечных норм прав, ориентированных на унижение личности, нанесение непоправимого вреда здоровью, культурному потенциалу человека.

На гносеологическом уровне правовая культура гражданственности также не предполагает широкое знание законов или усвоение большинством граждан правовой теории. Необходимо, видимо, различать правовое знание и знание законов. Первое предполагает знание об основных гражданских правах и способность гражданина критически оценивать закон с точки зрения его соответствия этим правам. Необходимым для гражданина является знание о налогах, о принципах общественного порядка, а также «о преступлениях и о порядке работы правоохранительных органов».² Можно согласиться с Ф. А. Хайеком, обосновавшим принципиальную роль *нравственности* (но не формальных норм) в существовании «расширенного порядка» (масштабных социальных систем),³ так как большинство граждан имеют поверхностное представление о законах.

Праксеологический аспект правовой культуры гражданственности заключается в правовом поведении личности, соблюдающей правовые законы, ориентированной в своем поведении как на собственные права и свободы, так и на права и свободы окружающих.

Не менее важен и *экономический компонент* культуры гражданственности. В современной науке и философии подчеркивается важная роль соответствующей экономической культуры в гражданском обществе. Экономическая

¹ Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право, 1992, №10. С. 112.

² Ключкова А. В. Правовое сознание студенческой молодежи: результаты криминологических исследований // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998, №1. С. 78.

³ См.: Хайек Ф. А. Указ. соч.

культура определяет порядок взаимоотношений *участников* коллективного производственного процесса (продавца и покупателя, организаций, оказывающих услуги и их клиентов), а также отношения государства и материально им обеспечиваемых граждан (детей, больных, пенсионеров).¹

Исследователями различных уровней и специализаций ведущая роль уделяется частной собственности и ориентации на нее как на фундаментальное основание свободы индивида в гражданском обществе. «Собственность ремесленника на плоды своего труда, собственность создателя духовных ценностей на свои творения, на свой творческий труд, собственность торговца на товар и банкира на деньги – такова... жизненно-реальная материальная основа самоопределения личности как гражданина»;² «Развитие материальных отношений частной собственности и получило название гражданского общества»³ - эти и им подобные высказывания отражают весьма распространенные взгляды на роль частной собственности в процессе формирования гражданского общества.

По нашему мнению, непосредственной связи между частной собственностью и формированием гражданского общества нет. Как показывает история формирования гражданских обществ в государствах Запада, частная собственность и свобода рыночных отношений приводили не столько к обретению реальной независимости от государства, сколько к распространению эксплуатации, росту имущественного неравенства. Частная собственность не только уживалась с авторитарными режимами, но зачастую была фактором, приводившим авторитарные группировки к власти. В современной России и во многих других странах мира легитимация отношений частной собственности не сопровождается формированием гражданского общества. С другой стороны, неприемлемы и идеи, полностью отрицающие частную собственность, например, такие, как: «Собственность это кража» (П. Ж. Прудон).⁴ Без свободы частной собственности свобода гражданина является неполной, частная собственность при всех ее недостатках играет значимую роль в самореализации личности, является своеобразным стимулом (Ф. А. Хайек, М. Олсон⁵).

Гражданственность в экономических отношениях означает, что при свободе частной собственности, предпринимательства, в целом – рыночных отношений определяющим измерением социально-экономического процесса является гражданско-ценностное. То есть сделки, взаимоотношения между работодателем и рабочим, организацией и клиентом сначала оцениваются с точки зрения их соотношения с гражданскими правами и свободами, а затем – с точки зрения экономического эффекта.

¹ Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы//Социально-гуманитарные знания, 2000, №6. С. 54.

² Там же.

³ Архипов Б. А. Перспективы правового гражданского общества в России//Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 2000. С. 15.

⁴ См.: Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы//Социально-гуманитарные знания, 2000, №6. С. 54.

⁵ См.: Хайек Ф. А. Указ. соч.; Олсон М. Роль нравственности и побудительных мотивов в обществе//Вопросы экономики, 1993, №8. С. 28-31.

В социологии экономическое действие человека необходимо рассматривать шире, чем в классической экономической теории, как вид социального действия, которое определяется не только соотношениями возможных выгод и санкций, но и поддержанием центральной концепции собственного «Я»¹ (в нашем случае – «Я» как гражданина, включая морально-этический пласт этого понятия), учетом объективно-фактуального порядка мира² (здесь – гражданского общества). Поэтому личность, обладающая гражданской экономической культурой, – это не только и не столько классический экономический «человек изобретательный, оценивающий и максимизирующий»,³ действующий, исходя из доходов, ассортимента благ, времени и информации,⁴ но человек нравственный, действующий сообразно определенной этике.

Экономическая культура гражданственности по-своему преломляет гражданские ценности. Если *социальная справедливость* и *равенство* в политической и правовой культурах означают максимально равное распределение политических прав и возможностей, полное равенство перед лицом закона, то в экономической культуре равенство не обозначает равного распределения. Экономическое равенство определяется как равенство возможностей для участия в экономическом процессе: равные критерии для найма на работу (единственным критерием здесь выступает профессионализм, национальная, конфессиональная, гендерная и прочие принадлежности не играют роли); равные права на собственность и т.д. Справедливым же считается неравенство в полученных результатах, но при условии перераспределения доходов от наиболее успешных в экономическом плане граждан к тем, кто по различным причинам не смог себя реализовать в экономической сфере.⁵ Также справедливым считается и выведение целого ряда явлений за пределы рыночной сферы (коммунальных услуг, здравоохранения, образования, обеспечения безопасности). Труд в гражданском обществе также не является товаром, так как именно в труде проявляется достоинство индивидуального творчества, самореализации индивида, не поддающееся экономической оценке.

Толерантность и *плюралистичность* в экономической культуре гражданственности проявляются в тактичном отношении ко всем сферам профессиональной самореализации, к признанию важности всех профессий. В толерантном отношении к представителям непристижных специальностей, в неприятии политики снижения заработных плат и массовых увольнений проявляется экономическая сущность права на достоинство гражданина.

Специфическое смысловое содержание в рамках экономического компонента культуры гражданственности приобретают ценности *солидарности* и *гуманности*. Первая подразумевает преодоление взаимного отчуждения и изоляции участников производственного процесса, восприятие работников всех

¹ Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование//Теория общества. – М., 1999. С. 123-124.

² Там же.

³ Шастико А. Модели рационального поведения человека//Вопросы экономики, 1998, №5. С. 56.

⁴ Эрроу К. Информация и экономическое поведение//Вопросы экономики, 1995, №5. С. 97.

⁵ См.: Корациари Г. Этика и экономика: вопрос открыт//Вопросы экономики, 1993, №8. С. 17-27.

уровней как партнеров.¹ Вторая реализуется через человеческое измерение экономики, экономическое благосостояние личности рассматривается в качестве главного показателя успешности экономической деятельности, человек не рассматривается как средство достижения успеха.

Сущность праксеологического уровня гражданской экономической культуры составляет постоянная деятельность гражданина по гражданско-нравственному измерению явлений экономического характера. Эта деятельность проявляется во многих актах экономического поведения, например: при выборе товаров (не произведены ли они в обществах, где жестоко нарушаются права человека, не созданы ли они за счет эксплуатации личности), при организации труда в корпорации, при заключении сделок и т.д.

Немалую роль в культуре гражданственности и в гражданском обществе вообще играет *экологический компонент*. Под экологической культурой в целом в данном случае понимается совокупность знаний об окружающей среде, о взаимодействии и взаимовлиянии человеческих сообществ и природных систем, ценностей, формальных и неформальных норм, оказывающих непосредственное влияние на отношение человека (общества) к природе. Важность экологической составляющей культуры гражданственности можно обосновать путем следующих размышлений.

Во-первых, гражданское общество мыслится, как правило, как наиболее развитая ступень в развитии общественной самоорганизации, наиболее цивилизованная форма совместного бытия людей; гражданское общество – не лишенная недостатков, но в то же время наилучшая из всех известных на сегодняшний день форм общества. Называя гражданское общество наиболее прогрессивным общественным строем, мы отмечаем, что понимание социального прогресса существенно трансформируется в постмодернистскую эпоху. «Сегодня во всем мире растет отчетливое осознание, что прогресс не может более выражаться только в технологии или в материальных стандартах жизненного уровня. Социальный строй, в котором моральные и эстетические нормы, политика или *окружающая среда* деградируют, не является прогрессирующим, каким бы богатым или технически изощренным он ни был».²

Во-вторых, гражданское общество понимается и в качестве социальной системы, обеспечивающей максимально возможный уровень комфортности существования и социальной защищенности, сохранение и реализацию гражданских прав и свобод личности. В этом плане необходимо отметить, что одним из существенных видов гражданских прав в данном обществе является право на безопасную, «качественную» окружающую среду. Личность в гражданском обществе защищена не только от проявлений авторитаризма, от произвола элит, но и далеко не в последнюю очередь от негативного воздействия промышленных корпораций на собственное экологическое окружение. Вообще концепции гражданственности, гражданских прав и свобод в развитых странах

¹ Именно реализация солидарности в экономической деятельности приводит к падению роли профсоюзов, бывших основным инструментом в борьбе рабочих с менеджментом. См.: Гэлбрейт Дж. Новое промышленное общество. – М., 1969. С. 183.

² Тоффлер Э. Третья волна. – М., 1999. С. 475.

претерпевают глубокие изменения, которые связаны, в том числе, и со сдвигом центра тяжести от гражданских (политических) прав к правам потребителя, а внутри последних – к экологическим правам. Эти права включают уверенность в том, что граждане вправе требовать от политических и экономических структур определенного качества окружающей среды, воздуха, воды, звукового фона и пейзажа.¹

Конечно, функции гражданина не сводятся в данном случае к пассивному ожиданию того момента, когда некие общественные службы обратят свое внимание на состояние окружающего природного мира. Один из признаков гражданского общества – постоянное включение граждан в процессы самостоятельного решения актуальных общественных проблем независимо от сфер политики и предпринимательства в рамках добровольных гражданских ассоциаций. Поэтому в качестве третьего фактора, определяющего «экологичность» гражданского общества, можно выделить специфическое отношение граждан к экологическим проблемам как к важнейшим *социальным* проблемам и, следовательно, постоянную включенность общественности в деятельность по экологическому мониторингу, защите и реабилитации окружающей среды.

Формирование экологической культуры достаточно сложно проследить исторически, возникновение же данного феномена можно отнести к эпохе модерна, которая, помимо всего прочего, связана и с выделением субъект-объектных отношений человека и природы. Начиная с эпохи Просвещения, европейская наука рисовала упрощенную механистическую картину окружающего мира, постепенно отдаляя человека от природы², изолируя его в рамках социального мира. Концепция Ч. Дарвина, устанавливая, с одной стороны, взаимосвязь человека с природой, с другой стороны, ставила его на вершину эволюции, утверждая, что формирование разумной жизни в виде человека – цель и смысл существования природы. Философия эпохи Просвещения, наука Нового Времени и традиционная христианская установка «человек – соль Земли» обусловили инструментальное отношение к природе в эпоху Модерна. Окружающий мир понимался как средство достижения общественного благосостояния, а прогресс, связывавшийся в то время и с расширяющейся эксплуатацией природы, как средство разрешения всех социальных проблем. «Модерн включал в себя веру в то, что прогресс человечества следует измерять в категориях господства человека над природой..., доктрину *исключительности* человека, убеждение... что мир огромен и представляет неограниченные возможности для всех».³

Только XX век с его угрозами человеческому существованию заставил переосмыслить проблемы взаимоотношения человека с природным миром. К середине столетия в развитых странах острота проблем политического и экономического плана существенно снизилась, и западные общества начали задумываться о цене, которую приходится платить за достигнутое благосостояние. Возникает «инвайронментализм» – сложный феномен как научно-

¹ Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы//Теория общества. – М., 1999. С. 281.

² Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. – М., 2001. С. 14.

³ Макнотен Ф., Урри Д. Указ соч. С. 264.

теоретического, так и обыденного сознания, основой которого является осознание не изолированности человека и социального мира в целом от природы, а включенности общества в природную среду, коэволюции – совместной эволюции общества и природы. В первую очередь, идеи нового порядка взаимоотношений человечества и природы разрабатывались на философском уровне, причем, важно отметить, что не только в рамках западной философии (Э. Леруа и Т. де Шарден), но и российскими мыслителями (В. И. Вернадский).¹

Пожалуй, основной чертой новой экологической культуры, формируемой в XX в., является своеобразная «экологическая толерантность» – отказ от исключительности человека, от доктрины его господствующего положения в природе; соответственно, признание ценности любой формы жизни, ценности окружающей среды целом. Экономические, социально-политические процессы и даже обыденная деятельность людей получают новое измерение, новые показатели эффективности и допустимости – характер и степень воздействия на окружающую среду.

Необходимо отметить то, насколько серьезный шаг сделала та часть человечества, которая восприняла новые принципы сосуществования человека и природы. То, что сегодня кажется достаточно нормальным явлением (экологические права человека и гражданина), когда-то вступило в противоречие с базовыми ценностями западного общества. В частности, с концепцией рынка как способа организации социально-экономических отношений, дающего максимальную свободу и эффективность, с концепцией свободы потребления как одной из базовых свобод. Именно рыночное отношение к природе и западное потребление подвергаются сегодня серьезной критике со стороны экологических ассоциаций общественности.² Возникновение экологических организаций, экологического образования, «экологизация» широкого спектра наук, как естественнонаучного плана, так и социальных (в том числе и социологии – своеобразной формы самопознания и самооценки общества) – все это знаменует распространение и укрепление инвайронментализма, экологического сознания и постмодернистской экологической культуры в целом.

Конечно, ситуация, сложившаяся на сегодняшний день не может оцениваться однозначно. С одной стороны, идеи гармоничного сосуществования человека с природой и экологических прав гражданина становятся сегодня ценностями культуры. Эти ценности находят многочисленные воплощения на нормативном уровне, в правовых актах, формирующихся традициях, концепциях социального развития. С другой стороны, эти ценности в большинстве случаев проигрывают, столкнувшись с соображениями выгоды или политическими интересами. Экологические права человека систематически и безнаказанно нарушаются. Экономическое, социальное, техническое развитие общества на Земле продолжается со знаком минус по отношению к окружающей среде, по существу ведет к экологической катастрофе, а не удаляется от нее.³ И в наше время

¹ Когай Е. А. Социальная экология. Концепция ноосферы, экоразвитие и коэволюция // Социально-гуманитарные знания, 1999, №4. – С. 148-163.

² Макнотен Ф., Урри Д. Указ соч. С. 264.

³ Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. – М., 2000. – С. 179.

существуют государства, демонстративно отказывающиеся от международных экологических конвенций (США), а также формально поддерживающие такие конвенции, но фактически не принимающие серьезных усилий в обозначенных ими направлениях (Россия). Подавляющее большинство населения Земли не имеет представления о степени экологической угрозы, о своих экологических правах и способах их защиты в силу низкого уровня жизни и недостаточного культурного капитала. Таким образом, гражданственная экологическая культура на аксиологическом уровне включает ценность сохранности окружающей среды в контекст прав и свобод гражданина, на гносеологическом уровне характеризуется формированием у широких слоев граждан знаний практической направленности о должном обращении с окружающим миром, а на праксиологическом уровне включением в деятельность по охране окружающей среды в профессиональной сфере, через участие в экологических общественных организациях и посредством организации своей непосредственной жизнедеятельности в соответствии с экологическими ценностями.

Гражданская этика является центральным связующим звеном между различными элементами культуры гражданственности. Она не только устанавливает связь между политическим, экономическим, правовым и экологическим компонентами культуры гражданственности, но и обеспечивает функционирование основных ее морально-этических элементов на уровне непосредственной жизненной практики, через «обыденные» социальные роли, создавая тем самым комфортные условия существования на уровне трудового или учебного коллектива, территориального гражданского сообщества, семьи. Таким образом, под **гражданственностью** мы понимаем социально-этическую систему, функционирующую на основе совокупности гражданских ценностей и нравственных принципов – свободы, равенства, социальной справедливости, толерантности, плюрализма, профессионализма, солидарности, гуманизма, умеренности.

Представленная выше модель культуры гражданственности является идеальным типом. В обществе возможно сосуществование различных типов личностных гражданственных культур. В качестве основных типов можно выделить активную и пассивную (обывательскую) культуры. Первый тип характеризуется постоянной включенностью в процесс защиты прав и свобод, реализации интересов граждан, он наиболее свойственен участникам общественных организаций. Основным отличием пассивного (обывательского) типа является то, что активная деятельность по защите гражданских прав и свобод начинается при серьезной угрозе гражданскому обществу либо в случае нарушения прав и свобод представителей референтной группы или самого индивида.

В пределах гражданского общества может наблюдаться наличие не только гражданской, но и авторитарной культуры, радикальных и социально-безразличных групп. Для стабильного существования гражданского общества необходимо, чтобы подавляющее большинство населения характеризовалось культурой гражданственности в том или ином виде. Группу населения, обладающую культурой гражданственности, можно обозначать термином «гражданское сообщество», используя его в расширенном значении и включая в него не только участников общественных организаций, но и неассоциированных

граждан. Гражданское сообщество осознает общность идеалов и ценностей, развивает систему независимых коммуникаций, при необходимости консолидируется (мобилизуется) для того, чтобы дать отпор произволу властвующей элиты, нейтрализовать радикальные, фашиствующие и им подобные группировки. Возможна и ситуация, когда пассивный тип культуры присущ большей части такого «гражданского сообщества». Но - при наличии определенных групп населения с активной культурой, которые объединяются в добровольные ассоциации или действуют самостоятельно, способствуя охране гражданских ценностей, реализации прав и свобод остальной части населения, - они выполняют роль «ночного сторожа», отслеживая и пресекая неправомерные практики.

Таким образом, культура гражданственности личности является сложным и многомерным социокультурным явлением. В процессе реализации личностной культуры гражданственности в социальном действии – простейшем компоненте социокультурного явления, происходит ее объективация, включение посредством системы социальных связей в социальный, а затем и в социетальный уровень. Эта объективация проявляется во взаимоотношениях между отдельными гражданами, их объединениями, различными организациями, в конституировании и порядке осуществления политических, экономических, правовых и других общественных процессов, в качественных характеристиках социальной системы в целом. Однако успешность функционирования культуры гражданственности определяется степенью ее актуальности (значимости) и репрезентативности (распространенности, «представленности» в субкультурах) в данном обществе. Формирование культуры гражданственности личности как актуальной и репрезентативной является не столько фоном, сколько одним из важнейших факторов формирования гражданского общества.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля.

1. Каковы основные измерения культуры гражданственности личности?
2. Можно ли утверждать, что степень сформированности, развитости информационного измерения культуры гражданственности определяется глубиной политических, правовых, экономических и т.п. знаний личности?
3. Проанализируйте политическую культуру как элемент культуры гражданственности.
4. Выделите основные элементы культуры гражданственности личности.
5. Каково соотношение морали и политики в культуре гражданственности?
6. Согласны ли вы с тем, что толерантность – существенный элемент культуры гражданственности? Прокомментируйте свою позицию.
7. Каково соотношение морали и права в культуре гражданственности?
8. Согласны ли вы или нет с утверждением, что гражданская этика является связующим звеном элементов культуры гражданственности? Аргументируйте свою позицию.
9. Попытайтесь проанализировать свою личностную культуру. Насколько она соответствует предложенной модели культуры гражданственности?
10. Что в предложенной модели культуры гражданственности можно было бы дополнить или изменить?

4. КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

План:

1. Социоресурсный подход.
2. Молодежь - ресурс формирования культуры гражданственности.
3. Городская молодежь в зеркале конкретно-социологических исследований.

Основные понятия темы:

Социальная инерция, социальный ресурс, человеческий капитал, ресурсный подход, социальная база, социальный потенциал, молодежь, молодежная субкультура, социальная мобилизация, ценностное ядро молодежной культуры, авторитарность, качества гражданина.

4.1. Социоресурсный подход.

Рассматривая гражданское общество как качественное состояние социальной системы в целом, мы вынуждены признать, что такой способ осуществления общественных отношений не был сформирован в рамках нашего общества на всем протяжении его истории. В определенные периоды возникали предпосылки для формирования гражданского общества, намечались определенные тенденции, которые, однако, не получали должного развития. Культура гражданственности существовала, как правило, на положении суб- или контркультуры. Не сформировано гражданское общество как целостная система в России и сегодня, по прошествии более чем десятилетия с начала либеральных реформ. Практически во всех подсистемах современного российского общества можно наблюдать функционирование вертикально-интегрированных структур, свойственных авторитарным режимам. Конституционализм, демократичность, ответственность и прозрачность власти, равноправие, партнерство, плюрализм, толерантность и другие качественные характеристики гражданского общества существуют сегодня только в заявлениях руководящих лиц и как тезисы политических программ, не являясь реальными принципами функционирования общества.

Исследователи выделяют многие причины того, что преобразования, проводимые под вывеской либерально-демократических реформ, не привели к ожидаемым результатам. В качестве основной из них можно выделить колоссальную инертность культуры общества, прежде всего – культуры политической.¹ На сегодняшний момент осуществлено достаточно большое количество исследований, доказывающих, что культура нашего общества, в основном, далека от демократической.² Дело зачастую не в том, что российской культуре не

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Инерционность социокультурных процессов//Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – Н. Тагил, 2003. С. 31-40.

² См., например: Бирюков Н., Сергеев В. Парламентская деятельность и политическая культура//Общественные науки и современность, 1995, №1. С. 66-75; Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культу-

свойственны ценности, например, свободы, социальной справедливости и т.д., а в том, что политическая культура «переводит» смысл этих ценностей на свой язык, по-другому располагает их на «ранговой лестнице», в результате чего меняется их функционирование.¹ Так, например, свобода в политическом сознании россиян ассоциируется с независимостью, самостоятельностью личности без соотнесения с политическими правами и свободами. «Свобода в российском понимании – это, скорее, возможность жить «по душе», быть самому себе хозяином, чем реализация каких-либо прав».²

Консервация политической культуры усиливается в силу оторванности политических действий российского руководства от общественного мнения, «закулисного» характеру политики, отчуждению значительной части населения от политической жизни, низкому уровню доверия граждан к политическим институтам и структурам.³ По данным международных исследований, в России намечается отрицательная динамика развития гражданских прав, ведущая к постепенному прекращению их функционирования,⁴ что также является контрфактором в процессах формирования демократической культуры.

Схожие явления наблюдаются и в других подсистемах культуры нашего общества. В экономической культуре не сформирована предпринимательская этика, социальная ответственность бизнеса; экономический процесс далек от принципов равенства прав, законности, этичности и социальной справедливости. В правовой культуре распространяется правовой нигилизм, расширяется спектр неправовых практик в фактически всех сферах общественной жизни.

В то же время инертность культуры не означает ее *абсолютной* неспособности к изменениям. В культуре любого общества сосуществуют и взаимодействуют традиции и новации. Поэтому трансформации в культуре возможны, но они не могут происходить моментально; механизм таких преобразований всегда сложен и противоречив, различные социальные группы играют в таких процессах различные роли, выступая в качестве факторов, формирующих, отклоняющих или сдерживающих изменения. Культурные новации по-разному воспринимаются представителями различных групп, в зависимости от их открытости, культурной мобильности, местоположения относительно культурных потоков общества.

Оценить роль всех общественных групп современной России в процессе формирования культуры гражданственности невозможно в рамках формата данного исследования, поэтому наше внимание будет сконцентрировано на

ре//Политические исследования, 1997, №5. С. 127-137; Денисов Ю. П. Почему россияне не приемлют золотой середины, или об умеренности в политике//Политические исследования, 1996, №1. С. 177-180; Романович Н. А. Демократические ценности и свобода «по-русски»//Социологические исследования. 2002, №8. С. 35-39; Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества//Политические исследования, 2000, №6. С. 51-65., Рукавишников В. О. Какой Россия видится изнутри и издалека//Социально-гуманитарные знания, 2003, №3. С. 3-22. и т.д.

¹ Бирюков Н., Сергеев В. Указ. соч. С. 74-75.

² Романович Н. А. Указ. соч. С. 36, 38.

³ Причем в современной России наименьшим уровнем общественного доверия пользуются как раз те структуры, которые являются центральными в демократическом процессе: парламент, судебная власть, средства массовой информации. См.: Башкирова Е. И. Указ. соч.

⁴ Рукавишников В. О. Качество российской демократии в сравнительном измерении//Социологические исследования, 2003, №5. С. 32.

рассмотрении роли молодежи в этом процессе. Выбор молодежи в качестве объекта исследования обусловлен особой ролью молодежи в современном обществе. Молодежь все чаще рассматривается как социальный ресурс изменений, с ней связывают определенные надежды все политические силы. Именно молодежь определяет будущее состояние общества.

Термин «социальный ресурс» имеет в современной социологии, как минимум, два значения. Первое, набирающее в течение последних лет определенную популярность, связано с изучением различных аспектов социальной структуры, в частности, статусных позиций, классовой принадлежности.¹ Под социальным ресурсом в данном случае понимаются определенные возможности, которые получает личность или группа, занимая позиции в социальной структуре, для достижения собственных целей, реализации интересов и т.д. Этот ресурс представляется совокупностью различных «капиталов», существующих в материальной (доход, богатство) или символической (власть, престиж, образование) форме,² в виде возможностей социального взаимодействия («интеракционных опций»)³ и всего прочего, что позволяет оказывать влияние на социальное пространство, его культурные, нормативные, интеракционные и другие аспекты.

Данная работа основана на втором значении термина «социальный ресурс», которое в определенном смысле соотносится с теорией человеческого капитала. Если в первом случае социальный ресурс обозначает то, что личность или группа может использовать для достижения своих целей в обществе, то во втором – те характеристики личности или группы, которые общество может использовать для изменения или сохранения достигнутого состояния.

Ресурсный подход, заключающийся в рассмотрении социальной группы в качестве ресурса социальных изменений или стабильности общества, уже имеет определенную историю, хотя до недавнего времени не был широко представлен в отечественной социологической науке. Истоки этого подхода связаны с поиском причин и сил социальных изменений, социального развития. Социальные изменения связываются с изменениями социальной структуры, которая может пониматься не только как взаиморасположение и взаимосвязь социальных статусов, но и как характеристики социальных взаимодействий, связей, нормативных и идеально-ценностных позиций.⁴ В этой связи актуальным становится вопрос о социальной базе нового социального состояния, то есть о группах людей, представители которых «занимают места» в новой статусной системе, воспринимают новые нормы, идеи, ценности и, в конечном счете, воспроизводят качественно новую систему социальных отношений.

Взаимосвязь социальных изменений и качественных характеристик социальных групп традиционно прослеживается в социологии посредством понятия «социальная база».

¹ Помазан А.Н., Седунова А.В., Ядова Е.Н. Социальный ресурс личности и идентификационные ориентации россиян//Социс. №12. 2001. – С. 123.

² Бурдые П. Социология политики. – М., 1993. – С.56.

³ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения//Социс. №9. 2001. – С. 5-6.

⁴ Там же.

Социальная база – особая социальная группа, которая может представлять собой общественное меньшинство, как, например, протестанты (база формирования капитализма) в Европе, или (реже) большинство, как те же протестанты в США (где протестантские секты до начала XX в. объединяли большую часть населения).¹ Но складывание социальной базы, особенно в случае ее относительной малочисленности, незначительности в масштабах общества, не является залогом успешности преобразований. Недостаточно для этого и объективной полезности, эффективности новых общественных отношений, которые зачастую не принимаются, отвергаются социально инертным большинством на иррациональной (например, традиционной, религиозной) основе. Само понятие «социальная база» обращает внимание на уже сложившиеся социальные свойства группы. За гранью понимания остаются процессы формирования соответствующих свойств, вовлечения группы в поток социальных изменений, ее активность и изменчивость. Относительно новое понятие – «социальный ресурс» – раскрывает динамическую связь между качествами группы, ее деятельностью и возможным будущим состоянием общества. В анализ могут быть вовлечены не только группы с уже сформировавшимися свойствами, но и те, у которых соответствующие качества только формируются или, наоборот, теряются. В целом, понятие «социальный ресурс» обладает более широким спектром методологических возможностей.

Под социальным ресурсом мы понимаем такую социальную группу или их совокупность, которые обладают специфическими демографическими и социокультурными характеристиками, позволяющими им без сильного эмоционального, психологического напряжения, без внутреннего конфликта воспринять и успешно воспроизвести новую для данного общества систему взаимоотношений. Именно выделение понятия социального ресурса позволяет осмыслить процессы трансляции культурных достижений одной цивилизации на принципиально иные культурные пространства. Возникший в протестантской среде рациональный капитализм с успехом распространился и на другие (не только не протестантские, но и даже нехристианские) общества, во многом благодаря наличию и успешной мобилизации социальных ресурсов для формирования данного феномена в этих обществах.

Как правило, и это далеко не новость для социальной науки, с социальным будущим ассоциируется молодежь. Но какое это будущее, то есть, какова роль молодежи в движении общества? В обществах различного типа преобладают различные ответы на данный вопрос.

Впервые комплексное видение молодежи в качестве социального ресурса (скрытого резерва общества) предложил К. Мангейм.² Причем, молодежь – это не всегда ресурс развития, изменений; в традиционных, статичных обществах, избегающих трансформаций и стремящихся сохранить социальный status quo, ресурс молодежи используется для консервации общества путем опоры на традиции, опыт старших поколений. Молодежь как особую, отличающуюся от ос-

¹ Зарубина Н.Н. Указ. соч. – 51.

² См. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 441-461.

тальной массы населения социокультурную группу в таких обществах оценивают, как правило, негативно как определенную контркультуру, разрушающую устоявшийся социальный порядок.

Прямо противоположная роль поколений наблюдается в динамично развивающихся обществах. Старшее поколение разрабатывает новое видение общественного устройства на теоретическом уровне, а «функция молодежи состоит в том, что она – особый оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым».¹ Конечно, в таких обществах преобладают «восторженно-оптимистические»² оценки молодежи, молодежь оценивается как нечто априорно лучшее, чем старшие поколения.

Однако приведенные выше ситуации являются идеально-типическими. Как нельзя полностью устранить реализацию скрытого резерва молодежи, ее потенциала социальных изменений, так и неверно считать, что молодежь полностью оторвана от опыта старших поколений, не воспроизводит в той или иной степени те формы социальной жизни, которые она обнаруживает в готовом виде к началу своей сознательной социальной деятельности. Межпоколенческие различия могут быть более или менее явными, поверхностными или фундаментальными, но они не могут быть абсолютными. Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она открыта для любых начинаний.³ И эта открытость молодежи, ее своеобразная «незавершенность» превращают ее в наиболее важный ресурс общества. Но, являясь скрытым ресурсом социальных изменений, молодежь не является ресурсом изменений катастрофических. И наиболее подходящей оценкой роли молодежи в обществе будет оценка «толерантная», признающая и положительные, и отрицательные черты молодежи,⁴ и прогрессивные, и консервативные ее свойства, учитывающая социокультурную неоднородность молодежи.

Как социальный ресурс общества социальная группа характеризуется двумя основными группами свойств.

Первый аспект – *социальный потенциал*, то есть те характеристики группы, которые определяют, в каких сферах и для каких целей может быть мобилизована данная группа. Социальный потенциал включает в себя следующие уровни характеристик группы: социально-демографический, профессионально-функциональный, психологический, структурный, культурный. В социально-демографическом плане молодежь представляет собой максимально ценный социальный ресурс. Учитывая, что молодость – это возраст между примерно 14-16 и 30 годами при средней продолжительности жизни в XX веке в развитых странах до 70-75 лет, можно с уверенностью говорить о том, что сформированные в период молодости позиции будут функционировать на протяжении большей части сознательной жизни индивида. Социально-демографический

¹ Мангейм К. Указ. соч. С. 443.

² Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. – Нижний Тагил. 1995. – С. 14.

³ Мангейм К. Указ. соч. – С. 445.

⁴ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Молодежь и толерантность – совместимы ли они? // Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия. – Нижний Новгород: Издательство НИСОЦ, 2001. – С. 7.

анализ позволяет выявить статистическое половозрастное распределение представителей молодежи. Это дает возможность делать определенные выводы и о социально-психологическом портрете этой группы, так как определенному возрасту и полу присущи собственные психологические реакции, характеристики поведения,¹ способы восприятия окружающего мира и т.д. Но не менее важно, что подобный срез молодежи позволяет выявить и тенденции, связанные с изменениями численности этой группы, ее доли в массе населения, и прочих показателей, позволяющих оценить, каким ресурсом развития общество будет располагать в определенном будущем.

Профессиональный потенциал группы определяется соотношением доступных для представителей группы профессий и других видов трудовой деятельности. Профессиональный потенциал отражается не только в полученных представителями группы знаниях и навыках, но и в профессиональных предпочтениях и психофизических возможностях к различным видам деятельности. В отношении молодежи определение профессионального потенциала крайне затруднительно, так как молодость – это период профессионального становления, выбора, самоопределения, высокой профессиональной мобильности.

Выделение психологического аспекта социального потенциала группы связано с тем, что для реализации различных целей общества, включая его реформирование и сохранение, необходимым является использование «психологических резервов»: смелости, активности, инициативы, выносливости, способности к самопожертвованию.²

Структурный срез социального потенциала группы отражает совокупности представленных в ней статусных позиций, которые в наиболее общем плане определяются через отношение представителей группы к более или менее стабильно распределяемым в обществе ресурсам, к формальным и неформальным ограничениям и предписаниям.³ Это измерение социального потенциала показывает наличие у группы материальных, институциональных или символических средств для реализации собственных целей и воздействий на общество. От местоположения в социальной структуре зависит роль представителей группы в трансформационных процессах, будет ли она заключаться в инициации изменений, их институциональном оформлении или в пассивном приспособлении к изменяющимся условиям, формировании социально инертной среды.

Социокультурный срез социального потенциала группы показывает, насколько успешно, устойчиво будет воспринято и легитимировано то состояние общества, для воспроизводства которого рекрутируется группа. «Приживутся» ли новые образцы поведения? Будет ли деятельность представителей группы сориентирована на новые ценности? На эти и подобные вопросы необходимо найти ответы для оценки социокультурного потенциала группы.

Основной характеристикой молодежи с точки зрения социокультурного среза ее социального потенциала является ее незавершенность, неинтегриро-

¹ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. – С. 22.

² Мангейм К. Указ. соч. – С. 443.

³ Тернборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и социальное действие: объяснение в социологии и социальной науке//Теория общества. – М., 1999. С. 86.

ванность в сложившуюся систему социальных отношений. Основная функция молодежи – социализация, то есть усвоение актуальной культуры. Молодой человек наблюдает за обществом как бы извне, и то, что для старших поколений является само собой разумеющимся, привычным и должным, не является таковым для молодежи, мир взрослых для нее необычен, «вызывающе нов». У молодых людей нет устойчивых экономических, политических интересов, у них нет и собственно заинтересованности в сохранении существующего порядка, так как они еще не внесли в него своего вклада.¹ Молодежь является своеобразным фильтром, который подвергает оценке сложившиеся порядки, различные компоненты культуры и принимает те из них, которые в большей степени удовлетворяют современные интересы и потребности человека, независимо от среды их происхождения. То есть молодежь может играть роль своеобразного культурного проводника, канала культурной диффузии; хотя не редки ситуации, при которых через молодежную среду идет распространение не существенных характеристик, а внешних признаков культурных явлений, либо в крайних случаях – ценностей, норм и стилей контркультуры.

Определенная проблема заключается и в том, что при всей незавершенности культурного пространства молодежи оно не является пустым. Молодежь формирует свои культурные аспекты: стиль жизни, культурные нормы и ценности, которые могут затруднять или облегчать проникновение или формирование новых, необходимых для общества идей, ценностных ориентаций, культурных образцов. Молодежная субкультура может быть достаточно консервативной, что затрудняет реформирование общества, однако, и излишняя «подвижность», революционность молодежи – это другая крайность, несущая в себе негативный, деструктивный заряд.

Второй группой свойств, не менее важной для ее оценки в качестве социального ресурса, помимо социального потенциала является *способность группы к мобилизации* для реализации целей, как общественных, так и внутригрупповых. Совокупность разбросанных по социальному пространству, изолированных друг от друга индивидов еще не является социальным ресурсом; их потенциал, готовность к действию, цели и ценности приобретают социальный смысл, когда эти индивиды, взаимодействуя друг с другом, превращаются в сообщество и формируют собственные организации. При посредстве организаций бессистемные акты отдельных людей превращаются в функциональное действие.² Именно через организации и происходит мобилизация социального ресурса, поэтому не случайно то высокое внимание к организациям и неформальным объединениям молодежи, которое наблюдалось в практике различных социально-политических систем XX века и прослеживается до сих пор.

Однако социальная мобилизация не ограничивается простым включением индивидов в различные организации, важно, чтобы организации активно взаимодействовали между собой, формируя общие цели и принципы деятельности, согласуя свои усилия. Именно наличие интенсивных и устойчивых связей пре-

¹ Мангейм К. Указ. соч. – С. 446.

² Мангейм К. Указ. соч. – С. 444.

вращает совокупность гражданских объединений и организаций в гражданское *сообщество*, существенным образом влияющее на общественную жизнь, способствующее формированию и поддержанию гражданского общества. Средний класс развитого западного общества является залогом стабильности и успешно противостоит элитным группам и люмпенам как раз потому, что формирует устойчивые «горизонтальные связи», независимые каналы коммуникации и информации, выступая в случае необходимости в качестве мощного социального движения.

Поэтому мы можем предварительно разделить социальную мобилизацию в ее идеальном типе на два этапа: первый - включение индивидов в относительно небольшие объединения и второй – превращение совокупности объединений в социальные движения. Также социальная мобилизация может быть первичной: в этом случае формирование мобилизационных форм осуществляется параллельно с процессами мобилизации и вторичной – по уже отлаженным каналам мобилизации, в рамках «готовых» социальных институтов и организаций. По второму сценарию происходит мобилизация в развитых гражданских обществах. То, что мы имеем возможность наблюдать быстрый всплеск организованной активности, практически моментальное включение больших масс людей в гражданские акции, происходит именно благодаря наличию устоявшихся надежных форм и каналов мобилизации, которые «в мирное время» могут поддерживаться относительно небольшим количеством людей (активистами общественных организаций), либо действовать разрозненно – каждая организация в системе собственных целей. В России же осуществляется первичная мобилизация – вовлечение граждан и, в первую очередь, молодежи в общественные движения происходит на фоне несформированности гражданского сообщества.

В завершении характеристики социального ресурса необходимо отметить его главное отличие от ресурса технологического – самостоятельность, собственная активность, собственный творческий потенциал. Конечно, это затрудняет управление общественным развитием, но и спасает общество и каждую отдельную личность от программируемости, полной управляемости. Именно способность обеспечить личности максимальные возможности для реализации собственного творческого потенциала превращает гражданское общество в максимально эффективную (из доступных человечеству) форму социальной организации. Однако это предполагает и то, что гражданское общество не может быть учреждено, навязано. Мобилизация молодежи для формирования гражданского общества, культуры гражданственности возможна через содействие деятельности *добровольных* молодежных организаций и объединений.

4.2. Молодежь - ресурс формирования культуры гражданственности.

Итак, в первую очередь, социоресурсное видение молодежи основывается на понимании молодого человека в качестве *субъекта* социальной жизни. Но в то же время такой подход не означает отрыва субъекта от социальной среды, от

ее социализующего воздействия,¹ от общественных настроений и ожиданий, тенденций развития, которые выражаются в требованиях к молодежи.

Рассмотрим основные социоресурсные характеристики современной российской молодежи. Сегодня в социологии молодежи преодолен формировавшийся десятилетиями миф о единстве данной общественной группы. Возрастные, физиологические и социально-психологические факторы отчасти объединяют группу, именуемую «молодежью», но в современных условиях дифференцирующие факторы молодежной среды (социальное происхождение, доход, политическая идентификация, образование, социальные притязания и ценности) проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие.²

Трансформации в социальной структуре постсоветского общества привели к появлению большого количества новых групп, широко разбросанных по имущественной шкале, отличающихся по экономическим и политическим интересам, культуре. В каждой из групп, так или иначе, представлена молодежь (молодые рабочие, предприниматели, фермеры, безработные и т.д.); социально-экономическая дифференциация является важнейшей характеристикой современной российской молодежи.³ Различия в социокультурных характеристиках групп обуславливают различия в социализации их молодых представителей, в интеграции различных категорий молодежи в социальную структуру общества.

Исходя из этого, исследователи предлагают, по крайней мере, два противоположных «сценария» изучения молодежи как социального ресурса. Первый основан на преобладающей роли дифференцирующих факторов; в этом случае, применительно к современной России целесообразнее говорить не о молодежи в целом как социальном ресурсе, а выделять *ресурсные особенности различных социальных групп молодежи*.⁴ Второй, несмотря на всю силу дифференцирующих факторов, направлен на актуализацию интегрирующих характеристик, позволяющих рассматривать молодежь как целостность.⁵

В нашем исследовании будут представлены оба «сценария», так как на различных уровнях анализа социального потенциала молодежи интегрирующие и дифференцирующие факторы молодежи проявляются по-разному. На социально-демографическом и социально-психологическом уровнях преобладают интегрирующие факторы. В социально-профессиональном плане молодежь, с одной стороны, сильно дифференцирована, но с другой, интегрируется определением «молодые специалисты». Наиболее сильно функционирование дифференцирующих факторов проявляется при анализе структурных и культурных характеристик социального потенциала молодежи. Поэтому на первых трех уровнях анализа молодежь будет рассматриваться как целостность, а на культурном уровне – как совокупность различных ресурсных групп.

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход//Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 92.

² Там же. С. 93.

³ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России//Социологические исследования, 1998, №5. С. 90-91.

⁴ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход//Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 93.

⁵ Ручкин Б. А. Указ соч. С. 91.

Выше уже говорилось о значении социально-демографических показателей в социоресурсной оценке группы. Но социологов демографическая статистика волнует не сама по себе, а с точки зрения социальных последствий тех или иных демографических процессов.¹

Главным показателем демографического движения современной российской молодежи является устойчивое сокращение ее численности, доли в составе населения страны. Так, за период с 1987 по 1996 г. численность молодежи в возрасте до 16 лет уменьшилась на 3 млн. человек (на 10%), детей в возрасте до 6 лет – на 4 миллиона (35%), количество новорожденных снизилось на 6 миллионов чел.² Сегодня представители указанных возрастных групп распределились в различных возрастных когортах от 7 (0 лет на 1996 г.) до 32 (16 лет в 1987 г.) лет. Суммарный «урон», нанесенный этим демографическим группам – порядка 13 миллионов человек (из них в возрасте до 21 года – 10 миллионов), – усугубляется постоянным ростом убийств и самоубийств в стране.³

В качестве негативных процессов в молодежной среде, помимо сокращения ее численности, необходимо выделить, во-первых, ухудшение здоровья данной демографической группы. В среднем по России только 10% выпускников средних школ считаются абсолютно здоровыми, 45-50% из них имеют серьезные морфофункциональные отклонения. Снижается количество годных к службе в армии призывников.⁴

В 1990-е гг. произошел скачок в распространении наркомании и алкоголизма в молодежной среде. Среди учащихся алкоголь не употребляют только 14%, а большинство учащихся пьет чаще, чем раз в неделю. К 17 годам 45,7% юношей и 54,5% девушек употребляют алкоголь более одного раза в месяц. Среди общего числа наркоманов (82,4 чел. на 100 тыс. населения) 82% - в группе моложе 24 лет. Преобладающий возраст приобщения к наркотикам снизился с 17-18 лет до 12-13. От 7 до 10% не имеют запретительных установок в отношении употребления наркотиков.⁵

Снижение численности молодежи и ухудшения ее здоровья приводит к падению ее роли как социального ресурса, к увеличению социальной нагрузки на молодежь. Но в долговременных процессах социальных изменений важна оценка не только текущего состояния социального ресурса, но и перспектив его воспроизводства.

Наметившиеся в 1994-1999 гг. тенденции увеличения количества молодежи (на 1,6 млн. чел.)⁶ в перспективе будут компенсированы низким уровнем рождаемости, вызванным как неустойчивостью многих семей, растущим количеством аборт (из 10 беременностей прерываются 6),⁷ так и демографическими

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход//Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 94.

² Ручкин Б. А. Указ соч. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи//Социально-гуманитарные знания, 2003, №1. С. 161.

⁶ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход//Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 95.

⁷ Там же, С. 101.

установками молодежи (в среднем молодые семьи планируют 1,08 ребенка¹, то есть подавляющее большинство ориентировано на одного). Тем самым тенденции воспроизводства молодежи в целом нельзя оценить как положительные.

В психологическом плане молодость представляет собой период формирования личностных свойств. Поэтому основной характеристикой социально-психологического портрета молодежи является ее психологическая подвижность, проявляющаяся в том, что молодые люди часто меняют свои интересы и увлечения, у них происходит перестройка системы оценок себя и других, формируются конкретные жизненные планы, в целом – мировоззрение, определение собственного места в мире.²

Возможности массовых исследований при изучении социально - психологической составляющей социального потенциала ограничены в своих эмпирических возможностях вследствие: 1) указанной подвижности психики молодого человека и 2) определенным «снятием» актуальности психических факторов культурой.³

Профессиональная специфика молодежи заключается в том, что ее представители находятся, как правило, на этапе получения определенной профессии, что составляет один из наиболее значимых аспектов социализации молодежи, ее включения в социальную структуру. Представители молодежи, получившие профессию, концентрируются, как правило, ближе к верхней возрастной границе группы.

Профессия является одним из определяющих факторов социального статуса, поэтому профессиональное измерение социального потенциала группы тесно взаимосвязано со структурным.

В современной России (данные 1998-1999 гг.) молодежь, составляя 34-35% всего трудоспособного населения, дает почти 40% всех официально учтенных статистикой безработных.⁴ Увеличиваются периоды поиска работы, растет число безработных, не имеющих специальности, не проработавших ни одного дня с момента получения профессии. Не имея возможностей для удовлетворения своих базовых потребностей молодые безработные являются резервом для групп риска и социальной базой преступности.⁵

Сложности с профессиональной самореализацией (нехватка рабочих мест, низкая оплата труда по многим профессиям) размывают профессиональную структуру молодежи, в которой только около 34% трудятся по полученной специальности, около 15% - по смежным специальностям, и почти 47% - по совершенно другой и вообще без специальности (последних 13%).⁶

Одним из факторов, негативно влияющих на социоресурсные характеристики современной российской молодежи, является падение ее уровня жизни, связанное с обнищанием основной массы населения. Согласно данным Госком-

¹ Там же.

² Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М., 2001. С. 143-146.

³ Там же.

⁴ Россия в цифрах. Статистический сборник. М., 1998. С. 51. Цит. по: Зубок Ю. А. Молодежь между интеграцией и исключением//Социально-гуманитарные знания, 2000, №2. С. 190.

⁵ Зубок Ю. А. Указ. соч. С. 190-191.

⁶ Там же. С. 186-187.

стата России, в 2000 г. молодежь (16-30 лет) составляла 21% среди жителей страны с доходами ниже прожиточного минимума, в своей возрастной группе доля бедных была 28%.¹

«Объективное» местоположение молодежи в социальной структуре отражается в ее субъективных оценках собственного положения. К группе с низкими доходами (не хватает средств на самое необходимое, либо только на недорогую еду и одежду) себя относят 45,5% молодых россиян, к группе со средними доходами (хватает на хорошую еду и одежду, некоторые вещи длительного пользования, но не на импортные аудио- и видеотехнику) – 43,8%, к «вышесредней» группе (хватает на дорогие вещи, но не на зарубежные поездки) – 8,5% и к высшей группе – только 2,1%.²

С 1999-2000 гг. в экономической сфере нашего общества не произошло серьезных изменений, поэтому следует ожидать сохранения подобной ситуации, которая актуализирует в сознании значительных масс молодежи проблему физического выживания,³ материального обеспечения существования, поиска хорошо оплачиваемой работы в ущерб социальной активности, непрофессиональных форм самореализации.

Структурное измерение социального потенциала связано с профессиональными характеристиками, так как в современном обществе профессия, род занятий (для молодежи – получаемая профессия) является определяющим источником статуса. Рассмотрение профессиональных и структурных характеристик молодежи позволяет сделать вывод о том, что большая часть социальной активности молодежи, не получающей достаточной поддержки от родителей, направляется на поддержание собственной жизни. Это существенно снижает ресурсные возможности современной российской молодежи.

В качестве важнейших в контексте формирования культуры гражданственности мы выделяем культурные характеристики молодежи.

Различные группы молодежи оказывают особое воздействие на процессы формирования культуры гражданственности и гражданского общества в целом. В первую очередь необходимо отметить существование в молодежной среде ряда контркультур криминального характера, антидемократической направленности и т.д. К ним можно отнести молодежные преступные группировки, численность и состав которых сложно поддаются оценке; неофашистов, численность которых в крупных городах колеблется (на 1999 г.) приблизительно от 1000 (Ярославль, Псков, Калининград) до 3800 (Москва) человек.⁴ Данные группы вряд ли формируют гражданственные отношения как внутри, так и за пределами группировок, и выполняют, скорее, роль контрфактора среди различных сил, оказывающих влияние на становление гражданского общества в

¹ Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования, 2002, №10. С. 80.

² Всероссийский социологический мониторинг «Социальное развитие молодежи», 1999 г. N=2004. Выборка квотная, многоступенчатая, территориальная со случайным отбором единиц опроса. Цит. По: Зубок Ю. А. Молодежь между интеграцией и исключением: социально-экономический аспект // Социально-гуманитарные знания, 2000, №2. С. 190.

³ Луков В. А. Указ. Соч. С. 80.

⁴ Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль, 2000, №4. С. 47.

нашей стране. Деятельность криминальных групп имеет далеко идущие последствия в виде ослабления воздействия правовых регуляторов на поведение молодежи, распространении правового нигилизма, преодолению «порога криминальности» в сознании и поведении молодых людей.¹ Фашистские и другие авторитарные группировки формируют контргражданские, антигуманные настроя.

4.3. Городская молодежь в зеркале конкретно-социологических исследований.

В рамках изучения культурного измерения молодежи как социального ресурса формирования гражданского общества нами было предпринято конкретно-социологическое исследование (февраль-июнь 2003 г.). В качестве **объекта** нашего исследования выбрана учащаяся молодежь крупного индустриального центра. Можно выделить несколько причин такого выбора.

1. Городская культура сложна, многомерна и, если можно так выразиться, более плотная. В рамках ее пространства сталкиваются многочисленные субкультуры, стили, жизненные концепции, и нормальное функционирование такой сложной социокультурной системы невозможно без демократичности, плюралистичности, толерантности. Город находится в центре культурных потоков общества и сам формирует эти потоки, наполняет их определенным содержанием. Город – основа современного индустриального общества.

2. Город представляет собой пространство, развитое в коммуникационном плане, что облегчает горожанам включение в общественно-политический дискурс.

3. Учащаяся молодежь представляет когорту молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, из которых можно выделить две подгруппы. Первая – молодежь в возрасте от 15 до 17 лет – «чистая постсоветская генерация» и от 18 до 24 лет – молодежь, помнящая советское прошлое, но неоднозначно относящаяся к нему, находящаяся на стадии формирования жизненных планов и перспектив на будущее.² То есть эти группы не испытывают давления ценностей, образов мыслей и действий, сформированных советской системой; их солидарные связи с представителями более старших («советских») поколений непрочны. Исследования показывают более низкий уровень ностальгии по СССР среди 18-24-летних, чем среди более старших групп.³ В целом, эти группы молодежи в большей степени открыты для новых начинаний.

Предметом исследования является культура гражданственности, в качестве эмпирических показателей которой выступают ценностные и смысложизнен-

¹ См.: Попов В. Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования, 1998, №5. С. 72-83.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход // Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 92.

³ По данным Центра социологических исследований МГУ (характеристики исследования не приводятся) 34% опрошенных в возрасте 18-24 г. хотели бы иметь возможность возврата к жизни в СССР, что на 18% меньше, чем у следующей категории (25-39 лет – 52%) и на 25% меньше среднего результата. Данные по: Ручкин Б. А. Указ. соч. С. 95.

ные ориентации молодежи, имеющие отношение к сущностным, культурным качествам личности-гражданина.

Для Нижнего Тагила, выбранного нами в качестве крупного индустриального центра, численность молодежи (в возрасте 16-27 лет) на начало 2000 г. составляла порядка 80 000 чел (20,5% от общей численности населения города).¹ Общий объем выборки – 446 человек, что составляет примерно 0,6% от объема генеральной совокупности.

Выборка квотная. Так как одной из задач исследования было выявление возможных отличий в формировании культуры гражданственности в зависимости от типа образовательного учреждения, выборка составлена из трех равных по объему сегментов с отбором респондентов по образовательной квоте. Среди школьников опрашивались учащиеся 11-х классов – своеобразный рубеж, позволяющий оценить качества, сформированные на «выходе» одного из базовых институтов социализации. Из числа учащихся ПТУ и студентов вузов отбирались представители соответственно 1-2-х и 3-4-х курсов. Это позволяет более уверенно проследживать возрастные отличия в формируемых гражданских качествах. Респондентам была предложена анкета, вопросы в которой были сгруппированы в блоки согласно выделенным эмпирическим признакам культуры гражданственности.

Одним из важнейших показателей личностной культуры являются ценностные ориентации. В индивидуально-личностном плане они образуют своеобразный стержень, на котором держится весь внутренний мир человека², в социальном плане они влияют на социальное взаимодействие.

Структура ценностных ориентаций респондентов (См.: Табл. 4.1.) представлена тремя хорошо ранжированными группами. К первой относятся ориентации, располагающиеся на высших ступенях иерархии, такие как – «здоровье» (86%), «семья» (83%), «друзья» (64%) и «деньги, материальное благополучие» (52%). Эти ценности являются значимыми для представителей всех типов учебных заведений, и их иерархический порядок практически одинаков для всех подгрупп³, что позволяет считать их определяющими, центральными ценностными ориентациями респондентов.

В следующую группу включаются ценностные ориентации, выделенные в качестве наиболее значимых гораздо меньшим количеством респондентов: «работа по душе» (33%), «независимость, свобода» (29%), «личная, интимная жизнь» (29%) и «карьера» (27%). В этой группе ценностей также наблюдается примерно общий для представителей всех учебных заведений иерархический порядок. Отличия проявляются только в отношении ориентации на свободу, которая более значима для учащихся школ (ранг 5), в меньшей степени – для студентов (ранг 7) и находится на нижней границе данной группы в глазах учащихся ПТУ (ранг 9).

¹ Там же. С. 4-5.

² Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания, 2003, №1. С. 147.

³ Исключение составляют ценности «семья» и «друзья», для первой характерно некоторое повышение значимости при движении по линии школы-ПТУ-вузы, для второй – снижение.

Прочие ценности объединяются в более подвижную и аморфную третью группу, нижние ступени иерархии занимают «профессионализм, мастерство», «получение удовольствий», «престиж, слава» и «религия».

Результаты ранжирования ценностных ориентаций наглядно демонстрируют относительную схожесть жизненных позиций представителей различных подгрупп.

Таблица 4.1. Структура ценностных ориентаций респондентов

Ценностная ориентация	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
1. Здоровье	86	1	81	1	89	2	88	1
2. Деньги, материальное благополучие	52	4	58	4	50	4	47	4
3. Семья	83	2	75	3	91	1	84	2
4. Друзья	64	3	68	2	68	3	56	3
5. Работа по душе	33	5	31	7/8	27	5	42	5
6. Независимость, свобода	29	6/7	38	5	24	9	26	7
7. Личная безопасность	13	11/12	9	13/14	15	11	15	10
8. Успех	19	9	19	9	26	6/7	12	11/12
9. Свое дело, бизнес	17	10	17	10	22	10	11	13
10. Профессионализм, мастерство	11	13	10	11	11	12	12	11/12
11. Личная, интимная жизнь	29	6/7	33	6	26	6/7	28	6
12. Карьера	27	8	31	7/8	25	8	25	8
13. Получение удовольствий	8	14	9	13/14	9	13	5	14/15
14. Престиж, слава	5	15	7	15	4	15	4	16
15. Реализация способностей	13	11/12	10	12	7	14	23	9
16. Вера, религия	2	16	1	16	1	16	5	14/15

Методологически оправданным в данном случае будет сравнение данных нашего исследования с данными прошлых исследований,¹ что позволит выявить динамику определяющих ценностных ориентаций учащейся молодежи (См.: Табл. 4.2.). Возможность такого сравнения обусловлена схожими формулировками вопросов и вариантов ответов в инструментах сравниваемых исследований.

Сравнение показывает резкий выход на ведущие позиции ориентации на здоровье в период между 1993 и 2000 годами, в основном же набор ведущих ориентаций не меняется. На фоне относительной стабилизации экономической системы нашего общества несколько снизилось относительное значение ориентации на материальное благополучие, но об исключении данной ориентации из ценностного «ядра» молодежи говорить пока рано.

¹ Данные исследований 1993 и 2000 гг. приведены в: Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя)/Отв. ред.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. – Нижний Тагил, 2000. С. 35-37.

Таблица 4.2. Динамика ценностных ориентаций, составляющих «ценностное ядро» молодежной культуры.

Исследование 1993 г.	Исследование 2000 г.	Исследование 2003 г.
1. Деньги, материальные блага 2. Общение с друзьями 3. Семья, дети 4. Работа по душе	1. Здоровье 2. Деньги, материальные блага 3. Семья, дети 4. Общение с друзьями	1. Здоровье 2. Семья, дети 3. Друзья 4. Деньги, материальное благополучие

Базовая ценность культуры гражданственности – свобода – не входит в число ведущих ориентаций респондентов. Вполне возможно, что это связано с особым субъективным смыслом свободы, закрепленном в сознании респондентов. Как показало наше исследование, определяющим для респондентов является экономический смысл свободы, которая понимается в первую очередь как возможность независимого жизнеобеспечения. Значимой для респондентов является свобода как способность принимать самостоятельные решения независимо от общественного мнения и в рамках общих законов. Относительно невысока ориентация на гражданский смысл свободы: свобода как совокупность неотъемлемых прав и свобод располагается ближе к середине ранговой лестницы. Ориентация на свободу в ее наиболее высшем политическом смысле (как на возможность выбора власти и влияния на издаваемые законы) очень низка:

Таблица 4.3. Значение свободы в сознании респондентов.

Значение	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь	62	1	61	1	70	1	55	1
Способность переступать через общественные ограничения и запреты	7	8	4	8/9	16	7	2	8
Способность принимать самостоятельные решения, подчиняясь общим для всех законам	44	3	49	3	31	3	53	3
Действия в соответствии с собственными убеждениями независимо от закона.	11	6/7	11	6/7	17	6	5	9
Возможность выбора политического руководства и оказывать влияние на издаваемые законы	11	6/7	11	6/7	7	9	15	6
Способность не подчиняться закону, если он не нравится	4	9	4	8/9	9	8	0	7
Способность не обращать внимания на проблемы обыденности, «свобода в душе»	27	5	27	5	28	5	26	5
Способность выступать против общественного мнения, независимость в выборе жизненной позиции.	48	2	57	2	34	2	54	2
Наличие неотъемлемых прав и свобод	31	4	30	4	31	4	32	4

Важным представляется вопрос о взаимосвязи между субъективным смыслом свободы и ее включением респондентом в систему наиболее значимых ценностей. В качестве анализируемых переменных выделены наиболее распространенные в ответах респондентов понимания свободы и два значения свободы, наиболее свойственные культуре гражданственности («Возможность выбора политического руководства и оказывать влияние на издаваемые законы» и «Наличие неотъемлемых прав и свобод»). Как видно, в основном включение или исключение ориентации на свободу в состав ценностно-ориентационного ядра личности в данном случае практически не зависит от субъективно понимаемого смысла свободы. Респондентам, которые выделили свободу как одну из основных ценностей в несколько большей степени свойственно видеть в ней способность выступать против общественного мнения и наличие неотъемлемых прав и свобод. Понимание же свободы в сильно политизированном виде («Возможность выбора политического руководства и оказывать влияние на издаваемые законы») скорее способствует исключению ориентации на свободу из ценностного ядра, что может быть связано с общей аполитичностью молодежи (См.: Табл. 4.4.).

Таблица 4.4. Корреляционный анализ взаимосвязей между субъективным смыслом свободы и выделением ее в качестве значимой ценности.¹

Смысл свободы	Отношение к свободе как к ценности (коэффициент ассоциации)
Возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь	0,0
Способность принимать самостоятельные решения, подчиняясь общим для всех законам	0,0
Возможность выбора политического руководства и оказывать влияние на издаваемые законы	-0,6
Способность выступать против общественного мнения, независимость в выборе жизненной позиции.	0,3
Наличие неотъемлемых прав и свобод	0,2

Помимо субъективного смысла свободы на ее местоположение в иерархии ценностей может влиять то, какую роль, по мнению респондентов, она играет как фактор достижения личного благосостояния, иначе говоря, есть ли в свободе определенная «полезность».

Как показали результаты опроса, респонденты независимо от типа учебного заведения выделяют одинаковые условия благосостояния в качестве определяющих. Причем мы видим (См.: Табл. 4.5.), что у представителей школ и профессиональных училищ позиции в ответах на данный вопрос совпадают в

¹ Здесь и далее анализ взаимосвязей между переменными осуществляется по формуле коэффициента ассоциации Юла

большей степени, в то время, как студентам вузов характерны достаточно ярко выраженные особенности (несколько в меньшей степени студенты ориентированы на хорошее образование, в большей – на трудолюбие и предприимчивость, значительно ниже студенты оценивают фактор денег). Личная свобода практически не рассматривается респондентами в качестве одного из условий достижения благосостояния, находясь практически на одном уровне с ориентацией на контакты в криминальном мире.

Корреляционный анализ выявил наличие существенной (0,5) взаимосвязи между выбором личной свободы, неприкосновенности в качестве условия достижения личного благосостояния и введением ценности свободы в число наиболее значимых.

Наличие же ориентации на контакты в криминальном мире как на фактор жизненного успеха представляется весьма тревожным фактом, несмотря на то, что он представлен менее чем в 1/10 части анкет. Определенную опасность представляет уже сам факт включение контактов в криминальном мире в систему ориентаций личности. Причем, как видно из Таблицы №4.5, в основном на них ориентированы учащиеся ПТУ, хотя незначительная часть респондентов, представляющих школы и вузы, также ориентирована на этот фактор. Что же касается свободы, то вполне возможно, что исключение данной ценностной ориентации из числа базовых ориентаций респондентов как раз связано с тем, что она не рассматривается как условие, необходимое для материального обеспечения жизни.

Таблица 4.5. Оценка молодежью факторов достижения личного благосостояния

Фактор	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
1. Хорошее образование	85	1	91	1	88	1	77	1
2. Деньги	43	3	45	3	54	2	29	8
3. Связи, знакомства	45	2	48	2	52	3	35	4/5
4. Трудолюбие, работоспособность	44	4	38	4	35	4	58	2
5. Удача	30	5	29	5/6	30	6	32	7
6. Сильная воля	32	6	29	5/6	34	5	33	6
7. Развитые способности, умения	31	7	33	7	25	7	35	4/5
8. Предприимчивость	24	8	20	8	11	10	42	3
9. Контакты в криминальном мире	9	11	6	11	17	9	3	12
10. Личная свобода, неприкосновенность	13	10	10	10	23	8	6	10/11
11. Нравственная устойчивость	15	9	17	9	5	11	23	9
12. Вера, религия.	3	12	1	12	2	12	6	10/11

Одним из показателей ценностного мира личности являются характеристики ее отношения к основным общественным проблемам и путям их решения (См.: Табл. 4.6, 4.7).

Таблица 4.6. Иерархия основных социальных проблем

Проблема	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Упадок могущества, военной мощи державы	23	10	20	9	27	7	22	10
Кризис науки, "утечка мозгов"	26	8	39	6	26	8	14	12
Низкий международный престиж страны	31	6/7	37	7	30	5	27	8
Слабость экономики, зависимость от цен на энергоносители	41	4	41	5	34	4	49	3
Ситуация со свободой слова	8	13	9	13	13	12	2	14/15
Преступность, криминализация общества	71	1	74	1	72	2	67	2
Политическая нестабильность общества, недоверие к власти.	15	12	11	12	10	13	23	9
Низкий уровень жизни большинства населения	63	2	67	2	54	3	69	1
Правовая незащищенность граждан	31	6/7	29	8	25	9	39	4
Кризис морали, культуры, нравственности.	24	9	17	10	18	10	37	5
Коррупция, взяточничество.	36	5	44	4	29	6	34	6
Международные конфликты	16	11	15	11	15	11	18	11
Рост безработицы.	52	3	49	3	77	1	30	7
Отсутствие реальной демократии, опасность авторитарного режима	3	15	7	14/15	1	15	2	14/15
Расширение НАТО на Восток.	7	14	7	14/15	12	14	3	13

В основном молодежь обеспокоена проблемами, связанными с непосредственными угрозами жизнеобеспечения. В первую очередь это – преступность, криминализация общества, низкий уровень жизни большинства населения и рост безработицы. Причем отношение к росту безработицы в различных сегментах выборки неоднозначное. Для студентов вузов эта проблема менее значима (ранг 7), чем для школьников (ранг 3) и учащихся ПТУ (ранг 1). Корреляционный анализ показывает высокую степень взаимосвязи между образовательным учреждением и отношением к проблеме безработицы (0,8).

Однако, обеспокоившись проблемами непосредственного жизнеобеспечения (что позволяет характеризовать жизненные позиции респондентов как прагматические), молодежь за ними практически не видит других крайне острых для современной России проблем, в первую очередь – политических. Правовая незащищенность граждан, политическая нестабильность, недоверие к

власти, межнациональные конфликты, негативная ситуация со свободой слова и отсутствие реальной демократии занимают средние и низшие места в иерархии проблем. Такая дистанцированность молодежи от политических проблем и ее «уход» в сферу непосредственного жизнеобеспечения (что в целом можно понять с учетом крайне сложной экономической ситуации, повышением факторов экономических и социальных рисков) достаточно сильно и негативно сказывается на ресурсных характеристиках молодежи в отношении формирования культуры гражданственности, для которой включенность личности в общественно-политический дискурс является одним из главных качеств (см. гл. 1).

Неожиданным фактом явилось то, что для студенческой молодежи, которая, согласно одной из гипотез, должна была проявлять большую гражданственность позиций, именно это и не свойственно в рамках отношения к острым социальным проблемам.

Таблица 4.7. Мнения респондентов относительно условий процветания российского общества.

Условие процветания	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Увеличение влияния церкви на государственное управление, образование и др.	6	13	4	13	7	13	5	12
Усиление власти президента	23	8	25	8	28	7	17	6
Увеличение роли общественных организаций и партий в управлении	9	10	8	11	11	10/11	8	11
Усиление контроля государства за поведением и деятельностью граждан	24	7	23	9	34	5	14	7
Расширение полномочий органов правопорядка и спецслужб	25	6	33	6	32	4	11	8
Развитие сети независимых СМИ	22	9	26	7	30	6	10	9/10
Увеличение размеров заработных плат, стипендий и т.д.	80	1	85	1	87	1	68	2
Моральное оздоровление общества на основе ценностей добра, справедливости, любви к ближнему	61	2	61	2	50	2	72	1
Рост профессионализма среди граждан и в первую очередь - чиновников	45	4	43	4	25	9	66	3
Ответственность государства, его открытость для общественного контроля	40	5	39	5	26	8	53	5
Сужение полномочий государства	4	14	3	14	9	12	1	13/14
Реальные гарантии прав и свобод граждан	52	3	53	3	42	3	60	4
Укрепление "вертикали власти"	7	12	7	12	4	14	10	9/10
Расширение полномочий государства	8	11	11	10	11	10/11	1	13/14

В отличие от отношения к ключевым проблемам общества, где позиции относительно схожи, опрошенные представители учащейся молодежи проявляют более разнообразные подходы к их решению. На фоне обеспокоенности

экономическими проблемами достаточно ожидаемым является то, что респонденты в первую очередь выделяют экономические условия процветания нашего общества (увеличение размеров заработных плат, стипендий, пособий и т.д.). Примечательно, что для студентов, которые уже получают стипендию и, учась в основном на 4-х курсах, находятся ближе к профессиональной деятельности, данное условие общественного благосостояния не является первостепенным.

В целом респонденты демонстрируют комплексное видение условий процветания современной России (См.: Табл. 4.7.), включая в число необходимых факторов не только экономические, но и политические (реальные гарантии прав и свобод граждан – ранг 3, ответственность государства, его открытость для общественного контроля – ранг5) и культурные (моральное оздоровление общества на основе ценностей добра, справедливости, любви к ближнему – ранг 2, рост профессионализма среди граждан, в первую очередь – среди чиновников – ранг 4). Как видно из данных, представленных в Таблице 4.7, среди респондентов не нашли достаточно широкой поддержки такие аспекты как увеличение влияния общественных организаций и партий на государственное управление (9%) и развитие сети независимых СМИ (22%). В среде же школьников и учащихся ПТУ в отличие от студентов в большей степени распространены авторитарные установки. Так, каждый четвертый школьник и примерно треть учащихся ПТУ считают, что процветание России станет возможным вследствие усиления контроля государства за поведением и деятельностью граждан, каждый третий из тех и других отметил увеличение полномочий органов правопорядка и спецслужб,¹ примерно по четверти из данных подгрупп считают одним из условий процветания увеличение власти президента. Такая противоречивость во мнениях относительно методов решения социальных проблем, на наш взгляд, открывает дорогу авторитарным идеологиям, в которых сужение свобод личности, усиление полномочий государства по контролю за жизнью и деятельностью граждан, укрепление центральной (зачастую сильно персонифицированной) власти является одним из центральных элементов.

Представляет интерес и взаимосвязь авторитарного отношения к методам решения социальных проблем и типа образовательного учреждения:

Таблица 4.8. Взаимосвязь между учебным заведением и наличием авторитарности в подходе к условиям общественного благосостояния

Вариант ответа	Коэффициент ассоциации		
	Школа-ПТУ	ПТУ-вуз	Школа-вуз
Усиление власти президента	0,1	0,3	0,2
Усиление контроля государства за поведением и деятельностью граждан	0,2	0,5	0,3
Расширение полномочий органов правопорядка и спецслужб	0,1	0,6	0,6

¹ Вполне возможно, респонденты в данном случае не видят опасной политической подоплеку таких мер и выбирают их под влиянием криминогенной ситуации в обществе.

Корреляционный анализ показывает наличие достаточно сильных связей между принадлежностью к учебному заведению и наличием авторитарности в оценках условий, необходимых для процветания современной России. В основной взаимосвязи наблюдаются по линии ПТУ-вуз, что показывает высокую степень отличий во мнениях студентов и учащихся ПТУ, только в отношении мнения о расширении полномочий органов правопорядка и спецслужб учащиеся школ и ПТУ выразили общие позиции, которые резко отличаются от позиций студентов. Таким образом, авторитарность в большей степени обуславливается местонахождением респондента в среде профессиональный училищ. Другим примечательным моментом является то, что выбор варианта «усиление власти президента» практически не связан с принадлежностью к тому или иному типу образовательного учреждения, что соотносится с высоким уровнем субъективного доверия к президенту в целом одинакового для представителей всех групп. В то же время статистические показатели доверия к президенту примерно в 2 раза выше количества респондентов, считающих укрепление его власти методом решения социальных проблем. Положительный момент - среди респондентов практически не нашли отклика такие предложения, как «укрепление вертикали власти» и «расширение полномочий государства».

Таким образом, анализ ценностного мира респондентов показывает наличие определенных противоречий. Так, для «ценностного ядра» респондентов характерно снижение значимости материального, экономического, но в то же время исключение политического, гражданского. В отношении к основным общественным проблемам наоборот, преобладание экономического компонента со сниженным значением политического. И в отношении к условиям общественного благосостояния – более комплексный подход, включающий различные типы условий. Это позволяет оценить ценностный мир респондентов как противоречивый, незавершенный, переходный. Уход от политических, гражданских ориентаций, с одной стороны, снижает ресурсные возможности молодежи в отношении формирования культуры гражданственности; с другой стороны, незначительная степень авторитарности открывает дорогу к формированию гражданских ценностей.

Несмотря на то, что различные компоненты культуры гражданственности в ее идеальном типе являются равнозначимыми, «методологически равными», реалии современной России выводят на первый план проблему формирования демократического политического режима. Поэтому на уровне эмпирического исследования мы можем рассматривать политический компонент культуры гражданственности как важнейший. Из этого следует значимость рассмотрения политических позиций респондентов для оценки культуры гражданственности.

Начнем с наиболее общих позиций - анализа отношения респондентов к политике. В целом по массиву выборки отношение к политике противоречивое. Примерно равное количество респондентов отметили наличие и отсутствие субъективного интереса к политике. Однако мы видим, что представители этих категорий концентрируются в разных подвыборках: интерес к политике, включенность в политический дискурс в большей степени свойственна студентам,

учащиеся ПТУ практически исключены из потока политической информации, в их среде более распространенным является нигилистический подход к политике; школьники занимают промежуточное положение, среди них достаточно выражены как интерес к политике, так и его отсутствие

Таблица 4.9. Отношение респондентов к политике

Показатель отношения	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Интересуюсь политической информацией	32	2	39	2	16	2	40	1
Имею четкую политическую позицию	2	6	2	6	1	5/6	4	5
Хорошо ориентируюсь среди различных партий, движений	3	5	7	3	1	5/6	2	6
Политика меня не интересует	40	1	45	1	60	1	16	3
Стараюсь держаться от политики подальше - это грязное дело.	9	4	5	4/5	18	3	5	4
Участвую в политике как избиратель	17	3	5	4/5	8	4	38	2
Являюсь активистом политической партии, движения.	0	7	0	7	0	7	0	7

Показатели электорального участия определяются, в первую очередь, положением респондентов относительно возрастного ценза, поэтому среди студентов этот показатель намного выше. Необходимо отметить, что среди школьников и ПТУ большая часть респондентов, отметивших вариант участия в качестве избирателя, младше 18 лет, и с чем связан выбор именно этого варианта ответа – неясно.

Корреляционный анализ показывает, что в вопросах отношения к политике наибольшие взаимосвязи прослеживаются по линии ПТУ-вуз, соответственно на интерес к политике влияет в первую очередь принадлежность к этим учебным заведениям. Школьники занимают промежуточную позицию, показывая в первой и четвертой позициях большее сходство со студентами вуза, а в третьей – с учащимися ПТУ.

Таблица 4.10. Связь между типом учебного заведения и отношением к политике

Вариант ответа	Коэффициент ассоциации		
	Школа-ПТУ	ПТУ-вуз	Школа-вуз
Интересуюсь политической информацией	0,5	0,5	0,0
Имею четкую политическую позицию	0,2	0,5	0,4
Политика меня не интересует	0,3	0,7	0,6
Стараюсь держаться от политики подальше	0,6	0,6	0,1

Важным представляется проследить возможные изменения в отношении учащейся молодежи к политике. Как соотносится выявленная аполитичность респондентов с данными предыдущих исследований? Какие обозначаются тенденции: преодолевается или усиливается аполитичность?

Таблица 4.11. Изменения в отношениях к политике¹

Показатель отношения	2000	2003	Изменения
Интересуюсь политической информацией	33%	32%	-1%
Имею четкую политическую позицию	12%	2%	-10%
Политика меня не интересует	16%	40%	+24%
Стараюсь держаться от политики подальше - это грязное дело.	5%	9%	+5%
Являюсь активистом политической партии, движения.	0,2%	0%	-0,2%
Участвую в политике как избиратель	21%	17% (12%) ²	-4% (-9%)

По сравнению с 2000 годом практически не изменилось количество учащейся молодежи, проявляющей интерес к политической информации. Зато можно отметить резкое (в 5 раз) снижение респондентов с четкой политической позицией, рост (в 2.5 раза) молодых людей, не интересующихся политикой и (почти в 2 раза) старающихся держаться от нее подальше. На этом фоне логичным выглядит некоторое снижение показателей электорального участия. Процессы, связанные с отношением молодежи к политике можно охарактеризовать как разочарование в политической системе, рост аполитичности.

Каковы политические идеалы молодежи?

Таблица 4.12. Распространенность политических идей в зависимости от учебного заведения (по основным ярко выраженным позициям)

Показатель отношения	Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Национально-патриотические идеалы	30	1	14	3	23	2
Идеи порядка, «твердой руки»	14	4	30	1/2	10	4
Либерально-рыночные идеи	11	5	13	4	15	3
Демократические идеи	29	2	11	5	38	1
Нет четкой позиции	13	3	30	1/2	11	5

По сравнению с 2000 годом количество придерживающихся общечеловеческих ценностей почти удвоилось, незначительно увеличилось количество тех, кому близки демократические идеи и ориентации на «порядок, твердую руку»; значительно (более чем в 3 раза) увеличилось число приверженцев национально-патриотических идей. Практически за эти годы остались не выражены социалистические и религиозные идеалы.

Исходя из этого, можно говорить о том, что молодежи не свойственны четкие политические взгляды. Формулировка «общечеловеческие ценности» дос-

¹ По: Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя)/Отв. ред.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. – Нижний Тагил, 2000. С. 42.

² В скобках -- без учета школьников и учащихся ПТУ, не выдерживающих возрастного ценза, но отметивших данный вариант.

точно аморфна, и именно ее с готовностью выбирали респонденты. Среди же четко обозначенных позиций ни одна не может быть выделена как центральная или доминирующая идея.

Нами проанализирована также взаимосвязь между приверженностью тем или иным политическим идеям и типом учебного заведения респондента.

Таблица 4.13. Связь между типом учебного заведения и политическими идеалами

Вариант ответа	Коэффициент ассоциации		
	Школа-ПТУ	ПТУ-вуз	Школа-вуз
Национально-патриотические идеалы	0,4	0,3	0,1
Идеи порядка, «твердой руки»	0,4	0,6	0,2
Либерально-рыночные идеи	0,1	0,1	0,2
Демократические идеи	0,5	0,7	0,2
Нет четкой позиции	0,3	0,6	0,3

Как показал корреляционный анализ, между политическими позициями и принадлежностью к различным типам образовательных учреждений имеется определенная взаимосвязь. И в данном вопросе основные отличия определяются принадлежностью респондентов к ПТУ, позиции школьников и студентов обладают большими сходствами. Только отношение к либерально-рыночным идеям не зависит от принадлежности респондента к учебному заведению.

Общая политическая направленность молодежи была той основой, на базе которой выявлялась распространенность авторитарных и демократических ориентаций. В целом (см.: Таблица 4.14) респонденты поддерживают демократические, гражданские идеи. Наибольший уровень авторитарности проявляется в вопросах, связанных с критикой власти и контроля над СМИ – примерно каждый четвертый респондент согласен, что государство должно быть выше критики, а средства массовой информации должны им контролироваться. На фоне низкой электоральной активности подавляющее большинство респондентов считает, что политикой должны заниматься честные и ответственные люди, и каждый гражданин должен использовать свое право на выбор власти. Возможно, в этом скрыто одно из основных противоречий в политической культуре современной молодежи – разрыв между убеждениями, идеалами (о том, каким должно быть общество) и готовностью, желанием внести личный вклад в осуществление этих идеалов.

В ответах на этот вопрос также видны определенные отличия между респондентами, принадлежащих к различным учебным заведениям. Как и во многих других случаях, авторитарность в большей степени свойственна учащимся ПТУ, демократичность, гражданственность – студентам. В то же время преобладание демократической направленности в целом по массиву является прекрасной почвой для формирования культуры гражданственности.

Таблица 4.14. Ориентации на авторитарность/демократичность

Идея и доля поддержавших (авторитарная направленность)				Идея и доля поддержавших (демократическая направленность)			
В целом	Школы	ПТУ	Вузы	В целом	Школы	ПТУ	Вузы
Нежелательна критика правительства, так как это нарушает общественную стабильность и распыляет страну				Надо терпимо относиться ко всем взглядам и убеждениям, никакие нельзя запрещать			
22%	25%	28%	15%	62%	58%	51%	76%
Государство должно контролировать средства массовой информации, так как они могут отрицательно повлиять на умонастроение нации				Независимая информация необходима человеку и обществу, так как без нее не может быть свободы			
23%	19%	30%	20%	62%	64%	46%	75%
Политика сегодня – грязное дело и честный человек не должен в ней участвовать, чем дальше от политики, тем лучше				Сегодня крайне важно, чтобы политикой занимались честные и ответственные люди			
12%	10%	22%	5%	73%	80%	57%	83%
Государство должно иметь право контролировать частную жизнь граждан для обеспечения общественного порядка и стабильности				Частная жизнь – личное дело гражданина, и государство не должно в нее вмешиваться			
12%	11%	19%	7%	76%	77%	62%	89%
Людям бессмысленно участвовать в выборах, от них ничего не зависит				Каждый гражданин должен использовать свое право на выбор власти			
19%	21%	22%	14%	70%	67%	60%	82%

Как известно, образцом гражданских обществ являются сегодня определенные государства Западного мира, который достаточно часто выступает в качестве образца, аттрактора в процессе преобразования российского общества. В этом плане достаточно полезной могла бы быть информация о готовности молодежи принимать те или иные аспекты западной культуры и о месте гражданских, демократических элементов в процессе взаимодействия культур. Снятие идеологических запретов на продукты западной культуры, падение «железного занавеса», развитие международных контактов открывают дорогу для восприятия молодежью западной культуры, но, с другой стороны, важна и открытость, готовность самой молодежи воспринять новое. В нашем исследовании мы предприняли попытку выявить, считает ли молодежь необходимым заимствование различных аспектов западной культуры, и если да, то какие именно могут, по мнению респондентов, представлять определенную ценность для нашего общества.

Таблица 4.15. Основные приоритетные направления взаимодействия с культурой западных обществ.

Вариант ответа	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Нет необходимости перенимать элементы западной культуры	14	-	13	-	24	-	5	-
Западная культура чужда нам, ее нельзя заимствовать	6	-	4	-	9	-	5	-
Россиянам необходимо позаимствовать:								
Умение зарабатывать деньги	37	3	41	3	3	1	36	3
Законопослушность, умение соблюдать нормы общественного порядка	25	4	33	4	15	5/6	27	4
Знание своих прав и умение их отстаивать	48	2	47	2	33	2	64	1
Умение развлекаться, проводить свободное время	11	6	15	6	18	4	1	6
Понимание, уважительное отношение к окружающим	23	5	29	5	15	5/6	25	5
Бережное отношение к окружающей среде	50	1	59	1	29	3	62	2

Подавляющее большинство респондентов согласны с тем, что россиянам надо взаимодействовать с западной культурой (настроения изоляционизма наиболее сильны в ПТУ, но и там их придерживается менее четверти респондентов). Среди тех, кто считает, что взаимодействие с культурой западного общества необходимо, нет однозначного понимания цели такого взаимодействия. Для учащихся ПТУ важнее научиться зарабатывать деньги, для учеников школ – бережно относиться к окружающей среде. Знание своих прав и умение их отстаивать представляет одну из первоочередных целей взаимодействия (для студентов вузов – первоочередную), занимая в целом по выборке 2-й ранг. Законопослушность, соблюдение норм общественного порядка и толерантное отношение к окружающим не являются привлекательной целью взаимодействия с западной культурой для представителей всех типов образовательных учреждений. Примечательно, что вопреки предположениям в ответах на данный вопрос слабо выражена (особенно у студентов) гедонистическая направленность.

Одним из показателей развития культуры гражданственности является отношение к основным политическим и неполитическим институтам общества (см.: Таблица 4.16).

Независимо от принадлежности к учебному заведению одинаково распределились первые три и последнее места в иерархии доверия респондентов к политическим институтам нашего общества, к содержанию их текущей деятельности. Как и ожидалось, лидирует по уровню доверия президент, причем с серьезным отрывом от других социальных институтов. Скорее всего, это является следствием персонально-ориентированной системы российской политики и соответствующей информационно политики. Определенной неожиданностью стал высокий уровень доверия к церкви (на фоне практически полного отсутствия ориентаций на религиозные идеи); причиной этого, видимо, являются успехи православной церкви по созданию положительного имиджа и отсутствие

связанных с ней громких, дискредитирующих скандалов. Положительным моментом является высокий уровень доверия к общественным организациям.

В отличие от церкви, политические партии успели стать участниками многих скандалов и с самого начала своей истории не смогли создать положительного образа в глазах населения. Поэтому они располагаются в области максимального недоверия. В отношении к остальным элементам российской политической системы в среде опрошенных отсутствует единство позиций. Учащиеся ПТУ характеризуются наиболее критическим, протестным отношением к политическим институтам, студенты вузов наоборот – доверительными, идеалистическими позициями.

Таблица 4.16. Индексы доверия к основным социально-политическим институтам

Институт	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	Инд.	Ранг	Инд.	Ранг	Инд.	Ранг	Инд.	Ранг
Президент	55	1	60	1	38	1	66	1
Правительство	-8	7	-17	9	-19	10	12	5
Парламент	-9	8	-6	7/8	-3	6	-16	8
Судебная власть	7	4	4	4	3	5	15	4
Правоохранительные органы	-2	5	2	5	4	4	-11	6/7
Губернатор	-15	9	-6	7/8	-11	8	-26	9
Мэр	-5	6	0	6	-5	7	-11	6/7
Политические партии	-23	10	-25	10	-13	9	-30	10
Общественные организации	25	3	25	3	21	3	29	3
Церковь	33	2	28	2	34	2	37	2

Последним этапом нашего анализа сформированности политического компонента культуры гражданственности является выявление отношения респондентов к российскому обществу в целом. С точки зрения опрошенных, современному российскому обществу в большей степени характерны такие качества как «свобода» (50%)¹ и профессионализм (41%), каждый четвертый респондент выделил нравственность как черту современной России. Практически не нашли себе поддержки такие качества, как стабильность (11%), законопослушность (9%) и социальная справедливость (9%).

Таким образом, исследуя политические идеалы, мы выявили относительно низкий уровень распространенности авторитарных идей среди респондентов. В целом, молодежи больше свойственна демократическая направленность. Определенным препятствием на пути формирования культуры гражданственности могут быть: индифферентное отношение к политике, низкий уровень политиче-

¹ Возможно недостаточная ценность свободы в сознании респондентов связана с тем, что она уже, по их мнению, реализована в системе социальных отношений.

ского участия, ярко выраженная персонифицированная направленность политического доверия.

Одной из задач нашего исследования было изучение субъективного образа гражданина, сформированного в среде городской учащейся молодежи. Субъективный образ гражданина является одним из определяющих компонентов культуры гражданственности. От того, что будет принято за образец, зависит поведение, обязательства индивидов, идентифицирующих себя с гражданами. В нашем исследовании представления респондентов о гражданине определялись посредством выявления тех качеств, которые респонденты считают обязательными для гражданина.

Таблица 4.17. Качества обязательные для гражданина

Качество	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Регулярная уплата налогов в полном объеме	49	2	52	2	50	2	46	2
Исполнение законов	72	1	75	1	55	1	86	1
Активное участие в политике	13	7	11	7	9%	8	19	7
Противостояние произволу властей	22	6	21	6	22	6	24	4
Бескорыстная помощь окружающим	29	4	31	3	34	4	23	5/6
Противостояние экстремизму, национализму, фашизму	26	5	25	5	28	5	26	3
Бдительность и готовность помочь государству в борьбе против его врагов	30	3	30	4	36	3	23	5/6
Жертвование своими интересами в пользу общества и государства	9	8	10	8	10	7	6	8

Итак, для опрошенных характерно преобладание нормативного подхода к сущности гражданина. Главные его качества, выделенные респондентами, - исполнение законов и регулярная уплата налогов - являются ядром формальной, институциональной специфики гражданина. Те же качества, которые составляют его качественное, культурное содержание – противостояние произволу властей, экстремизму, фашизму, активное участие в политике – располагаются на нижних ступенях ранговой лестницы гражданских качеств.

Важный аспект, позволяющий существенно дополнить картину понимания респондентами сущности гражданина, являются их представления о гражданской активности (см.: Таблица 4.18)

В отличие от мнений об обязательных качествах гражданина, значение термина «гражданская активность» в ответах респондентов более близко к свойственному культуре гражданственности. Именно интерес к общественным проблемам и стремление прикладывать самостоятельные усилия для их разрешения характеризуют гражданскую личность. Высокий рейтинг «регулярного участия в выборах» отражает, скорее, традиционные подходы к определению сущности гражданина. Примечательно, что несмотря на высокий рейтинг доверия президенту, такой компонент гражданской активности, как деятельность,

направленная на его поддержку, не нашел серьезной поддержки среди опрошенных.

В данном вопросе, как и во многих других, наблюдается некоторое отличие в позициях респондентов-представителей ПТУ, однако, это отличие незначительно (уровень ассоциации не выше 3,6).

Таблица 4.18. Значение термина «гражданская активность»

Качество	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Любая законная деятельность гражданина	45	3	48	3	52	1	36	3
Регулярное участие в выборах	50	2	50	2	40	3	59	2
Помощь правоохранительным органам и спецслужбам	34	4	37	4	38	4	26	4
Постоянное участие в политической жизни, членство в партии	15	6	13	6	16	6	14	5/6
Интерес к общественным проблемам и стремление самостоятельно способствовать их решению	56	1	55	1	50	2	61	1
Деятельность, направленная на поддержку государства, президента	18	5	19	5	20	5	14	5/6

В октябре 2002 г. в рамках работы по изучению культуры гражданственности, нами было предпринято отдельное исследование гражданской идентичности студентов гуманитарного вуза (1-3 курсы Нижнетагильского государственного педагогического института, N=132). Основной вопрос заключался в том, соответствуют ли гражданские идентичности студентов рассмотренному выше типу, характерному культуре гражданственности.

Респондентам предлагалось в открытой форме ответить на вопросы о том, являются ли они гражданами (причем, специально не указывалось «гражданами России», чтобы понятие «гражданин» выступало в более абстрактной форме, без заведомого соотнесения с конкретным государством), и на основании чего они так думают.

Как и предполагалось, большинство опрошенных (94%) относят себя к категории граждан. Среди основания такого мнения лидируют такие признаки как формально-юридический статус (наличие определенных прав и обязанностей по отношению к государству и обществу – 39%), проживание на территории государства (36%) и формальная принадлежность к государству. Эти три признака гражданина занимают в сознании опрошенных явно лидирующее положение и отражают гражданскую идентичность как принадлежность к государству.

Следующая группа признаков, связанная с морально-нравственными категориями, представлена лишь в 9% анкет. Среди нравственных критериев, на основании которых часть респондентов считают себя гражданами, можно выде-

лить следующие (формулировки из ответов¹). «Я осознаю *ответственность* за свою страну в настоящем и будущем, и свою *роль*, как личности, в становлении гармоничной жизни и стабильности в своей стране» (женский пол, 20 лет). «Выполняю *гражданский долг*, выплачиваю налоги, но... еще и потому, что я *самостоятельный* человек и *думаю не только о себе*» (женский пол, 20 лет). «Так как не совершала предательства по отношению к своей Родине» (женский пол, 20 лет).

Нижние ранговые ступени признаков занимают такие, как самосознание («я гражданин потому, что чувствую себя гражданином» – 8%), право рождения («рожден гражданами России» – 5%), гражданская активность и законопослушность (по 3%). В 4% анкет респонденты смешивали понятия «гражданство» и «национальность», отмечая, что являются гражданами, так как они русские, говорят на русском языке и т.п. 2% респондентов затруднились с ответом, например: «скорее всего, нахожусь в равновесном состоянии между *гражданином* и *обывателем*...» (женский пол, 20 лет) и еще 4% не дали никакого пояснения своему мнению: «Гражданином являюсь, но если честно, не понимаю этого слова» (мужской пол, 22 года). 4% опрошенных в той или иной мере не считают себя гражданами по различным причинам, среди которых сложно выделить четко ранжированные типы. Такие позиции наиболее наглядно иллюстрируются следующими мнениями. «Официально – да... Практически нет, так как гражданин – это *активная единица* общества, *участвующая в ее защите, управлении*» (мужской пол, 21 год). «С теоретической точки зрения да... Но на самом деле я себя таковой не считаю, так как я не являюсь *патриотом*. Я не могу любить страну, которая не любит меня» (женский пол, 17 лет). «Нет, мне это чуждо» (женский пол, 20 лет). «Нет, не чувствую себя частью государства, хотя и обязана жить по его законам» (женский пол, 20 лет). Ну и наконец: «Наверное, я являюсь гражданином... Но для меня не слишком важно, что я гражданин России. Зачем делить нашу круглую Землю на государства? Я – гражданин Земли» (женский пол, 21 год).

Таким образом, для респондентов понятие «гражданин», в первую очередь, связано с принадлежностью к государству, которая определяется отношениями прав и обязанностей, наличием соответствующих документов и проживанием на территории государства. Морально-этические качества достаточно редко рассматриваются как основание гражданской идентичности. То есть, данные отдельного исследования гражданской идентичности в целом соотносятся с данными исследования культуры гражданственности.

Следующим шагом нашего исследования было изучение сформированности правового компонента культуры гражданственности.

Ценностное отношение к гражданским правам и свободам также является важным компонентом культуры гражданственности. На этапе разработки теоретической модели культуры гражданственности мы приняли идею И. Канта о том, что определяющими правами гражданина являются права на выбор власти

¹ Вопросы были заданы в открытой форме, для примера приводятся формулировки из наиболее типичных ответов респондентов.

и издание законов. Объективная ценность данного права является следствием того, что реализовав его, гражданин может оказывать влияние на все правовое пространство, а не имея данной свободы, - рискует потерять все остальные права.

Однако в иерархии ценностей различных гражданских прав и свобод, ценность права выбора власти и влияния на издаваемые законы не первостепенна:

Таблица 4.19. Ценность гражданских прав и свобод

Права и свободы	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
1. Свобода убеждений, религий, совести	37	5	37	5	26	6	47	4
2. Свобода частной собственности, право на предпринимательскую деятельность	48	3	51	3	43	3	49	3
3. Право на получение независимой информации.	34	6	32	6	37	5	33	6
4. Свобода политических взглядов и право их выражения	26	7	30	7	21	7	27	7
5. Право выбирать власть и оказывать влияние на издаваемые законы	39	4	38	4	37	4	42	5
6. Право на невмешательство в частную жизнь	62	2	63	2	54	2	68	1/2
7. Свобода выбора профессии, рода занятий	74	1	76	1	79	1	68	1/2

Независимо от принадлежности к учебному заведению, определяющими оказались право на выбор профессии, рода занятий и свобода частной жизни, занимающие соответственно 1 и 2 ранги. Немаловажную роль для опрошенных играет свобода частной собственности и предпринимательства (ранг 3). Вполне возможно, что приоритет этих прав и свобод в сознании респондентов связан с ясно различимым практическим эффектом от их реализации, в то время как непосредственный эффект от реализации других прав в обыденной жизни не всегда прослеживается достаточно ярко. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что и в отношении гражданских прав и свобод в среде респондентов преобладает прагматический подход.

Достаточно высок уровень тревожности респондентов относительно неприкосновенности гражданских прав и свобод в нашей стране. 88% респондентов согласны с тем, что в современной России постоянно нарушаются те или иные права и свободы. Большую озабоченность вызывает неприкосновенность частной жизни (55% опрошенных указали в числе нарушаемых свобод); свобода слова и свобода частной собственности нарушаются по мнению соответственно 38% и 33% респондентов. 21% указали в числе нарушаемых свободу политического выбора.

Социальная справедливость имеет в глазах респондентов ярко выраженный правовой смысл. Им в большей степени свойственно понимание данной ценности как равенства в возможностях получения образования, выбора профессии и т.д. (77%), что соотносится с ценностной иерархией гражданских прав и сво-

бод, как равенства в правах и обязанностях (72%). В целом, такое отношение соответствует культуре гражданственности. Понимание справедливости в ее социалистическом смысле – как равенства в доходах и уровне жизни (38% по массиву) – характерно, в первую очередь, для учащихся ПТУ (54%). Практически не выражены авторитарный (то, что соответствует интересам государства – 10%) и религиозный (то, что соответствует религиозным заповедям – 7%) подходы к социальной справедливости.

Еще одним качественным показателем правового компонента культуры гражданственности является отношение к закону и возможности его нарушить:

Таблица 4.20. Мнение респондентов о допустимости нарушения закона.

Вариант ответа	В целом		Школы		ПТУ		Вузы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
1. Да, многие законы сегодня просто устарели	30	3	27	3	47	1	15	4
2. Да, принимается столько законов, что в них не разобраться	25	4	23	4	32	4	19	3
3. Да, любой закон ограничивает свободу личности	13	6	14	5	21	5	2	8
4. Да, если закон препятствует получению прибыли, бизнесу	11	7/8	11	8	19	7	4	7
5. Да, главное иметь внутренний нравственный закон, а государственные законы - не главное	11	7/8	12	6/7	10	8	10	6
6. Да, если выполнение закона несет угрозу жизни, здоровью и благополучию окружающих	55	2	53	2	42	2	71	1/2
7. Нарушение закона часто связано с незнанием их	57	1	65	1	34	3	71	1/2
8. Нет, любые законы нужно выполнять	15	5	12	6/7	20	6	12	5

Как видно, большинство (85%) респондентов высказались за то, что закон можно нарушить по различным причинам. Главной причиной возможного нарушения закона среди опрошенных считается его незнание (57%). Помимо этого распространен критический подход к закону («если выполнение закона несет угрозу окружающим» - 55%), свойственный культуре гражданственности. К сожалению значительное число респондентов (каждый третий и каждый четвертый соответственно) готовы оправдать нарушение закона его устареванием или неспособностью разобраться в правовом поле. Положительным моментом является низкий удельный вес опрошенных, которым свойственен анархический (варианты №№3, 5) и целесообразный (№4) подходы к закону.

В отношении возможности нарушения закона достаточно сильно проявляется групповая специфика, обусловленная типом учебного заведения (см.: Таблица 4.21).

Таблица 4.21. Связь отношения к закону и типа образовательного учреждения

Вариант ответа	Коэффициент ассоциации		
	Школа-ПТУ	ПТУ-вуз	Школа-вуз
1. Да, многие законы сегодня просто устарели	0,4	0,7	0,4
2. Да, принимается столько законов, что в них не разобраться	0,2	0,3	0,1
3. Да, любой закон ограничивает свободу личности	0,3	0,9	0,8
4. Да, если закон препятствует получению прибыли, бизнесу	0,3	0,7	0,5
5. Да, главное иметь внутренний нравственный закон, а государственные законы - не главное	0,1	0,1	0,1
6. Да, если выполнение закона несет угрозу жизни, здоровью и благополучию окружающих	0,2	0,6	0,4
7. Нарушение закона часто связано с незнанием их	0,6	0,6	0,1
8. Нет, любые законы нужно выполнять	0,3	0,3	0,0

Наиболее высокая зависимость наблюдается по линии ПТУ- вуз и школа - вуз, по линии ПТУ - школа обнаружена незначительная зависимость. Это может говорить скорее о возрастной специфике отношения к закону, о том, что правовой нигилизм наиболее характерен для более молодых представителей учащейся молодежи.

В этом плане оправданным будет обращение к прошлым исследованиям с целью выявления динамики отношения молодежи к проблемам возможного нарушения закона и оправдания этого нарушения:

Таблица 4.22. Динамика отношений молодежи к проблеме нарушения закона

Вариант ответа	2000 %	2003 %	Изменение %
1. Да, многие законы сегодня просто устарели	17	30	+13
2. Да, принимается столько законов, что в них не разобраться	13	25	+12
3. Да, любой закон ограничивает свободу личности	9	13	+4
4. Нарушение закона часто связано с незнанием их	45	57	+12
8. Нет, любые законы нужно выполнять	15	15	+0

В сравнении с данными исследования 2000 года нами отмечен рост факторов, оправдывающий в глазах молодежи нарушение закона. Это соотносится с данными других социологических исследований, которые отражают рост правового нигилизма в молодежной среде, снижение порога криминальности и прочие негативные тенденции в правовой культуре.¹

Таким образом, в правовом компоненте культуры учащейся молодежи переплетаются позиции, как свойственные культуре гражданственности, так и

¹ См. например: Попов В. Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния//Социологические исследования, 1998, №5. С. 72-83.

противоречащие ей. С одной стороны определяющей ориентацией молодежи в данной сфере является свойственная культуре гражданственности установка на равенство в правах и обязанностях, в возможностях самореализации. С другой стороны, преимущественная ориентация на «утилитарные» права и свободы и рост правового нигилизма являются конфакторами формирования правового компонента культуры гражданственности.

Измерение толерантности было осуществлено нами аналогично с измерением уровня авторитарности/демократичности в политической культуре. Респондентам были предложены парные высказывания, отражающие толерантные и интолерантные установки в различных сферах общественных отношений.

В целом для респондентов характерны толерантные установки по отношению к другим национальностям, религиям, идеологиям:

Таблица 4.23. Ориентации на толерантность/интолерантность

Идея и доля поддержавших (интолерантная направленность)				Идея и доля поддержавших (толерантная направленность)			
В целом	Школы	ПТУ	Вузы	В целом	Школы	ПТУ	Вузы
Представители некоторых (как правило, восточных) национальностей несут угрозу стабильности нашего общества и должны быть ограничены в правах.				Все национальности должны иметь равные права, несмотря на различия в культуре, образе жизни			
33%	35%	36%	28%	59%	54%	55%	69%
В России сложилась традиционная религия - православное христианство, и оно должно занимать преимущественное положение среди остальных				Представители всех религий должны иметь равные права и возможности для осуществления своих культов			
32%	31%	36%	28%	60%	53%	58%	68%
Сегодня крайне важно выработать единую идеологию, единую национальную идею, сплотившую бы наше общество на пути преобразований				Сегодня важнее наличие многих и различных мнений, оценок, идеологий.			
41%	37%	36%	51%	44%	48%	40%	44%

Однако не может не настораживать относительно высокий удельный вес тех, кто предпочел интолерантные установки. Их больше, чем тех, кто в схожем вопросе выбирал установки авторитарные. Наибольший уровень интолерантности респонденты проявили в отношении политических идеологий. При относительно большой доле затруднившихся (15%) примерно равные количества опрошенных отметили согласие (41%) и несогласие (44%) с необходимостью формирования единой идеологии. Примерно треть респондентов обозначили интолерантные позиции в национальном и религиозном вопросах.

Наибольшие сомнения у опрошенных возникают в отношении необходимости многих идеологий, точек зрения, мнений, оценок. Причем, что достаточно неожиданно, эти сомнения в большей степени характерны для студентов, 51% которых высказался за существование единой идеологии и только 44% - за плюрализм (5% затруднились с ответом). Характерной особенностью ответов

на данный вопрос является то, что не существует принципиальной разницы между ответами учащихся ПТУ и представителей других образовательных учреждений.

Исходя из этого, мы можем утверждать, что формирование толерантности у современной молодежи – далеко еще не завершенный процесс. К сожалению, в прошлом такие исследования практически не проводились, поэтому отследить *динамику* формирования толерантности не представляется возможным.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать ряд выводов:

- в целом, культура современной российской молодежи не молодежи не может быть охарактеризована как гражданская. Более точной ее характеристикой является «переходная», «противоречивая», «незавершенная». Несмотря на то, что респондентам более свойственны установки демократичности и толерантности, ценностные ориентации молодежи носят прагматичный, утилитарный характер, для нее характерны аполитичность, правовой нигилизм, формально-нормативный подход к сущности гражданина;
- вопреки ожиданиям динамику формирования культуры гражданственности нельзя представить положительной. Сравнение с данными исследований 3-х и 10-летней давности показывают, что за эти периоды не произошло выдвижения гражданских ценностей на ведущие позиции ценностно-нормативной структуры личности, все больше распространяются правовой нигилизм, аполитичность;
- исходя из того, что явления и процессы, наблюдающиеся в культуре молодежи, являются сильно противоречивыми, можно утверждать, что молодежная культура (с точки зрения ее отношения к гражданственности) является весьма неравновесной. Молодежь в целом еще не сформировала внутренней макротенденции развития культуры, поэтому на данном этапе процессы формирования культуры гражданственности будут определяться, скорее, внешними факторами, чем внутренней логикой развития молодежной культуры.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля.

1. В чем, по вашему мнению, заключается суть ресурсного подхода?
2. В чем особенности молодежи как социальной группы?
3. В чем заключается процесс социальной мобилизации?
4. Каковы основные ресурсные характеристики российской молодежи?
5. В чем особенности ценностных ориентаций городской молодежи?
6. Какие социальные проблемы наиболее волнуют современную молодежь?
7. Каковы политические ориентации современной российской молодежи?
8. Каково соотношение ориентаций на авторитарность или на демократичность у современной российской молодежи?
9. Какова степень доверия молодежи к основным социально-политическим институтам общества?
10. Каковы, на ваш взгляд, качества, необходимые для гражданина?
11. Какова степень законопослушности российской молодежи?

5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

План:

1. Понятие общественной организации
2. Классификация общественных организаций
3. Эмпирическое исследование общественных организаций

Основные понятия темы:

Общественные организации, общественные движения, третий сектор, неполитические объединения (НПО), некоммерческие организации (НКО).

5.1. Понятие общественной организации.

Исследователи, занимающиеся изучением общественных организаций отмечают, что это явление уже имеет историю. Известны благотворительные союзы Средневековья, благодаря исследованиям А. де Токвиля и М. Вебера можно судить об общественных организациях XIX и начала XX вв. Актуальность изучения общественных организаций в современных исследованиях во многом обусловлена резким ростом их числа в западных странах во второй половине XX в.

В качестве причин такого роста можно выделить следующие:

- экономическая, культурная и правовая эмансипация личности (Ю. Хабермас), связанная с расширением пространства самостоятельных личных решений и ответственности, расширением нормативных рамок и отсутствием необходимости тратить подавляющее количество времени на поддержание собственной жизнедеятельности;
- возрастающая активность личности, не желающей мириться с относительно пассивной ролью представителя партии, скованного навязанными партийными элитами ограничениями прямого участия и рутинными политическими процедурами;¹
- укрепление демократических традиций, сближением позиций большинства населения по основным политическим вопросам, что снижает ценность самого партийно-политического дискурса, выводя на передний план иные проблемы. Достижение гражданского равенства, решение ключевых проблем демократии, обеспечение гарантий прав и свобод не только не удовлетворили всех требований обделенных групп общества, но и повысили уровень общественных ожиданий в сфере социальной справедливости, свободы, равенства возможностей;²
- рост гражданской (и шире - общегуманитарной) ответственности людей,

¹ Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское сообщество в России. – Екатеринбург, 1998. С. 15.

² Зиденгон Л. Указ. соч. С. 26.

осознание множественности проблем, стоящих перед человечеством в целом и в отдельных обществах.¹

Ассоциированная общественная активность граждан осуществляется в разнообразных формах и вызывает различные социальные эффекты. Исследователи, занимавшиеся изучением общественных организаций (на Западе интерес к ним намечается еще в 50-е гг. XX в.), обобщая разнообразный эмпирический материал, сформировали три основных течения в проблематике общественных организаций.²

Наиболее ранним подходом к изучению общественных организаций стала концепция, основанная на теориях «коллективного поведения» и «массового общества». Общественные организации представляются феноменом, опосредованным особым состоянием массового сознания тех групп, которые попали в изоляцию от демократических институтов, отстранены от непосредственного участия в политическом процессе. Изоляция от политических институтов формирует внеинституциональную активность представителей отстраненных групп. Эти группы, как правило, формируются из части населения с низким уровнем образования, политической и правовой культуры, не умеющей использовать возможности демократического механизма.

Однако практика студенческого, правозащитного, антиядерного, феминистского и других движений в 1970-е гг. заставило иначе оценить роль общественных организаций в обществе, механизмы их формирования, социальный состав участников, организационные особенности. В качестве новых признаков общественных организаций исследователи выделяли разнообразие и дробность поставленных целей, антииерархическое организационное строение, гетерогенность социального состава участников, ненасильственный характер деятельности. Изменилась и структура взаимоотношений между организациями – благодаря развитию электронных коммуникаций, установились структуры взаимосвязей сетевого типа. В качестве импульса к созданию ассоциированных форм общественной активности исследователи выделяли «относительную депривацию» – ощущение недовольства, расхождения между потребностями и возможностями их удовлетворения. Смысл общественных организаций сводился на данном этапе, в основном, к протесту.

К середине 70-х гг. возникает принципиально новый подход к объяснению общественных движений – теория мобилизации ресурсов. Данный подход социологически анализирует тактику и стратегию движений, проблемы их роста, упадка и изменения. Общественные движения рассматриваются не столько как форма коллективного поведения, типичная для массового общества, сколько как один из видов организации, имеющий внутренние и внешние факторы и ресурсы развития. Среди внешних выделяются такие, как степень правового развития общества, наличие демократических традиций, развитость инфраструктуры, СМИ, достаточный уровень финансовых возможностей общества. Внут-

¹ Модель И. М., Модель Б. С. Указ. соч. С. 15.

² Приведенная ниже типология подходов к изучению общественных организаций представлена в кн.: Модель И. М., Модель Б. С. Указ. соч. С. 16-20.

ренные ресурсы – это люди, занятые в движении, время, затраченное на организацию, деньги, находящиеся в ее распоряжении.

В современной социологии осуществляются попытки консолидации различных подходов к изучению общественных организаций и их роли в обществе, выделению ключевых их свойств и признаков, определению основных типов общественных организаций.

Термин «общественные организации» включает в себя два составных компонента: «общественный» и «организация». Причем, вторая составляющая – «организация» – является достаточно определенной. Организованность общественной активности граждан подразумевает ее оформление в виде одной из конкретных организационно-правовых форм (ассоциация, некоммерческое партнерство, общественный фонд и т.д.), наличие руководящего центра, распределение функций внутри коллектива, структурированность и устойчивость взаимодействия, солидарность.

Гораздо более сложным является определение первой составляющей термина – «общественный». В самом широком смысле термином «общественная организация» можно обозначать любую форму организованной активности общественности: корпорацию, политическую партию, церковь и т.д. Поэтому участники научного и общественно-политического дискурса используют иные термины – некоммерческая организация (НКО) или неправительственная организация (НПО¹). Второй термин в большей степени соответствует англоязычному определению “non-governmental organization”. Также распространенным является термин «организации третьего сектора», базирующийся на теоретическом разделении общества на первый (государственный), второй (коммерческий) и третий (некоммерческий) сектора.

Так как организации третьего сектора относительно молодой социокультурный феномен, то их определение осуществляется через поиск фундаментальных отличий от прочих форм организованной активности, как правило, политических партий и коммерческих организаций.

В качестве базового признака общественных организаций, как правило, выделяют их *добровольный* характер. Причем добровольность таких объединений означает не столько их отличие от тотальных организаций (армии, исправительных учреждений – в этом плане партия, корпорация, трудовой коллектив так же являются добровольными), сколько то, что членство в таких организациях не связано с непосредственным жизнеобеспечением, не предъявляет жестких требований экзистенциального выбора. Добровольность («*добрая воля*») означает, что от членства в этих организациях не ищут материальных или символических выгод, скорее, наоборот – участие в НКО требует некомпенсируемых затрат физических и интеллектуальных усилий, личного времени.

Поэтому люди объединяются в такие ассоциации по собственному выбору и вольны покинуть их в любое время.² Каналы входа и выхода таких организаций максимально открыты, крайне низок уровень взаимных обязательств. Од-

¹ Причем, термин НКО используется чаще в связи с устойчивой ассоциацией: НПО – научно-производственное объединение.

² Макнотен Ф., Урри Д. Указ. соч. С. 284.

ними из немногих стимулов для участия в общественных объединениях являются возможность реализации личностного потенциала, интересов и ценностей, эмоциональный комфорт от общения с единомышленниками.¹

Кроме того, исследователи определяют общественные организации как объединения негосударственного неполитического характера. В таком подходе подчеркивается отличие общественных организаций от политических партий, стремящихся к непосредственному участию в государственной или региональной власти путем представительства в парламенте, формирования правительства и т.д. Общественные организации не претендуют на непосредственное включение в системы власти. Здесь же необходимо отметить и другой атрибут общественных организаций, которые возникают без непосредственных санкций или инициативы властных структур. Цели, способы деятельности и другие характеристики общественных организаций не определяются органами власти.

Однако роль общественных организаций в политике достаточно высока: они осуществляют мониторинг правительственных программ, повышают ответственность государства, создают новые направления разработки общественных программ и находят спонсоров социальных инноваций.² Как уже было указано в 1-й главе данной работы, зачастую центр общественно-политического дискурса смещается из пространства деятельности политических партий в «третий» сектор.

Третьей чертой общественных организаций является их некоммерческий («неприбыльный») характер, что, однако, не предполагает заведомой их убыточности или того, что общественные организации не могут заниматься коммерческой деятельностью. Общественные организации могут привлекать внешние средства или вкладывать собственные в коммерческие проекты, но прибыль, получаемая ими, не может быть распределена между учредителями, директорами, персоналом, но только направлена на реализацию уставных целей организации или на благотворительные акции. В этом состоит главное родовое отличие общественных организаций от коммерческих структур. Одновременно термин «неприбыльные» указывает на альтруистические, этические, нравственные, социальные устремления организаторов и участников общественных организаций.³

Немаловажной чертой общественных организаций является использованием ими легальных методов для достижения собственных целей. Реализация многочисленных целей представителей общественности, особенно концентрирующихся на низших уровнях социальной структуры, может осуществляться посредством неправовых практик. Деятельность же общественных организаций протекает в рамках существующего правового поля.

¹ Там же.

² Моель И. М., Моель Б. С. Указ. соч. С.

³ Демидова Л., Шейман И. Неприбыльный сектор в системе хозяйственных отношений в США//Вопросы экономики, 1994, №4. С. 70-71.

5.2. Классификация общественных организаций.

Обилие общественных организаций, разнообразие их целевых установок и форм деятельности затрудняет их классификацию. Одним из примеров такой классификации по проблемным сферам деятельности предложил Ю. Хабермас (применительно к ФРГ):

1. Антиядерные и экологические;
2. Пацифистские;
3. Движение гражданских инициатив;
4. Альтернативное движение;
5. Движение меньшинств;
6. Молодежные секты и группы помощи;
7. Религиозный фундаментализм;
8. Протестные движения;
9. Родительские союзы;
10. Движение сопротивления «модернистским» реформам;
11. Женские движения;
12. Движения за территориальную, национальную и другие автономии.¹

Однако классификация общественной активности по целевым направлениям неэффективна в силу, как большого разнообразия целей деятельности общественных организаций, так и в силу существования организаций со смежными целями, неоднородными целевыми группами и т.д. Поэтому исследователи предлагают иные способы классификации.

И. М. Модель и Б. С. Модель, основываясь на данных многочисленных зарубежных исследователей, выделяют три типа (поколения) общественных организаций. Первый тип представлен организациями, возникающими в тех сферах социального пространства, где государство либо бессильно, либо предпочитает уступить инициативу. Второй тип НГО характеризуется противопоставлением себя существующим социальным режимам, оппозицией власти. Третий тип общественных организаций представлен группами самопомощи.²

Другой пример классификации организаций «третьего сектора» приводит А. Ю. Сунгуров, разделяя их на четыре класса.

1 класс: НКО, целевые группы которых составляют собственно их члены. Это либо «НКО взаимопомощи», объединяющие людей по принципу общей беды или проблемы, либо «НКО клубного типа» - группы по интересам, группы самосовершенствования и т.д.

2 класс: организации, нацеленные на решение проблем, непосредственно не связанных с решением жизненных проблем их членов. С одной стороны, это благотворительные организации, главная задача которых аккумуляция и

¹ Гайда А. В., Вершинин С. Е., Шульц В. Л. Коммуникация и эмансипация. -- Свердловск, 1988. С. 13.

² Модель И. М., Модель Б. С. Указ. соч. С. 23-24.

перераспределение средств на широкий диапазон целей, а также организации с конкретной направленностью деятельности.

3 класс: правозащитные организации, включающие группы гражданского контроля.

4 класс: инфраструктурные организации, главной целью которых является содействие деятельности и развитию других НКО.¹

Выделение в такой классификации правозащитных организаций в качестве особого класса, с одной стороны, оправдано, так как данные организации заметно выделяются на фоне остальной массы НКО резкой оппозиционностью власти, но, с другой стороны, большое количество правозащитных организаций можно отнести к первым двум классам. К третьему же классу следует отнести те организации, которые, не имея четко очерченных целевых групп и не занимаясь решением проблем собственных членов, воздействуют непосредственно на властные и коммерческие структуры, пытаясь привести их деятельность в соответствие с гражданскими принципами, описанными в первой главе данной работы.

По указанию самого А. Ю. Сунгурова, такая классификация соотносится с принятой в англоязычной социологической литературе, где выделяется три вида НКО. 1-й вид – *grass-root organizations* (организации, растущие как корни травы) – массовые организации, отражающие насущные интересы и потребности каких-либо социальных групп. 2-й вид – *policy group* – организации, действующие в рамках формирования и реализации каких-либо программ развития различных сфер общества и 3-й вид – *advocacy group* – организации по защите прав и свобод граждан.²

Помимо этого, общественные организации могут быть классифицированы с точки зрения организационной формы (данная классификация будет различной для разных законодательных систем, в которых определяются данные формы) и по масштабам деятельности: локальные, региональные, национальные и интернациональные (глобальные). В зависимости от конкретных исследований могут быть выдвинуты более узкие эмпирические критерии классификации.

Однозначно определить роль общественных организаций в обществе достаточно сложно. Как и другие компоненты социальной системы, НКО не имеют объективных, «запрограммированных», заранее «встроенных» функций. Единственной наиболее общей функцией системы общественных организаций можно считать мобилизацию скрытых внеинституциональных резервов общества. В остальном функции «третьего сектора» варьируются в зависимости от характера первых двух секторов общества (государства и коммерческих организаций) и качественных характеристик собственно общественных организаций.

Термин «общественная организация (НКО, НГО)» означает только тип ассоциированной активности населения, которое может мобилизоваться для различных целей. Общественные организации могут быть как лояльными и конформными, так и оппозиционными, критически настроенными, они могут быть

¹ Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Политические исследования, 1999, №6. С.36.

² Сунгуров А. Ю. Указ. соч. С. 36-37.

как центром социокультурной коммуникации, так и занимать периферийные позиции в общественно-политическом дискурсе, способствовать демократизации общества или приспособляться к авторитарным системам. Само по себе наличие общественных организаций не может говорить ни о формировании, ни о деконструкции гражданского общества.

Для того, чтобы организации «третьего сектора» стали элементом гражданского общества, они должны в своей деятельности воспроизводить культуру гражданственности. Поэтому при изучении процессов становления гражданского общества в той мере, в какой они связаны с развитием общественных организаций, крайне важно обращать внимание и на культурной измерение их деятельности, на те принципы, потребности, ценностные ориентации, которыми руководствуются участники общественных организаций. Особенно актуальна проблема смысла функционирования общественных организаций в современной России, где на фоне резкого роста их количества и качественного разнообразия произошло формирование лишь отдельных и неустойчивых элементов гражданского общества при сохранении авторитаризма практически на всех уровнях социальной системы.

«Гражданский форум» (21-22 ноября 2001 г.) обострил проблему соотношения количественных и качественных характеристик деятельности общественных организаций. По материалам прессы, на мероприятии господствовали формалистская установка власти («раз у нас есть общественные организации, значит, есть гражданское общество») и установка участников общественных организаций («гражданское общество – это мы»). В то же время в ходе непосредственного наблюдения за работой ряда НКО нами было выявлено, что в целом общественные организации не готовы выполнять функции, свойственные подобным структурам в гражданском обществе.

Оценка современных российских общественных организаций как фактора формирования культуры гражданственности подразумевает, как минимум, два направления анализа. Во-первых, необходимо определить социокультурные характеристики деятельности НКО: действительно ли они способны формировать элементы культуры гражданственности. Во-вторых, определить, насколько современные НКО являются реально действующим *фактором* культурной динамики общества в целом и молодежи в частности, показателями чего могут быть статистические характеристики деятельности НКО и отношения к ним современной молодежи.

Данные относительно количества НКО в современной России противоречивы. Вполне возможно, это вызвано высокой степенью мобильности организаций «третьего сектора», либо разными методиками подсчета.

На 2002 г. в Министерстве Юстиции РФ было зарегистрировано 350 000 общественных организаций. Хотя эти данные достаточно условны, так как среди зарегистрированных организаций немало таких, которые проявляют недостаточную активность либо вообще бездействуют, и в то же время неопределенное количество НКО действуют без государственной регистрации. Всего «тре-

тий сектор» обслуживает порядка 20 миллионов россиян в год, общая стоимость услуг достигает 12 млн. руб.¹

В то же время, по данным Госкомстата, на 1 января 2002 года в России было зарегистрировано более 589 000 общественных организаций, из которых 329 000 – неправительственные, негосударственные, немунципальные. На Уральский Федеральный округ приходится 37 323 (или 11%) неправительственных НКО.²

5.3. Эмпирическое исследование общественных организаций.

Но насколько количественное развитие российских НКО сопутствует формированию гражданского общества? Являются ли современные общественные организации элементом формирующегося гражданского общества? Чем руководствуются их участники в осуществлении деятельности и как она организована? Какие проблемы актуальны для сегодняшних российских общественных организаций? С целью поиска ответов на эти вопросы в мае 2002 года в г. Нижний Тагил было предпринято исследование культурных аспектов деятельности НКО города. Всего в поле исследования попали представители 36 общественных организаций из более чем 150 зарегистрированных в муниципальном реестре. Большая часть зарегистрированных организаций не проявляет активности и не находится по указанному адресу. Попавшие же в поле исследования организации проявляют регулярную активность в различных проблемных сферах: защите прав различных категорий граждан (переселенцев, беженцев, женщин и т.д.), охране окружающей среды, работе с наркоманами, инвалидами, тяжело и неизлечимо больными, в сферах развития культуры и самореализации личности. Распределение обследованных НКО по целевым группам таково:

Таблица 5.1. Целевые группы обследованных НКО.

Целевая группа	% от числа анкет
1. Все, без ограничений	44
2. Молодежь	31
3. Инвалиды	17
4. Люди определенной национальности	6
5. Люди определенного пола	6
6. Пенсионеры	3
7. Ветераны	3
8. Другие НКО	3

В целом, ценностные ориентации и принципы деятельности большинства опрошенных участников НКО нельзя однозначно оценить как «гражданские». В большей степени они имеют общегуманистический характер. В комплексе вопросов, посвященных данной проблеме, гораздо чаще респонденты указывали варианты ответов, связанные с доброжелательностью, умением работать с

¹ Алексеева Л. М. «Третий сектор» и власть // Общественные науки и современность, 2002, №6. С. 53-54.

² Якимец В. Н. Взаимодействие государства, бизнеса и некоммерческих организаций в России: типы, региональные примеры, проблемы. – Екатеринбург, 2002. С. 2.

людьми, заботой о близких, практически не рассматривая свою деятельность в контексте прав и свобод, независимости от властей.

Респонденты оценивают свое участие в общественной организации как «вклад в развитие общества» (72%), «заботу о близких, реализацию добра, справедливости» (58%). Около половины респондентов ищут в общественной деятельности новые знакомства, друзей, 42% рассматривают ее как источник новых знаний, средство повышения квалификации. Достаточно сильна ориентация на общественные организации как на средство выражения собственного мнения, поиск единомышленников (53%). Причем важность этого фактора увеличивается тем, что основные мотивы участия в общественной организации – личные убеждения (67%) и интересы, увлечения (36%). Лишь 28% опрошенных считают общественные организации средством укрепления демократии в стране. Реже всего респонденты оценивали участие в НКО как реализацию гражданских прав и свобод (своих и окружающих) – на уровне 14-17%.

Деятельность в рамках общественной организации находится достаточно высоко в иерархии ценностных ориентаций респондентов. Участие в НКО указали в числе наиболее значимых ценностей 50% опрошенных, что уступает таким ценностям, как «семья, дети»; находится практически на равных с такими, как «друзья, общение» и «образование, самосовершенствование» и сильно опережает «работу», «здоровье», «личную независимость». Меньше участники НКО ценят карьеру, власть, личное благосостояние, хороший отдых, бизнес.

Среди качеств, наиболее важных для участника НКО, респонденты чаще всего указывали «умение работать с людьми, вежливость, отзывчивость» (86%), «компетентность в выбранной деятельности» (61%) и «ответственность» (61%). В меньшей степени необходимыми считаются честность, предприимчивость, высокий уровень образования. Наименее востребованным считается знание законодательства (6%).

Среди принципов, на которых, по мнениям респондентов, должна строиться деятельность общественных организаций, в наименьшей степени ценятся «общественное согласие, компромисс» и «независимость от властей, свобода» (22%). «Реализация прав и свобод гражданина» также находится на одном из последних мест наравне со «взаимопониманием с властями, лояльностью» (33%). Промежуточное положение занимают «демократичность, равноправие, толерантность», «ответственность перед гражданами, обществом» и «социальная справедливость». Наиболее важный принцип организации деятельности НКО, по мнению респондентов – «доброжелательность, терпимость по отношению к людям» (75%).

Ориентация на участие в общественной организации как на возможность заработать невелика, но достаточно устойчива – прослеживается в ряде ответов. Хотя такая возможность оценивается как значимая только 17% респондентов, 19% считают систему НКО еще одним сектором занятости населения, 47% согласны с мнением, что участники НКО должны получать вознаграждение за свой труд.

Характеризуя некоммерческое движение, респонденты, как правило, оценивали свою организацию выше, чем организации города или страны. В каче-

стве основных черт собственных организаций респонденты указывали «сотрудничество, взаимопонимание» (56%), «активность, предприимчивость» (39%), «открытость, демократичность» (33%). Организации города и страны ассоциируются у опрошенных, в первую очередь, с «разрозненностью, индивидуализмом» (50% - НКО города, 31% - НКО страны), «раздробленностью, закрытостью» (соответственно: 25% и 17%) и «конкуренцией, соперничеством» (8% и 19%). Причиной таких оценок может быть недостаточно развитое взаимодействие между общественными организациями, борьба за ограниченные ресурсы.

Как показало исследование, основной проблемой НКО на современном этапе развития является нехватка материальных средств. 94% респондентов указали «поиск источников финансирования» в числе наиболее актуальных проблем своей организации. Обеспечить свою организацию необходимыми средствами за счет членских взносов не представляется возможным ввиду достаточно низкого уровня доходов респондентов (39% - до 2000 р./мес.; 22% - от 2000 до 5000; свыше 5000 – 0%; 39% не ответили на вопрос о доходах). Ввиду этого, общественные организации обращаются за помощью и к коммерческим структурам, и к власти, однако, привлечение финансовых средств остается главной проблемой для НКО.

В целом, современные общественные организации заметно ориентированы на партнерство с властями. Проблема построения партнерских отношений с властями (53% - выделили ее среди наиболее актуальных) для респондентов по важности сопоставима с вовлечением граждан в сферу деятельности НКО (61%), с проблемой партнерства с другими НКО (50%) и гораздо более значима, чем взаимодействие со СМИ и поиск квалифицированных специалистов (по 31%). В ответах на вопрос «Необходимо ли НКО нашей страны использовать опыт зарубежных коллег?» необходимость опыта конструктивного взаимодействия с властью занимает по частоте упоминания 3-е место – после опыта привлечения частных пожертвований и средств бизнеса, - опередив опыт партнерства между НКО и опыт контроля за деятельностью властей. Также 64% респондентов считают, что российские НКО получают недостаточную поддержку со стороны властей.

Помимо трудностей с финансированием актуальной проблемой современных НКО является вовлечение населения в сферу деятельности организаций. Эту проблему указали в числе наиболее актуальных 61% респондентов. Для опрошенных представителей НКО заинтересовать своей деятельностью граждан сложнее, чем найти взаимопонимание с властями или выразить свою точку зрения в СМИ. Трудности с привлечением населения, возможно, являются причиной довольно распространенного среди респондентов мнения, что большинство граждан не понимают значения общественных организаций (44%).

В то же время, социоресурсное измерение деятельности общественных организаций, заключающееся в оценке способности НКО при необходимости мобилизовать социальные ресурсы населения, является весьма актуальным. Чем больше людей вовлечено в деятельность системы НКО, тем меньше атомизация общества, тем меньше шансов у индивида остаться один на один с политическими, экономическими, правовыми и прочими проблемами, тем более мощ-

ным фактором формирования гражданской среды и существенным противовесом авторитаризму и экстремизму являются общественные организации. Современные же российские НКО оторваны от широких масс населения.

Проведенное конкретно-социологическое исследование позволило оценить активность общественных организаций города по 9 направлениям, начиная от клиентов организации и заканчивая органами правопорядка и политическими партиями. В целом, полученные данные характеризуют весь спектр контактов общественных организаций:

Таблица 5.2. Активность общественных организаций (в %%)

Направление	Уровень	Цели взаимодействия.
Клиенты	3-4 раза в неделю	Реализация уставных целей организации – 100%
Граждане, не входящие в клиентскую группу	1 раз в 2 недели	Привлечь добровольцев – 69% Заинтересовать – 61% Привлечь пожертвования – 42%
Другие НКО	1 раз в 2 недели	Совместные акции – 72% Обсуждение проблем – 58% Совместный поиск средств – 53% Дружеские связи – 50% Принятие совместных решений, обращений к властям, СМИ – 47% Поиск финансовой поддержки – 31%
СМИ	1 раз в месяц	Привлечь внимание граждан – 69% Дать общую информацию – 64% Осветить мероприятие – 47% Заинтересовать финансистов – 42% Привлечь внимание властей – 42% Рассказать об успехах – 33%
Бизнес	Реже, чем 1 раз в месяц	Привлечение средств – 100%
Местная власть	1 раз в 2 недели	Административная поддержка – 67% Совместные мероприятия – 64% Финансовая помощь – 58% Помощь (транспорт, помещения, материалы) – 58% Формирование положительного имиджа НКО – 39% Защита интересов, прав и свобод граждан – 33% Содействие при обращении к СМИ, бизнесу – 22% Контроль за деятельностью властей – 17%
Органы правопорядка	Практически никогда	Нет необходимости – 33% Защита прав граждан – 36% Проведение совместных акций – 33% Контроль за деятельностью правоохранительных органов – 17%
Политические партии	Практически никогда	Нет необходимости – 58% Защита прав граждан – 22% Содействие при обращении к властям – 14% Лоббирование своих интересов – 11% Проведение совместных акций – 8%

Заметно, что активность общественных организаций неоднородна по различным направлениям. Естественно, наиболее активно НКО ведут работу с собственными клиентами. Реже они контактируют с гражданами, не входящими в клиентскую группу, другими НКО и местной властью. Достаточно низкий уровень активности в направлении работы со средствами массовой информации, что в принципе может быть обусловлено редкостью мероприятий – «информационных поводов», достойных внимания широких масс общественности. Реже всего общественные организации работают с бизнесом, что связано со сложностью в налаживании контактов с коммерческими структурами. И в личных беседах с автором и в ходе обсуждений на конференциях и круглых столах лидеры и участники общественных организаций неоднократно акцентировали внимание на отсутствие взаимопонимания, закрытость коммерческих организаций для контактов с НКО. В то же время, коммерческий сектор рассматривается участниками общественных организаций как важный потенциальный источник средств на уставную деятельность. С органами правопорядка и политическими партиями работает незначительное количество организаций (как правило, правозащитных), большая же часть НКО не испытывает необходимости в контактах с этими структурами.

Общей характеристикой активности некоммерческих организаций по всем направлениям является устойчивая ориентация на поиск финансовых средств и иной помощи.

Исследование показало, что большинство организаций не имеют четкой организации деятельности. В той или иной степени четко обязанности распределены в 47% организаций, отношения субординации существуют в 23%. При этом, субординация и распределение обязанностей существуют там, где участники получают регулярное вознаграждение за свой труд.

Организаций же, имеющих возможность для регулярного стимулирования своих участников и специалистов, не так много. Регулярное вознаграждение получают 20% опрошенных (в основном от 1000 до 2500 р.). 11% получают гонорары за определенную деятельность и 19% - нерегулярные выплаты, пособия. Порядка половины респондентов не получают вознаграждения.

Большинство организаций (67%) имеют планы деятельности на год. Однако, учитывая нестабильную ситуацию в обществе и трудности с финансированием НКО, можно предположить, что эти планы не отличаются подробностью. 33% НКО имеют планы на квартал, 19% - на месяц и 17% - недельные планы.

В качестве главных показателей успешности деятельности организации большинство респондентов отметили количество проведенных мероприятий (56%) и количество клиентов, получивших помощь (53%).

В целом, исследование подтвердило результаты проводившихся ранее наблюдений. В настоящее время мы не можем с уверенностью утверждать, что общественные организации являются весомым фактором формирования гражданского общества, культуры гражданственности. Большое количество проблем, раздробленность некоммерческого движения в целом, слабые мобилизационные возможности препятствуют осуществлению российскими НКО функций, свойственных организациям гражданского общества. Неблагоприятную

роль играют и ориентация на сотрудничество с властями ради получения поддержки, и стремление получать вознаграждение за общественную деятельность. Это открывает возможность для регулирования деятельности НКО со стороны властных структур путем предоставления «помощи» в обмен на лояльность, размывает сам принцип добровольчества, заложенный в фундамент общественной организации. Для формирования гражданского общества в современной России необходимо не только увеличение числа общественных организаций, но и фундаментальное изменение принципов их деятельности.

Интересным в контексте нашей работы будет привлечение данных лонгитудных исследований 1996-1999, проведенных сотрудниками Института философии и права Уральского отделения РАН И. М. Моделем и Б. С. Модель. Авторы, проведя диагностику правовой культуры лидеров некоммерческих организаций, характеризуют ее как «аномичную», «амбивалентную» (изменяющуюся - от позитивного восприятия правовых установлений до правового нигилизма). В процессе формирования гражданского общества, отмечают авторы, правовая культура участников НКО должна существенным образом измениться как в гносеологическом измерении (расширение и уточнение правовых знаний), так и в аксиологическом (формирование позитивного ценностного отношения к праву как фундаменту гражданского общества).

Возвращаясь к уже приведенным данным исследования культурных характеристик деятельности общественных организаций, еще раз отметим, что одной из наиболее острых проблем, обозначенных лидерами НКО, является проблема мобилизации граждан, вовлечения их в некоммерческую деятельность. В этом плане актуальным является изучение отношения молодежи к общественным организациям, что позволит дополнить характеристику данной группы как социального ресурса формирования гражданского общества, обратив внимание на мобилизационный потенциал группы.

Исследования социокультурных характеристик современной молодежи показывают неоднозначный характер ее политических, гражданских и жизненных ориентаций. Эта неоднозначность может вызывать определенные опасения ввиду того, что современный российский политический режим обращает все более пристальное внимание на молодежь, пытается найти себе поддержку в молодежной среде, обеспечив тем самым свое будущее. В данной ситуации актуальным становится вопрос о том, а для каких целей может быть мобилизована современная российская молодежь, может ли она стать резервом укрепления авторитаризма или формирования гражданского общества? Попытка ответа на данный вопрос была предпринята в ходе исследования, проведенного осенью 2001 года в школах Нижнего Тагила и малых городов севера Свердловской области (N=790, учащиеся 10-х, 11-х кл.). Исследование было посвящено отношению современной российской учащейся молодежи к молодежным общественным организациям (МНКО), которые являются основной формой мобилизации молодежного социального ресурса.

Исследование в целом отражает неопределенность установок, ориентаций молодежи в отношении общественных организаций. МНКО намного опережают другие структуры в таких показателях как деятельность по решению про-

блем молодежи (51% - МНКО и только 12% - органы местной власти, занявшие второй ранг). Хотя в вопросах защиты своих прав и в других проблемных ситуациях преобладает ориентация на друзей, сверстников (43%), 38% респондентов обратились бы для этого в общественные организации, и этот показатель опять же выше, чем данные по другим общественным структурам.

Более половины респондентов (64%) считают, что современной молодежи в той или иной степени нужны организации и объединения, причем ценность и смысл общественных организаций для молодых людей заключается в возможности поиска новых друзей, в интересном занятии, организованном досуге. Такие установки не столько отражают, как принято говорить теперь, гедонистическую направленность молодежи, но и вполне соответствуют сущности общественных организаций, большая часть которых представляет собой клубы по интересам, объединяет друзей и единомышленников (в отличие от трудовых коллективов). Поэтому такое отношение молодежи к общественным организациям необходимо признать вполне адекватным. В то же время для значительной части молодых людей МНКО представляют собой важное средство выражения собственного мнения (24%), подготовки к будущей самостоятельной жизни в новых условиях (23%) и даже форма социальной защиты (18%); только 8% опрошенных указали, что МНКО – «напрасная трата времени и сил».

Для каких же целей может быть мобилизована (или самомобилизована) современная молодежь, какие направления общественной деятельности наиболее привлекательны для нее? Респондентам была предложена ситуация, в которой они являлись руководителями гипотетической общественной организации и должны были выбрать сферу ее деятельности. Вполне ожидаемым результатом стали предпочтения деятельности по физическому совершенствованию молодежи (42%), организации досуга (36%) и объединению сверстников в клубы по интересам (27%). Но молодежь показала себя (по крайней мере, на уровне заявленных позиций) открытой, внутренне готовой к «гражданскому участию» в разрешении важных общественных проблем современности, связанных с экологией, наркоманией, молодежной преступностью (36%), в подготовке сверстников к профессиональной деятельности, будущей «взрослой» жизни (32%). Причем предпочтение делается малым формам организаций, охватывающим молодежь либо города (38%), либо района (34%), масштабные организации регионального и федерального уровня не имеют особой привлекательности для респондентов.

В последнее время высшая российская власть активно вторгается в различные сферы общественной жизни, распространяя на них свое управляющее воздействие, подрывая независимую активность граждан в этих сферах. Не обойдены своим вниманием и общественные движения, для которых был организован «гражданский форум». Однако задолго до этого внимание власти было обращено на молодежь, причем российская власть, прекрасно защищенная от воздействия общества, вряд ли ищет поддержки молодежи сегодня, скорее всего, идет мобилизация молодежного ресурса на будущее. Поэтому весьма важно выяснить, в какой мере современная молодежь через участие в определенных

политических движениях может стать фундаментом возможного авторитарного общества в будущем.

Значительное количество респондентов вступили бы в объединения, подобные «Идущим вместе», если бы в таких организациях устраивались досуговые мероприятия (49%) и были бы гарантированы вознаграждение, помощь в учебе (25%). Всего лишь 8% из числа опрошенных отказались от участия в таких организациях при любых условиях. К сожалению, это позволяет констатировать, что, используя разнообразные административные и финансовые ресурсы, политические технологии, современная российская власть имеет потенциальную возможность мобилизовать достаточно широкие массы молодежи. Но современные молодые россияне обладают важным внутренним «резервом самосохранения», который заключается в их направленности на саморазвитие, досуг, объединения по интересам, решение общественных и специфических молодежных проблем, что может стать серьезным препятствием на пути к вовлечению молодежи в авторитарные движения. Ведь всего лишь 7% респондентов вступили бы в подобные организации в силу их «необходимости», 41% отметили важность и необходимость оппозиционных организаций и 21% высказались за то, что молодежных движений в поддержку власти не должно быть вообще.

Трудности формирования гражданского общества в нашей стране связаны помимо всего прочего и с тем, что общественные организации пока не могут выполнить свою мобилизующую функцию; не имея возможности привлечь массы людей, они не оказывают серьезного влияния на общество, а их тяжелое материальное положение зачастую ставит их в зависимость от властных структур. Гражданский форум 2001 года не только не содействовал решению проблем общественных организаций, но создал опасность вмешательства государства в «горизонтальные коммуникации» и формирования им регулирующего воздействия на гражданские сообщества.

Для мобилизации любой социальной группы необходимо найти эффективный идентификационный принцип¹, особенно, если речь идет о такой разнородной в культурном и социальном плане группе как молодежь. Наиболее эффективным принципом была бы поколенческая идентификация («мы – молодежь, носители нового и т.д.»), но зачастую этот принцип не срабатывает, так как многие из молодежных организаций созданы и управляются лицами старшего поколения, чиновниками и т.д. Поэтому формирование гражданского общества в нашей стране зависит от развития сети именно независимых *молодежных* организаций.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля.

1. В чем заключаются особенности общественных организаций?
2. В чем сложности типологизации общественных организаций?
3. Какие виды общественных организаций можно выделить?
4. Какие классификации общественных организаций вы знаете?

¹ Бурдые П. Социология политики. – М., 1993. С. 60-61.

5. Ряд исследователей выделяют в качестве ключевого признака общественных организаций их дистанцированность от власти и политического вмешательства. Прокомментируйте.
6. В чем особенности развития российских НКО на современном этапе?
7. С чем связан резкий рост числа НКО в России на рубеже 80-90-х гг. XX века?
8. Какие недостатки в деятельности современных российских НКО вы могли бы выделить?
9. Что вы знаете о Гражданском форуме и каково ваше отношение к данному мероприятию?
10. Могут ли современные НКО являться фактором формирования культуры гражданственности? Ответ обоснуйте.
11. Каково отношение молодежи к общественным организациям?

6. ПРОФСОЮЗ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ

План:

1. Профсоюз в современном российском обществе
2. Профсоюзы и проблемы социального партнерства
3. Особенности деятельности профсоюза сферы образования
4. Профсоюз как фактор формирования культуры гражданственности

Основные понятия темы:

«Третий сектор», ассоциации, профсоюзы, функции профсоюзов, традиционные профсоюзы, трансформация профсоюзов, социальное партнерство,

6.1. Профсоюз в современном российском обществе

В институциональном плане гражданское общество представляет собой сеть, переплетение добровольных независимых ассоциаций (организаций и слабоорганизованных движений), объединяющих граждан и выражающих их разнообразные интересы. Предполагается, что эти структуры способствуют обретению прав, самовыражению (самореализации) и самостоятельности граждан, их коллективному участию в принятии и осуществлении решений. Одновременно эти ассоциации опосредуют отношения граждан с государством. Гражданское общество противоположно аморфному обществу («населению»)¹.

Одной из самых массовых и влиятельных ассоциаций такого рода является профсоюз. Представляется обоснованным следующее определение профсоюза, базирующееся на обобщении двухвекового опыта: «Добровольное, независимое от нанимателя и государства объединение наемных работников для защиты их экономических интересов, прежде всего в отношениях с нанимателями путем коллективных переговоров. Обладая такими качествами, выполняя наряду с экономической функцией и на ее основе также политическую и «социальную», профсоюз может активно действовать в гражданском обществе, добиваться его преобразования. В самом общем виде, несколько упрощая, роль профсоюзов в гражданском обществе можно определить как надделение наемного работника правами, создание из него гражданина. Эта роль исключительно важна, хотя бы потому, что в странах Запада, как и во многих других, включая Россию, наемные работники составляют основную массу населения»².

История развития российских профсоюзов шла несколько по-иному. Возникнув в начале века как самостоятельные организации трудящихся, в советское время они изменили содержание своей деятельности и, в определенной мере, утратили свою организационную самостоятельность. И, по определению В.Я. Саленко «... они окончательно превратились по характеру своей деятельности и внутрисюзной работы в партийно-государственную организацию, в составной элемент сформировавшейся командно-административной системы, в придаток партийного и хозяйственного аппарата. В профсоюзах возобладали чисто аппаратные методы работы. Система профсоюзов - организаций по своей

¹ См.: Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1988. С.104

² Там же . С. 105

природе самодеятельных - стали напоминать хозяйственное министерство с его разветвленной структурой, приказной системой, отчетностью и единоначалием. Произошло огосударствление профсоюзов. Соответственно в корне изменилось (по сравнению с традициями мирового профсоюзного движения) и функциональное содержание деятельности профсоюзов»¹. И тогда - в определенной мере - существовала защита работников от произвола или нарушения трудового законодательства: контроль за соблюдением трудового законодательства (опротестование приказов администрации, работа комиссий по трудовым спорам); решение задач охраны труда и техники безопасности т.п. Но профсоюзы занимались и вполне определенными функциями: производственно-массовой работой (социалистическим соревнованием, производственными совещаниями, наставничеством и др.), детскими пионерскими лагерями, вели оздоровительную работу, организовывали санаторно-курортное лечение, занимались социальным страхованием (оплата пособий, больничных листов), распределением жилья, культурно-массовой и спортивно-массовой работой (кружки, смотры художественной самодеятельности, детские и юношеские спортивные школы, спортивные секции) и многим другим, практически «всем». По подсчетам Саленко В.Я. количество этих функций доходило до 170, но защита трудовых прав и интересов трудящихся отступила на второй и даже третий план². Выполняли эти функции многочисленные общественники при минимальном количестве функционеров, что было хорошей школой воспитания и приобретения организаторских качеств, умения работать в коллективе и с коллективом.

Многофункциональность – свойство профсоюзов, как и большинства крупных ассоциаций гражданского общества. Если основная деятельность профсоюзов носит экономический характер, то другие функции расширяют диапазон воздействия профсоюза и его роль в обществе. Эта многофункциональность распространяется и на ряд социальных пунктов, которые, безусловно, остались, хотя профсоюзы отказались от многих функций, выполнявшихся ранее, понимая, что это не их дело. Но к большему (отказаться от вопросов оздоровления работников, детского отдыха, выделения материальной помощи и т.п.) профсоюзы пока не готовы: социальная функция профсоюзов будет существовать всегда, но для России она будет трансформироваться только тогда, когда заработная плата будет обеспечивать насущные потребности работника. Но, двигаясь по пути понимания важнейшей функции профсоюзов – экономической, большое внимание стали уделять заключению коллективных договоров, тарифных соглашений и соглашений по охране труда, участвовать в разработке и принятию различных документов, определяющих оплату и условия труда.

На забастовочной волне начали возникать новые, альтернативные профсоюзы, которые не смогли ни вытеснить, ни заменить традиционные профсоюзы. Изменения коснулось, безусловно, всех профсоюзов. Под воздействием изменяющихся условий в обществе, социально-экономических реформ начали меняться и профсоюзы. Есть несколько взглядов на традиционные профсоюзы.

¹ Саленко В.Я. Профсоюзы как организационная система// Социально-гуманитарные знания, 2000. № 4 С. 92.

² См.: Там же. С. 94.

Например, Саленко В.Я. утверждает: «Нельзя согласиться с определением организаций, объединенных в Федерацию независимых профсоюзов России - ФНПР, как «псевдопрофсоюзов», только на том основании, что, число членов этих профсоюзов падает и ФНПР испытывает финансовый кризис. Возникшие «новые», или, как их еще называют, альтернативные профсоюзы, и сегодня несравненно малочисленнее традиционных, что не позволяет им набрать необходимый общественный вес. Традиционные профсоюзы, благодаря быстрой перестройке, становятся реальной организацией социальной защиты трудящихся»¹.

Не только устоял, но и ведет активную деятельность профсоюз образования, который сделал шаг вперед по пути своего развития. Это касается и добровольности, и независимости, хотя они, конечно, присутствуют в разной мере, но важно, что они есть, т.к. без этого профсоюз не может выполнять свою основную, главную функцию - защиту экономических интересов. В уставе профсоюза эта функция определена как защита социально-экономических интересов работников отрасли. Но для повышения своей роли в современном обществе ставится вопрос о решении нескольких взаимосвязанных задач. Прежде всего, профсоюзы, должны завершить процесс обретения полной самостоятельности, независимости от государственных, хозяйственных структур, процесс самоорганизации и самоутверждения в качестве эффективно функционирующего института гражданского общества. В соответствии с современными научными представлениями основными критериями гражданского общества выступают: независимость образующих его структур от государства и добровольное объединение членов общества в ассоциации и организации для реализации своих интересов и потребностей.

Перестройка, оставив профсоюзы «одинокими», заставила их переосмыслить свою деятельность. Налицо изменение функций профсоюзов. Несмотря на то, что сейчас существует множество партий, которые претендуют на звание защитников народа, влияние профсоюзов на современную жизнь значительно сильнее, т.к. «местные ячейки политических партий сосредоточены в основном на решении своих локальных задач: обеспечении успеха партии в ходе очередных выборов. В промежутках между выборами их активность резко снижаются, а то и совсем сходит на нет»².

Профсоюзы работают постоянно с той корпоративной средой, интересы которой они выражают, и естественно, что их влияние на свою среду гораздо сильнее, чем влияние партий, как сегментов гражданского общества.

Конечно, нельзя не согласиться с мнением ряда авторов, что существуют серьезные причины, затрудняющие освоение профсоюзами своей роли в создании гражданского общества в России. В широком плане – это крайне медленное продвижение к «нормальному» цивилизованному рынку, в том числе и к рынку рабочей силы, и к утверждению демократических начал в обществе и государстве. В более конкретном плане - это далекая от завершения трансформация большинства профсоюзов, отсутствие навыков и умения осуществлять деятель-

¹ Саленко В.Я. Указ.соч. С.95.

² Алексеева Л.М. «Третий сектор» и власть //ОНС. 2002. № 6. С. 53.

ность в относительно свободной демократической среде, зависимость большинства низовых профсоюзных организаций от непосредственного нанимателя – руководства предприятия или учреждения¹.

Степень воздействия профсоюзов на гражданское общество, зависит от ряда взаимосвязанных факторов:

- сила профсоюзов, в свою очередь связанная с рядом объективных и субъективных обстоятельств;
- понимание лидерами и активистами профсоюзов задач и путей их решения;
- развитость и характер самого гражданского общества;
- характер, роль и состояние государства;
- социально-экономическая, социально-психологическая и политическая обстановка.

Заметна слабость Российских профсоюзов, несмотря на высокий процент трудящихся, формально в них состоящих. Слабо представлено в профсоюзах о том, на что должна быть направлена их деятельность, какими должны и могут быть в нынешней сложной и тяжелой обстановке их стратегия и тактика. Это объясняется тем, что российские профсоюзы как *профсоюзы* очень молоды и неопытны. Гражданское общество в России только начинает складываться. И в институциональном плане, и с точки зрения «гражданского духа» оно остается еще очень неразвитым. Еще один момент, определяющий воздействие профсоюзов на гражданское общество, – характер, роль и состояние государства. Оно пока не проводит социал – либеральную политику. Сложности отстаивать трудовых права в судах. Возникает «теневой рынок труда»: к частному предпринимателю уходят наиболее квалифицированные кадры, и профсоюзы туда, как правило, не допускаются. Угроза потерять работу висит над значительной частью трудящихся. Можно отметить еще криминализацию промышленных отношений: несоблюдение трудового законодательства, правил охраны труда и техники безопасности, невыплаты зарплат, запугивание профсоюзных активистов. Все это не способствует ни становлению гражданского общества, ни повышению роли профсоюзов в этом процессе.

В литературе отмечается еще один момент слабости гражданского общества в России: распыленность, слабость контактов между сегментами гражданского общества, в том числе и профсоюзами.

Но происходящие в обществе изменения: демократизация, рыночные механизмы регулирования, появление частной собственности, смена собственников, смена технологий, рост требований к самостоятельности личности и предприятий – объективно потребовали изменений и в структуре профсоюзов, и в целях и задачах, которые они ставили перед собой. И потенциал воздействия российских профсоюзов на «складывание гражданского общества, на его характеристики» начинает реализовываться.

Из т.н. «традиционных» профсоюзов одними из первых поняли ситуацию профсоюзные организации сферы образования. В начале 1990 годов изменилась

¹ См.: Гражданское общество в России: структуры и сознание. С. 92

структура отраслевого профсоюза. Во-первых, Профсоюз работников народного образования и науки России стал самостоятельным, во-вторых, добровольно вошел в Федерацию Независимых Профсоюзов России, причем голосование по этому вопросу шло во всех территориальных организациях профсоюза, в-третьих, был принят в международную организацию - Интернационал работников образования. Россия ратифицировала большинство документов Международной Организации труда.

Сами профсоюзы начали объединяться. Примером может служить создание различных Ассоциаций профсоюзов. Например, Ассоциация профсоюзов непродушенной сферы РФ, которая создана для наиболее оптимальной защиты социально-трудовых прав трудящихся бюджетного сектора экономики и возглавляемая председателем ЦК Профсоюза образования и науки РФ. Ассоциация студенческих профсоюзных организаций вузов РФ защищает интересы студентов. Это новые институты гражданского общества, но в рамках профсоюза. Поэтому профсоюзы в отличие, скажем, от «третьего сектора» гражданского общества, хотя и сами являются составной частью этого сектора, имеют эффективный ресурс гражданского общества, т.к. имеют возможность не только привлечь внимание властных структур, но и противостоять власти в меру сложившихся обстоятельств.

Сложились правовые основы деятельности профсоюзов в новой России. Помимо Конституции, Кодекса законов РФ о труде, были приняты федеральные законы: “О коллективных договорах и соглашениях” (1992 г.), “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности” (1996 г.), закон “О порядке разрешения коллективных трудовых споров” (1995 г.), а также Основы законодательства Российской Федерации об охране труда, “О занятости населения в Российской Федерации”, законы Свердловской области о профсоюзах, социальном партнерстве.

Эта законодательная база позволяет профсоюзам не только работать в том круге проблем, которыми они занимаются, несмотря на то, что на местах и нарушают права профсоюза, но и выступать одним из «гарантов социального мира». Они последовательно добиваются осуществления экономического роста на основе твердой приверженности идеалам социальной справедливости. Этот принцип заложен в документах Организации Объединенных Наций, Международной Организации труда (МОТ), а также Всемирной встречи на высшем уровне в 1995 году в г. Копенгагене, на которой главы правительственных делегаций более 180 стран, включая Россию, взяли на себя обязательства:

- регламентировать продолжительность рабочего времени;
- осуществлять политику полной занятости и улучшения условий труда;
- гарантировать минимальную заработную плату, обеспечивающую удовлетворительные условия жизни;
- распространить социальное страхование на всех, кто в нем нуждается;
- обеспечить охрану жизни и здоровья всех трудящихся;
- признать и реализовать принцип “равная оплата за равный труд”;

- обеспечить реализацию профсоюзных свобод и прав на коллективные переговоры;
- обеспечить необходимые службы и меры для защиты благополучия детей и охраны материнства;
- защитить интересы трудящихся - мигрантов;
- организовать профессиональную и техническую подготовку в равных для всех условиях;
- охранять природу и ресурсы.

В современных условиях регулирование трудовых отношений и социальная защита трудящихся стали в центре экономической политики и управления на всех уровнях. И здесь особая роль принадлежит профсоюзам.

Можно отметить, что в деятельности профсоюзов появились новые формы защиты работников - это митинги, приостановка работы, забастовки. Наряду с шахтерами, которые в массовых масштабах использовали забастовки, по инициативе Профсоюза образования РФ за последние десять лет учителя, преподаватели вузов, студенты не раз выходили на площади городов, пикетировали здания городских, областных, федеральных властей с требованиями возврата долгов по заработной плате, повышении заработной платы не ниже прожиточного минимума, увеличения студенческих стипендий, прекращения развала образования, сохранения доступности образования и здравоохранения, против приватизации учреждений образования и т.п. И это были серьезные выступления бюджетников за свои права. Можно отметить размах Всероссийских акций протеста 27 марта 1997 года, 9 апреля и 7 октября 1998 года, которые стали самыми масштабными за всю историю профсоюзного движения Российской Федерации. Тогда требования профсоюзов активно поддержала почти половина всех российских граждан, занятых в экономике.

Необходимо отметить, что профсоюзы принадлежат к тому меньшинству институтов, составляющих гражданское общество, которые имеют "естественных" партнеров - противников в самом этом обществе. Для профсоюзов это работодатели. Ни одна организация не имеет такого тесного и необходимого противостояния - сотрудничества, противоречивого и конфликтного партнерства, как у профсоюзов с ассоциациями работодателей или теми крупными предприятиями, и, добавим, организациями и учреждениями, которые в последнее время все чаще строят отношения с профсоюзами самостоятельно¹.

6.2. Профсоюзы и проблемы социального партнерства

В условиях кризиса действенным средством решения социально-экономических проблем и регулирования противоречий между наемным трудом, работодателем и государством является социальное партнерство. Социальное партнерство по выражению французских социологов означает переход от «конфликтного соперничества» к «конфликтному сотрудничеству»². Эта способность профсоюзов и позволяет им решать вопросы заключения трехсто-

¹См.: Антикризисное управление. М.2000. С.363.

² См.: Там же. С.367.

ронней комиссией - Профсоюз (ФНПР) - Объединение работодателей - Правительство РФ - Генерального соглашения. В нашей отрасли - Отраслевое тарифное соглашение между Профсоюзом работников народного образования и науки РФ, Министерством образования РФ и Минфином, в вузе - между университетом в лице ректора и коллективом работников в лице профсоюзной организации. Начало этой работе положил Указ Президента «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров, конфликтов», (1991 г.), а в 1992 году в соответствии с этим Указом была создана Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений.

Высказывается мнение, что главная проблема в деятельности трехсторонней комиссии заключается в том, что профсоюзы и организации предпринимателей фактически не участвуют в выработке стратегий экономических и социальных реформ. Эти стратегии формируются узким кругом лиц. И в этом смысле важной частью политики профсоюзов в этой области является требование выполнения трехсторонней комиссией следующих функций:

- ведения переговоров по определению минимальной заработной платы;
- выработки критериев для повышения заработной платы на уровне отрасли или предприятия в рамках общегосударственной политики доходов и занятости;
- проведения консультаций и переговоров по трудовому законодательству и другим вопросам трудовых отношений;
- примирения и посредничества при общенациональных или крупных забастовках и конфликтах;
- совещательной роли при обсуждении общих вопросов экономической и социальной политики.

В развитых странах с рыночной экономикой под социальным партнерством понимается постоянный институционализированный диалог между наемными работниками и их профсоюзами, с одной стороны, и предпринимателями и их объединениями на различных уровнях - с другой. И взаимоприемлемые решения достигаются как коллективными переговорами, так и участием работников в управлении предприятиями через паритетные советы и комитеты. Кстати говоря, в вузах Свердловской области председатели, ряд членов профкомов являются членами Ученых советов вузов, а в ряде территорий – членами коллегий администраций городов и районов, которые и принимают важные стратегические решения, касающиеся деятельности вузов, территорий.

В России к этому сотрудничеству добавляется еще и государство, которое «является плохим арбитром между трудом и капиталом». Размытость роли государства как социального партнера - одна из причин незавершенности организационной структуры механизма социального партнерства. Об этом на III съезде Федерации Независимых Профсоюзов России в 2001 году говорил председатель ФНПР Шмаков М.В.: «Если еще до недавнего времени Российский Союз промышленников и предпринимателей был относительно аморфной структурой, то сейчас мы видим, что он на глазах превращается в реальный инструмент капитала. Мы почувствовали очень жесткую хватку представителей работода-

телей во время борьбы за Трудовой кодекс и в предпринимающихся сейчас попытках разрушить единый российский профцентр, и в возрастающем давлении, которое чувствуют на себе лидеры первичных профсоюзных организаций. Иллюзий быть не должно. Бороться на двух фронтах - и с государством, и с работодателем - сложно. Поэтому как можно скорее нам нужно завершить перевод государства в новое качество - посредника, разрешающего споры между капиталом и трудом. А для этого понадобится изменить и собственные подходы, и подходы соответствующих представителей государственной власти»¹.

Существует и еще одна важная причина этого: разобщенность профессиональных союзов по политическим признакам. Только всероссийских объединений профсоюзов насчитывается более 50. Только в ФНПР входит 36 всероссийских отраслевых профессиональных союзов.

Но социальное партнерство увязывается с гражданским обществом и в более широком смысле. В правовом государстве правит закон. Гражданское же общество добавляет еще одну составляющую - общественную мораль, когда невозможно сделать то, что порицает общественная общественное мнение. Вот общественные организации, в том числе и профсоюзы, и должны формировать эту мораль.

Но, если вернуться к специфическим свойствам профсоюза, то необходимо рассмотреть и такой аспект: профсоюзы и рынок. В литературе рассматривается отношение гражданского общества и рынка как оппозиционное. И, хотя, как считается, оно возникает по мере формирования рынка, опирается на него, способствует его развитию и совершенствованию, и в то же время во многом ему противостоит. В отличие от всех прочих институтов гражданского общества профсоюзы в силу своей базовой функции прямо участвуют в рыночной деятельности. Они выступают на рынке труда в качестве агента тех, кто продает свою рабочую силу нанимателю. Задача профсоюзов - не допускать снижения оплаты труда до того минимума, к которому ее сводит свободное и беспрепятственное функционирование рынка и "свободная конкуренция" между работниками, и, наоборот, повысить ее до уровня, допускаемого рынком. Это распространяется и на величину рабочего времени, на условия труда. Добиваясь этого, профсоюзы противоречат логике рынка. По этому поводу выразительно пишут американские авторы: «Если бы он (предприниматель) мог максимизировать свою прибыль, сократив число нанятых рабочих до нуля, он бы сделал это. Если бы он мог платить нулевую заработную плату, он был бы счастлив так поступить. Но он связан условиями предложения труда. Он имеет дело с профсоюзом»². Но это западная модель взаимоотношений. Именно там проявились институциональные формы сотрудничества профсоюзов и государства, которые открывают дополнительные возможности воздействия профсоюзов на гражданское общество.

В России исторически сложилось все по-другому: неразвитый рынок, профсоюзы, у которых еще много осталось от советских времен. Как отмечают

¹ Шмаков М.В. Доклад председателя ФНПР на IY съезде Федерации Независимых профсоюзов России. Приложение к газете «Солидарность». 2001. № 45. С. 1.

² Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. С. 116.

авторы монографии о гражданском обществе¹, в СССР не было ни работника, независимого во внеэкономическом отношении, ни независимых профсоюзов, ни - в юридическом смысле - конкретного нанимателя. Поэтому наемный труд существовал без сколько-нибудь полноценного рынка труда. Номинально наниматель почти всех работников был один - государство. Все основные условия работы устанавливались сверху.

Что же изменилось? Рынок труда начал складываться, но очень неравномерно. Причин этому, как отмечают авторы, несколько. В массах работников сильны старые привычки (что отражается и в профсоюзах). Влияет обстановка беззакония, невыполнение формально действующего законодательства в экономической области, в сфере труда. Особенно это характерно для нового частного сектора. Имеется такое уникальное в мировой практике явление как ежемесячная невыплата заработной платы, что побуждает работников и профсоюзы добиваться оплаты труда, а не вести «торг» за ее повышение. Слабы, не функционируют, нередко отсутствуют коллективные агенты рынка труда.

Все это еще предстоит преодолеть российским профсоюзам. Соглашаясь с тем, что перед ними стоят те же проблемы, что и перед профсоюзами других стран: борьба за сносную зарплату, за сохранение занятости и социальную защиту при потере работы, за сохранение основ государственного страхования, против произвола руководителей предприятий всех видов собственности, развитие элементов участия в управлении, авторы, тем не менее, считают, что традиционные профсоюзы не смогли помешать ни безработице, ни поляризации доходов в обществе. И только «новые профсоюзы» смогут это сделать, как и вести «торг» с работодателем.

Если говорить о сегодняшнем дне, то, рассматривая противоположную точку зрения², можно сказать, что это не совсем так. Традиционные профсоюзы, как уже отмечалось выше, быстро перестраиваются, становятся реальной организацией социальной защиты трудящихся. Коллективные договоры заключаются все на большем количестве предприятий. ФНПР разработала основные принципы, систему единой переговорной кампании, которая позволяет увязать всю последовательность работы по подготовке и заключению соглашений и коллективных договоров.

На ряде крупных предприятий, таких как АООТ «Уралэлектромедь», НТМК коллективный договор приближается к тарифному договору. В них уже просматривается «торг», так как определена минимальная заработная плата наиболее массовой профессии, которая в несколько раз выше установленной государством. И заработная плата всех остальных профессий рассчитывается, исходя из этого минимума. Свердловская областная организация профсоюза работников жилищно-коммунального хозяйства, бытовых и промышленных предприятий, например, заключила отраслевое соглашение с Ассоциацией ЭНО «Облкоммунэнерго», в котором определено, что минимальная месячная тарифная ставка рабочих первого разряда, отработавших полностью определен-

¹ См.: Там же. С. 119.

² См. Саленко В.Я. Указ соч. С. 95.

ную работодателем на тот период норму рабочего времени и выполнивших свои трудовые обязанности (нормы труда) устанавливается с 1 января 2002 года в размере 1400 рублей и ежеквартально минимальная месячная тарифная ставка индексируется на величину фактического индекса потребительских цен в РФ. (На 1 января 2002 года минимальная заработная плата в РФ была установлена в 450 рублей).

В Московском трехстороннем соглашении на 2003 год в обеспечении занятости населения города стороны обязуются: обеспечить увеличение производства промышленной продукции организациями города не менее чем на 4,5% по сравнению с предыдущим годом. В области создания благоприятных условий труда: обеспечить функционирование элементов экологического мониторинга по отдельным природным средам, радиологического мониторинга. В области оплаты труда: установить городской минимум оплаты труда с 1 января 2003 года -1500 рублей, во втором полугодии 2003 года довести его размер до 1800 рублей, обеспечив выход на уровень не менее 55% от прожиточного минимума трудоспособного населения. Сложнее говорить о тарифных соглашениях в вузах, т.к. это бюджетные учреждения. И, тем не менее, коллективные договоры заключены только в одной Свердловской области в 85,8% учреждений образования (школ, колледжей, вузов). В них прописаны такие разделы, как оплата труда, условия труда, время отдыха, отпуска, социальная защита работников, права профсоюзной организации и т.д. В большинстве договоров прописаны надбавки и доплаты из внебюджетных средств, которые вузы зарабатывают сами. По данным ФНПР¹ на 2001 г. свыше 80% предприятий имеют коллективные договоры.

Важно, что и отраслевые профсоюзы, в частности Профсоюз образования и науки РФ, уже много лет заключает Отраслевое тарифное соглашение с Министерством образования РФ при участии министерства финансов. Это очень важный канал воздействия на государственные структуры и его надо всемерно развивать. Более того, наличие "Отраслевого тарифного соглашения" позволяет учреждениям образования заключать более качественные коллективные договоры и этим поднимать права работников организации.

Без поддержки отраслевых профсоюзов достаточно сложно решать вопросы в первичных профсоюзных организациях. И с этих позиций важно организационное укрепление профсоюзов. Специалисты выделяют составляющие, в которых проявляется функционирование и развитие любой организации. Это:

- профессиональное формирования целей организации;
- выработка стратегии и тактики достижения этих целей;
- формирование организационной структуры;
- взаимодействие института власти и неформального лидерства;
- механизмы и процедуры принятия решения;
- механизмы обратной связи;
- формы персональной и групповой ответственности;
- механизмы стимулирования;

¹ См. : Шамаков. М.В. Указ соч. С. 1,3.

- обеспечение социальной защиты;
- формирование и обеспечение имиджа организации¹.

От того, насколько последовательно и взаимосвязано осуществляются эти процессы в организации, зависят ее целостность как системы, возможности ее развития и перехода к уровню самоорганизации. Соответственно и профсоюз, как организация, сможет наиболее полно реализовать свою социальную роль. Между тем, наши профессиональные союзы (речь идет о ФНПР), в годы охватившего их кризиса и последующего сложного реформирования оказались ослабленными в организационно-структурном отношении. «Независимость» региональных и отраслевых объединений и дальше по цепочке - первичных профсоюзных организаций - привело к тому, что финансовых средств для решения общенациональных задач стало явно недостаточно. А ведь именно центральные профсоюзные органы способны решать наиболее сложные проблемы на законодательном и государственном уровнях.

6.3. Особенности деятельности профсоюза сферы образования

Сильный профсоюз для сферы образования сейчас важен как никогда: перед коллективами преподавателей, ученых, профсоюзными организациями встали вопросы решения непростых задач. Это и вхождение Российской высшей школы в Европейское образовательное пространство, вступление в Болонский процесс; это и определение статуса высших учебных заведений; это и развитие инновационной деятельности вузов и интеграция научной и учебной работы; это и обеспечение качества подготовки специалистов, в том числе и за счет улучшения материально-технической базы вузов; и общественно-профессиональная аккредитация образовательных программ. Не менее важны и социальные вопросы: повышение уровня социальной поддержки и защиты студентов и педагогических работников, налогообложение вузов, повышение заработной платы, гарантированное отраслевое пенсионное обеспечение и медико-социальное страхование, сохранение санаториев-профилакториев, вузовских клиник, улучшение жилищного положения сотрудников, ипотечное кредитование жилья. Не последнюю роль играет и поднятие социального статуса преподавателя, ученого, сотрудника вуза.

Профсоюзы в России поняли и еще одну вещь – надо переходить к политическим методам работы (и пользоваться такими средствами как приостановка работы, забастовка в самом крайнем случае). Для российских профсоюзов - это новый поворот и деятельности. Хотя подобно многим структурам гражданского общества профсоюз (в общем плане) выходит в политику, хотя это имманентно ему не присуще. Профсоюзы отдельных стран прибегают к политическим средствам решения своих социально-экономических задач или решения крупных общих задач, а также поддерживая ту или иную партию.

Необходимо отметить, что именно Профсоюз образования и науки Свердловской области стал инициатором создания в 1992 году общественного избирательного Объединения работников образования и студентов Свердловской

¹ См.: Саленко В.Я. Указ. Соч. С. 98.

области, когда стало понятно, что, прорабатывая требования профсоюзов к властям города и области, без помощи депутатов городского и областного советов не обойтись. Годом раньше, на волне демократии и громких обещаний прошли первые демократические выборы. Но работа с этими депутатами показала, что если профсоюзы хотят чего-то добиться для своих членов, то должны иметь своих представителей в законодательной власти, где издаются законы, делится бюджет. Профсоюз учителей в США, например, рассматривает участие и проведение избирательной кампании первостепенной задачей своей деятельности. Поэтому важен и интересен такой механизм работы и лоббирования интересов работников образования - через Общественное избирательное Объединение работников образования и студентов.

Члены Объединения - работники школ, вузов, техникумов, дошкольных учреждений, студенты вузов, обком профсоюза работников народного образования и науки Свердловской области.

В уставные обязанности Объединения входят:

- защита прав, чести и достоинства работников образования;
- формирование общественного мнения о необходимости поддержки образования;
- участие в избирательных кампаниях в органы власти различного уровня;
- взаимодействие с представительными органами власти в решении проблем образования (с целью реализации законов РФ об образовании;)
- взаимодействие со средствами массовой информации;
- подготовка проектов нормативных документов по проблемам образования и их реализация через представителей Объединения в органах власти;
- организация регулярных встреч депутатов с педагогической общественностью и студенческой молодежью.

Деятельность Объединения строилась из того, что решение экономических проблем невозможно без опережающего разрешения социальных проблем, негативно воздействующих на молодежь. В связи с этим, Объединение стремилось к расширению своей социальной базы, активно привлекая к своей работе жителей области - родителей учеников, студентов вузов. Представители Объединения работают более чем в 60 городах области. По примеру Свердловской области в Санкт-Петербурге, Красноярске, других городах России стали возникать подобные Объединения. Разве это не пример участия профсоюзов в создании новых институтов гражданского общества? Можно говорить и о том, что это один из способов формирования культуры гражданственности работников образования, а не только политической культуры, т. к. Объединение занималось широким спектром вопросов, касающихся, в том числе, прав работников образования, воспитания культуры в широком смысле, формирования общественного мнения по вопросам образования, привлекая к этой работе студентов вузов, родителей учеников школ.

Общественное Объединение, активно работая с депутатами, смогло провести через Областную Думу областной закон об областном 1% сборе на нужды образования, в результате исполнения которого в сфере образования только за

два года его действия было привлечено около 200 млрд. (неденоминированных) рублей. За счет этих средств в Свердловской области финансировались программы «Строительство и ремонт сельских школ», «Школьный автобус», «Поддержка вузов и техникумов», «Библиотеки вузов и техникумов».

По инициативе и при активном участии Объединения была проведена Всероссийская конференция «Проблемы финансирования образования в 1997 году», в которой приняли участие депутаты Совета Федерации и Государственной Думы РФ. В результате федеральный бюджет на нужды образования был увеличен на два триллиона рублей.

Объединение активно поддержало ряд депутатов во время выборов и работало с депутатами разных уровней: городского и областного. Есть и определенные результаты: введена компенсация родителям - работникам бюджетной сферы за содержание детей в ведомственных детских дошкольных учреждениях, снижены тарифы на коммунальные услуги для учреждений образования федерального подчинения, увеличены минимальные областные нормативы на содержание школ и дошкольных учреждений, выделялись дополнительные средства на летний отдых детей. Члены Объединения приняли участие в разработке проекта областного закона об образовании.

Таким образом, Объединение, настаивая на принятие законов «Об обеспечении государственных гарантий права граждан на общее образование», «О статусе учителя», отстаивая приоритетность образования, закрепление механизма ответственности государственных органов за образовательные учреждения, создание реального механизма правовой и экономической ответственности органов власти за нарушение трудовых прав работников бюджетной сферы, в том числе и за задержку заработной платы, выстраивала цепочку нового подхода к работе с разными ветвями власти, расширяя тем самым возможности профсоюза образования.

Объединение на практике подтвердило выводы, что есть два направления воздействия профсоюзов как института гражданского общества на государство. Во-первых, защита в органах законодательной и исполнительной власти социально-экономических интересов членов профсоюза, и, во-вторых, прямые выступления на государственном уровне в пользу «непрофсоюзных» слоев населения: детей, студентов и т.п. Таким образом, используя политическую сферу для решения своих экономических задач, есть возможность добиваться от исполнительной власти уступок, распространяющихся на широкие круги населения, т.е. «косвенно» выполнять функцию ассоциации гражданского общества, активность которой направлена на благо всех: исполнение «общественной», социальной функции. Особенно это можно отнести к Профсоюзу образования и науки, т.к. система образования пронизывает все сферы жизни общества, всю жизнь человека. Кроме того, система образования обеспечивает национальную (технологическую, экологическую, экономическую) безопасность, обороноспособность любой страны. Можно привести ряд примеров, когда требования профсоюзов шли на общую пользу. Профсоюзы требовали не допустить отмены уральского коэффициента, который имеют все жители Урала, в том числе, и пенсионеры, довести минимальную заработную плату до прожиточного мини-

му, восстановить обязательное социальное страхование работника на базе страховых взносов, вернуть обязательное страхование от безработицы, не допустить необоснованного повышения тарифов на электроэнергию и коммунальные услуги. Профсоюзы выступают против повышения пенсионного возраста, снятия ответственности государства за систему образования, против непродуманной поспешной реформы образования, за равенство прав и возможностей женщин и мужчин, и т.д. Это далеко не полный перечень требований, выставляемых профсоюзами, которые касаются всего общества.

В мировом сообществе сложилось устойчивое мнение, что воспитание и образование являются основным приоритетом любого государства, и именно государство несет ответственность перед обществом за решение этой задачи. Пути ее решения могут быть разными, но наилучший результат достигается, когда государство действительно и на практике реализует этот приоритет.

Кроме того, образование воздействует на национальные традиции всего общества, моральные принципы, патриотизм той части общества, которая включена в систему экономического и государственного управления и во многом определяет приоритеты и цели управления в государстве. Если учесть, что теперь за время жизни одного поколения людей успевает смениться несколько поколений техники и технологий, то сегодня информационные технологии воздействуют на тенденции социально-экономического развития. Образовательная система государства служит средством передачи всей совокупности социальной информации о предшествующих поколениях будущему. Через образовательные системы опыт прошлого переносится в объективные социальные процессы настоящего. Общественное понимание объективности информации, ее приоритетности и упорядоченности осваивается в процессе образования, посредством формирования культуры мышления конкретных людей, чье поведение определяет основные черты логики социального поведения.

Цели образования и методы обучения в совокупности с идеологическими установками, которые закладываются в сознание обучаемых, задают в перспективе стиль мышления, логику социального поведения, формируют моральный облик членов общества. Поэтому можно сказать, культура гражданственности закладывается еще в школе.

Развитием Российского образования, безусловно, озабочен Профсоюз Работников народного образования и науки РФ. На заседаниях Пленума ЦК профсоюза, Координационных совещаниях председателей профсоюзных организаций вузов федеральных округов неоднократно шла речь о том, что реформа проходит в условиях перехода экономики на рыночные отношения, в условиях глубокого кризиса всей системы общественных отношений, в условиях массовой безработицы, роста цен, невостребованности выпускников образовательных учреждений, попытки приватизации вузов, явно заниженных оценок труда учителей, преподавателей по сравнению с другими секторами экономики, отсутствием целенаправленной кадровой политики.

В последние годы приняты по своей сути программные документы: «Федеральная программа развития образования», Национальная доктрина образования в РФ, одобрена Концепция модернизации российского образования, вве-

ден в действие Трудовой кодекс. Реализуется Отраслевое тарифное соглашение. Если учесть, что в сфере образования учится и работает свыше 40 миллионов человек, то понятно, насколько это важно. И в этом контексте представляет интерес любое корпоративное объединение, которое помогает решать все эти вопросы. В качестве такой общественной организации работников образования выступает и Профессорское собрание, которое впервые было создано в Свердловской области по инициативе и с участием профсоюза образования.

Профессорское собрание ставит своей задачей не только противодействие развалу системы высшего образования, но и создание регулярно действующего профессорского клуба, в котором можно было бы духовно обогатиться в дискуссиях с людьми, близкими по мироощущениям и интересам. Члены профессорского собрания выступают с лекциями, собирают вокруг себя людей, с которыми делятся своими идеями, взглядами. Все вышесказанное позволяет с определенностью сказать, что профсоюз образования помимо социально-защитной функции - компенсаторной, или тактической, начал выполнять и стратегическую инновационную функцию, т.е. работать на перспективу.

6.4. Профсоюз как фактор формирования культуры гражданственности

В большинстве источников отмечается политическая незрелость граждан, их разобщенность, неспособность к объединению, и, тем самым, невозможность противостоять власти. Поэтому призыв «объединяться» актуален и сейчас. Разговаривать с властью, можно только объединившись. Профсоюзы, несмотря на то, что их обвиняют в зависимости от власти, на самом деле выполняют объединительную функцию.

Россия идет семимильными шагами, проходя тот путь, который прошел Запад за два века своей истории, на порядок быстрее. Конечно, профсоюзам еще предстоит пройти длительный и трудный путь, прежде чем у нас утвердятся гражданское общество современного типа -- социальное и демократическое, признающее ценности людей наемного труда. Профсоюзам для достижения этой цели предстоит добиться не только усиления и упрочения своих позиций, но также осознать важность расширения круга своих интересов и деятельности. Государство, правительство, если они действительно заинтересованы в формировании у нас в стране гражданского общества, должны заботиться о создании законодательных и иных условий для свободного развития демократического профсоюзного движения. Создание гражданского общества должно быть и в интересах государства, которое хотело бы идти по пути развития демократии, и видеть в людях не винтиков большого механизма, а самодостаточных личностей, которые могли бы формировать общественное мнение и тем самым, влиять на бизнес, исполнительную власть и т.д. Традиции, привычки, взгляды людей за такой короткий срок не изменить. Необходимо работать с людьми, прививать им правовую грамотность, учить их жить «самостоятельно», уходить от иждивенческих привычек, владеть юридическими навыками самозащиты.

Если проследить основные функции гражданского общества: интеграция социума, введение социальных конфликтов в цивилизованные рамки; производи-

рование норм и ценностей, которые затем скрепляет своей санкцией государство; образование среды, где формируется общественно - активный индивид, то нас интересует в большей степени среда, в которой и формируется гражданин. К этому можно добавить функцию воздействия на государство; формирования его в соответствии с демократическими нормами и интересами граждан. В узком понимании гражданское общество основывается на ценностях личной независимости, обеспечения прав граждан, прежде всего, его собственности.

Широкое понимание гражданского общества соотносит его и с тем, что принадлежит коллективистским или групповым тенденциям: «Становление гражданского общества в Европе происходило через различного рода коллективистские структуры - свободные города, ремесленные гильдии, коммун и корпорации»¹.

Подлинная личность возникает только на базе группового сознания - таков вывод из опыта европейской истории. Об этом, например, точно сказал выдающийся немецкий философ К. Ясперс, противопоставляя “народ” “массе” атомизированных индивидов. «Народ, - писал он, - внутренне упорядочен, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях... Человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основанием»²[6]. Но не только «народ», но и более локальная социокультурная общность (община, гильдия, город и т.п.) также может являться «основанием» и опорой для личности. Вопрос лишь в том, чтобы групповые формы солидарности не подавляли индивидуальность человека, а способствовали ее проявлениям. Безусловно, опорой для личности является любая положительно настроенная организация, и в этом смысле профсоюз действительно является той опорой, на которую может опереться человек, в которой он может почувствовать себя гражданином.

Мало наделить работника определенными правами, надо его еще научить ими пользоваться. Поэтому профсоюзы и придают большое значение обучению членов профсоюза и, прежде всего, профсоюзного актива. Раньше человек получал организационные навыки, «работая» в различных общественных организациях – профсоюзе, комсомоле, ДОСААФ, наконец, был активистом КПСС. Сейчас получить навыки этой работы можно только в профсоюзе. Причем, получить такие навыки работы с людьми, в коллективе, которые приходят только с большим опытом работы. Этот полученный профсоюзный опыт незаменим и в карьерном росте людей. Поэтому, если говорить о месте профсоюза в гражданском обществе, то, прежде всего надо говорить о подготовке сознания людей к этому обществу, (а для России это важная задача), о формировании культуры гражданственности работников образования. И в этом смысле у Профсоюза образования большое поле деятельности. Реализуется это через многие факторы, в том числе и учебу профсоюзного актива, которая вбирает в себя различную тематику. Практикуется многоуровневая учеба. Если говорить о низовых первичных организациях, то программа «Кадры» реализуется в виде се-

¹ Беляев Л.А. Теория организации. М. 1997. С 48.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.19878. С. 48.

минаров, лекций, на которых рассматриваются вопросы гражданского права, Трудового законодательства, информационная работа (информационные бюллетени, информационные листки, газета «Мой Профсоюз» и т.п.), знакомство и разъяснение работникам закона «Об образовании», пенсионной реформе и множество других вопросов.

Анализируя годы перестройки, видно, как менялась тематика обучения, как постепенно доводились до сознания сотрудников их права и возможность их защиты. Много внимания уделялось подготовке и заключению коллективных договоров, причем вовлекались в процесс обсуждения практически все работники университета, т.е. шло обучение приемам коллективных переговоров. Порядок подготовки коллективного договора подтверждает это.

Первый этап - подготовка предложений факультетами, управлениями, подразделениями; **второй этап** - анализ и обобщение предложений, которым занимается комиссия по КД профкома сотрудников. **Третий этап** - это оценка предложений, высказанных сотрудниками, администрацией университета. **Четвертый этап** - согласование проекта Коллективного договора на согласительной комиссии администрации и профсоюзного комитета. **Пятый этап** - обсуждение проекта КД, сбор замечаний на факультетах, в подразделениях. **Шестой этап** - подготовка окончательной редакции проекта КД профкомом и согласительной комиссией. **Седьмой этап** - принятие Пленумом профкома студентов коллективного Соглашения между администрацией и профкомом студентов. **Восьмой этап** - конференция коллектива университета утверждает коллективный договор, Соглашение по охране труда и коллективное Соглашение между администрацией и профкомом студентов. Таков восьмимесячный марафон принятия коллективного договора, который во многом определяет защиту работников на 3-х летний срок. Это ли не учеба для работника?

Определенный интерес представляет учеба профсоюзного актива по вопросу: «Участие профсоюзного актива в производственной деятельности коллектива университета», на которой рассматриваются основные направления производственной работы профактива, как основополагающей деятельности (организация учебной работы и научного процесса, нормирование учебной нагрузки ППС; материальная база учебного процесса, компьютеризация учебного процесса). Для того, чтобы правильно оценить свою роль в требованиях к администрации, профактив, безусловно, должен иметь более общее представление о ряде вопросов, и как эти вопросы решаются в государстве. Одним из таких вопросов является оплата труда в Российской Федерации и его социально-экономические последствия (современное состояние оплаты труда, в том числе в бюджетной сфере, правовые аспекты оплаты труда, новое в налогообложении физических лиц), которые были рассмотрены на одном из семинаров профсоюзного актива университета.

Другой важный вопрос: что из себя представляет внебюджетная деятельность учреждения, какие локальные акты необходимо разрабатывать (Положения, нормативные документы и т.д.). Немаловажна для работников разработка предложений по улучшению работы, условий труда и быта ППС и УВП.

Для развития этих основных направлений с целью повышения эффективности деятельности профсоюзной организации и подготовки к заключению нового коллективного договора необходимо понимание наиболее крупных проблем образования, т.к. решение задач участия и роли в производственной деятельности работников профсоюзной организации университета возможно только на основе анализа реальной обстановки и тенденций в системе профессионального образования в РФ, анализа ситуации в производственной деятельности коллектива университета и действий в этой сфере системы управления.

Изучение вопросов охраны труда в вузе (правовые основы, обязанности работодателя и работника, принципы организации работ по охране труда, порядков допуска работника к работе, расследование несчастных случаев на производстве, контроль за состоянием охраны труда со стороны профсоюзной организации, Соглашение по охране труда) позволяет определить права и обязанности сторон трудового договора – работника и работодателя в очень важном деле – сохранение здоровья и жизни в процессе работы. Часть работы профсоюза касается вопросов, которые остались еще с советских времен, но от которых профсоюз пока отказаться не может. Это работа детских комиссий профбюро (организационные вопросы, массовые мероприятия, детский отдых), жилищно-бытовых комиссий профкома и профбюро (перспективы улучшения жилищных условий, требования к оформлению списков на улучшение жилищных условий и др.)

Надо отметить, что если учеба профсоюзного актива проводится продуманно, системно, то, безусловно, должна дать свои плоды, и, прежде всего, это совместная выработка (разработка) предложений по улучшению труда и быта сотрудников. Это позволяет каждому члену профактива реализовать свои личностные возможности, расти карьерно.

Если говорить о втором уровне обучения, об областной организации профсоюза образования и науки, то учеба председателей территориальных и вузовских организаций строится также в соответствии с программой «Кадры». В программе семинаров, помимо вопросов профсоюзной работы, рассматриваются вопросы менеджмента, имиджа лидеров профсоюзных организаций, формирования корпоративной культуры, психологии общения и другие.

Менталитет работников таков, что некоторое потребительское отношение ко всему происходящему в обществе досталось еще от советской системы, и люди не привыкли к тому, что надо учиться защищать свои права самим. Появление нового метода правового регулирования трудовых отношений, в частности, появления особого способа защиты трудовых прав – самозащиты, факт примечательный. Работник и работодатель рассматривается как равноправные партнеры. Самозащита предполагает проявление правовой активности, инициативы работников. Но этих знаний работнику негде взять, кроме профсоюза. Работодатель вряд ли будет учить этому. И в этом смысле профсоюзы это школа борьбы за свои права.

Поэтому, чтобы учить, а, значит, защищать права членов Профсоюза в условиях реализации задач, стоящих перед учреждениями профессионального образования, нужна сильная и авторитетная профсоюзная организация. Глав-

ным рычагом в достижении намеченных целей, задач, безусловно, становится социальное партнерство: заключение и реализация различного уровня соглашений, колдоговоров, регулярное ведение переговоров в интересах членов Профсоюза. В Трудовом кодексе РФ усилен блок по социальному партнерству. Необходимо тщательно разобраться с применением статей Трудового кодекса - это еще одна возможность более действенной защиты прав людей.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект. Профсоюз потому и называется профессиональным союзом, что объединяет людей одной профессии, или, по крайней мере, какое-то корпоративное сообщество. Поэтому вопросы выживания отрасли, развития отрасли – первейшая задача профсоюза. А отрасль – это, прежде всего, люди. И если брать образование – то роль Профсоюза образования в реформировании отрасли резко возрастает. Ведь именно профсоюз встал на защиту отрасли, и отслеживает реформу образования, придавая ей большое значение. Очень важны вопросы повышения квалификации работников отрасли, что должно сопровождаться повышением заработной платы. В среде учителей это выдерживается: квалификационные категории предполагают определенную надбавку. У преподавателей вузов прибавка к зарплате определяется, практически, при защите кандидатских или докторских диссертаций и последующего получения звания доцента или профессора. Единая же тарифная сетка по оплате труда бюджетников мало стимулирует дальнейшее повышение квалификации: разрыв по должности между разрядами очень невелик. Вот здесь большое поле деятельности профсоюзов. В УГТУ-УПИ для повышения качества и эффективности учебной, методической, научной и воспитательной работы, творческой активности преподавателей по различным видам деятельности, направленным на рост эффективности учебного процесса, стимулирования труда профессорско-преподавательского состава проводятся, например, профессиональные конкурсы: «Лучший преподаватель», «Лучшая учебно-методическая работа», «Лучшее научное издание». Такие же конкурсы периодически проводятся на факультетах и территориальных подразделениях УГТУ-УПИ. Определяется рейтинг кафедр и факультетов по основным видам деятельности. Все это способствует повышению профессиональному мастерству преподавателей. Победители стимулируются материально.

Очень важен вопрос: как профсоюз защищает права и свободы членов профсоюза. Надо отметить, что законодательная база для этого, как отмечалось выше, есть. Если говорить об общегосударственном масштабе, то это выступление против ухудшения положения работников, проведение массовых акций протеста, оказание давления на работодателей. Профсоюз образования нацелен на «коллективный торг» с нанимателем, т.е. с государством. Под угрозой массовых акций протеста, вплоть до забастовки, власти были вынуждены оставить единую тарифную сетку по оплате труда, приостановив переход на отраслевую систему оплаты труда на условиях, которые выдвигало Правительство РФ, на неопределенное время. На несколько лет удалось приостановить изменение статуса учреждений образования. Низовые первичные и территориальные профсоюзные организации большое внимание уделяют укреплению юридических служб. Профсоюзы Свердловской области инициировали ряд обращений в

суды, часть из них выиграна. Проводятся бесплатные юридические консультации в учреждениях и с выездом в территориальные организации профсоюза. На страницах газеты Профсоюза образования и науки РФ «Мой профсоюз» - постоянная рубрика – «Консультация». Работают комиссии по трудовым спорам, выносятся определения по приказам администрации, противоречащим ТК.

Практика работы последних лет профкомов учреждений профессионального образования свидетельствует о востребованности профсоюзных организаций, повышении их роли в отстаивании прав работающих и обучающихся. И права Л.М.Алексеева, отмечая, что «По широте охвата проблем и интересов граждан с «третьим» сектором не могут соперничать ни политические партии, ни СМИ, ни бизнес», т.е. неполитические общественные организации имеют громадный людской ресурс, который используется пока слабо. «А ведь объединение – самый эффективный ресурс гражданского общества»¹. И в этом смысле профсоюзы имеют реальный шанс в полный голос заявить себя ассоциацией, представляющей гражданское общество.

Но надо иметь ввиду следующее: чрезвычайно важно, как отмечают авторы исследования «Гражданское общество в России: структуры и сознание»: социокультурная основа, на которой базируется процесс формирования гражданского общества - общества свободных и социально ответственных индивидов. Анализ показывает и тяжелое наследие прошлого в том, что касается традиций гражданственности, социальной ответственности, демократизма, постепенное преодоление прошлого, и медленность, мучительность этого преодоления. Неинтегрированность общества мешает развитию подлинного плюрализма, которые зачастую заменяется взаимным противостоянием. Тем не менее, плюрализм в российском обществе уже реален, свобода выбора расширилась. России не заказана движение к гражданскому обществу и правовому государству, но на перепутье, на котором она находится, чрезвычайно остро стоит вопрос о социальных и политических субъектов этого движения. От их выбора, инициативы, энергии, собственно и зависит, реализуются ли эти возможности или произойдет новый, чреватый роковыми последствиями срыв.

Вопросы для обсуждения и самоконтроля

1. Что такое «третий сектор»?
2. Каково место и роль профсоюза в «третьем секторе»?
3. В чем проявляются новые функции профсоюзов?
4. Что такое социальное партнерство?
5. В чем специфика деятельности профсоюза в сфере образования
6. В чем специфика деятельности профсоюза в сфере образования?
7. Должны ли профсоюзы участвовать в политической деятельности?
8. В чем проявляется роль профсоюза как фактора формирования гражданского общества?

¹ Алексеева Л.А. Указ соч. с. 53.

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ

1. Методологические подходы к феномену гражданского общества.
2. Античный полис как исторически первая форма гражданского общества.
3. Функции гражданского общества.
4. Специфика западной и незападной модели гражданского общества.
5. Эволюция гражданского общества на Западе.
6. Концепция гражданского общества Э. Геллнера.
7. Соотношение западного опыта и собственных социокультурных традиций в становлении гражданского общества в незападных странах.
8. Роль государства в становлении институтов гражданского общества в западных странах.
9. Понятие гражданская культура.
10. Гражданское общество в СССР: миф или реальность?
11. Гражданское общество в тоталитарном государстве?
12. Оживление структур гражданского общества в период перестройки.
13. Двухполюсная модель гражданского общества Ю. Хабермаса.
14. Модель гражданского общества З. Баумана.
15. Правозащитное движение на Западе.
16. Экологическое движение на Западе.
17. Дialeктика личности и группы (общества) в процессе становления гражданского общества.
18. Динамика гражданского общества в современной России.
19. Функции институтов гражданского общества.
20. Сущность, структура и функции гражданского общества.
21. Этапы становления современного гражданского общества.
22. Политические партии как институт гражданского общества.
23. Становление гражданского общества и социальная стратификация.
24. Гражданские ассоциации и государство.
25. Гражданское общество и государство.
26. Свобода как базовая ценность гражданского общества.
27. Гражданское общество как объект социологического познания.
28. Гражданское общество как феномен цивилизации.
29. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества.
30. Демократия и гражданское общество.
31. Гражданское общество: мировой опыт и проблемы России.
32. Гражданское общество в России: история и современность.
33. Гражданская культура и стабильность демократии.
34. Гражданин против государства.
35. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан.
36. Капитал социальный и человеческий.
37. Какой гражданин нужен России?
38. Культура гражданственности.
39. Гражданское общество и модернизация России.
40. Индивид и гражданское общество.

41. Гражданское общество и перспективы демократии в России.
42. Политическая культура и демократия в России.
43. Формирование гражданского общества.
44. Власть и гражданское общество в современной России.
45. Гражданское или корпоративное общество?
46. Гражданское общество и правовое государство.
47. Ценности постсоветского человека.
48. Самоопределение «третьего» сектора в гражданском обществе России.
49. Права человека в условиях становления гражданского общества.
50. Движение к гражданскому обществу: российский вариант.
51. Конфликты гражданского общества.
52. Культура власти российской элиты.
53. Между гражданским обществом и авторитарным государством.
54. Гражданственность и гражданское участие.
55. Гражданская активность населения.
56. Концепция гражданского общества.
57. Ценности века: свобода и нравственность.
58. Трансформация ценностей российского общества.
59. Гражданские ассоциации и государство.
60. Современные тенденции молодежной культуры.
61. Современная концепция прав и свобод гражданина.
62. Гражданское общество эпохи НТР.
63. Власть, бизнес и гражданское общество.
64. Концепция гражданского общества: истоки и вехи формирования.
65. О правах человека и гражданина.
66. Государство и гражданин: кто выше?
67. Интеллигенция и проблема формирования гражданского общества.
68. Гражданское общество как культурная форма социальной системы.
69. Либеральные ценности в сознании россиян.
70. Власть и элита в обществе без гражданского общества.
71. Переход от традиционного общества к гражданскому.
72. Ростки новой гражданской культуры.
73. Гражданское общество в политическом измерении.
74. Гражданское общество как идея.
75. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации.
76. Формирование институтов гражданского общества.
77. Воспитание гражданской идентичности.
78. Факторы гражданской социализации молодежи.
79. Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России.
80. Социокультурный подход к гражданскому обществу.
81. Современные западные концепции гражданского общества.
82. Концепции гражданского общества в отечественной социологии.
83. Инвариантные и вариативные характеристики культуры гражданственности
84. Феномен культуры.
85. Современные концепции культуры.

86. Измерения культуры.
87. Культура гражданственности в системе культуры.
88. Культура гражданственности личности.
89. Структура культуры гражданственности личности.
90. Молодежь как ресурс культуры гражданственности.
91. Социокультурные характеристики современной российской молодежи.
92. Ценностные ориентации современной российской молодежи.
93. Политические стереотипы и ориентации современной молодежи России.
94. Правовая культура современной российской молодежи.
95. Доверие молодежи социально-политическим институтам.
96. Гражданин как субъект культуры гражданственности.
97. Общественные организации как фактор культуры гражданственности.
98. Общественные организации в современном российском обществе.
99. Гражданское общество и «управляемая демократия».
100. Профсоюз как фактор формирования культуры гражданственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.Н. Многопартийность в современной России: тенденции, проблемы, общественные потребности. - М.: Магистр. 1997.
2. Авинери Ш. Партии, социально-культурная медиация//Политические исследования, 1994, №1. С. 141-147.
3. Авцинова Г. И. Гражданское общество в России: проблемы и перспективы//Власть, 2001, №2. С. 25-28.
4. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический анализ//Социологические исследования. 1993. №3. С. 75-85. (Так же: Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический анализ//Политология. Хрестоматия. – М., 1999. С. 588-600.)
5. Азаров Н. И. Взаимоотношения морали и политики//Социально-политический журнал. 1997. №4. С. 116-129.
6. Айвазян А. А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ). Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Екатеринбург. 2001.
7. Алексеева Л. М. «Третий сектор» и власть//Общественные науки и современность, 2002 №6. С. 52-58.
8. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций//Политология. Хрестоматия. – М., 1999. С. 559-576.
9. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Политические исследования. 1992, №4. С. 122-134.
10. Анимидза Е.Г., Заборова Е.Н. Гражданская активность населения: ТОСы в системе местного самоуправления. - Екатеринбург, 2000.
11. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб, 1997.
12. Апресян Р. Г., Гусейнов А. А. Демократия и гражданство//Вопросы философии. 1996. №7. С. 3-16.
13. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований//Политические исследования. 1995. №3. С.48-57.
14. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – 672 с.
15. Аригин А.Н. Государство для человека//Общественные науки и современность. 2000. №6.
16. Аристотель. Политика. Афинская полития. - М.: Мысль. 1997.

17. Артемьев В. М. Ценности нового века: свобода и нравственность//Социально-гуманитарные знания. 2002, №4. С. 163-175.
18. Аршинов В. И., Савичева Н. Г. Гражданское общество в контексте синергетического подхода//Общественные науки и современность. 1999. №3. С. 131-138.
19. Ачкасов В. А., Елисеев С. М., Ланцов С. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. – М., 1996 – 125 с.
20. Баталов Э. Советская политическая культура//Общественные науки и современность, 1994, №6. С. 32-41; 1995, №3. С. 60-70.
21. Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества//Политические исследования, 2000, №6. С. 51-65.
22. Беляева Н.Ю. Гражданские ассоциации и государство//Социологические исследования, 1995. №11. С. 109-114.
23. Бибков А. Т. Мораль в политике: насилие над господствующими//Политические исследования, 2002, №4. С. 112-120.
24. Бирюков Н., Сергеев В. Парламентская деятельность и политическая культура//Общественные науки и современность, 1995, №1. С. 66-75.
25. Блинов Н. Б., Ожегов Ю., Шереги Ф. Политическая культура и молодежь. – М., 1982. – 175 с.
26. Бобахо В. А., Левихова С. И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений//Общественные науки и современность, 1996, №3. С. 56-65.
27. Боботов С. В., Колесова Н. С. Современная концепция прав и свобод гражданина во Франции//Государство и право, 1992, №6. С. 135-136.
28. Богомолов О. Т. Политическая культура и демократия в России//Власть, 2001, №2. С. 3-6.
29. Бойцова Л. Гражданин против государства//Общественные науки и современность, 1994, №4. С. 42-50.
30. Бурганов А. Х. Гражданское общество в России как сословничество граждан//Социологические исследования, 2000, №1. С. 99-106.
31. Бурдые П. Социология политики. - М., 1993.
32. Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов//Вопросы философии, 2002, №5. С. 44-54.
33. Бутенко А.П. От коммунизма к формированию открытого общества в России (политические и правовые аспекты). - М.: Магистр, 1997.
34. Вайнштейн Г. Формирование гражданского общества в России: надежды и реальность//Мировая экономика и международные отношения, 1998, №5. С. 22-34.
35. Васильченко И. Идолы и идеалы российской политической культуры//Власть, 1999, №1. С. 65-68.
36. Васильев В. А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки//Социально-политический журнал. 1997. №4. с. 92-105.
37. Васильев В. А. К вопросу о толерантности в современной России//Социально-гуманитарные знания, 2000, №3. С. 249-262.
38. Васильчук Ю. А. Гражданское общество эпохи НТР//Политические исследования, 1991, №4. С. 4-20.
39. Ваторопин А.С. Политические ориентации студенчества//Социологические исследования, 2000, №6.
40. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
41. Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан//Государство и право, 1997, №2. С. 33-38.
42. Взаимодействие государства, бизнеса, некоммерческих организаций в России: типы, региональные примеры, проблемы. – Екатеринбург, 2002. – 60 с.
43. Вигунова Ю. И. Гражданское общество и демократические реформы в современной Мексике//Социологические исследования, 1995, №11. С. 114-123.
44. Виндельбанд В. Философия XIX века//Фауст и Заратустра. – СПб., 2001. – С. 31-70.

45. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Инерционность социокультурных процессов//Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – Нижний Тагил, 2003.
46. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Политические позиции молодежи//Проблемы социально-политического развития в современной России. – Челябинск, 1996.
47. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социальная инерция. К постановке проблемы//Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Пермь, 2002. С. 17-19.
48. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. – Екатеринбург, 1997. – 278 с.
49. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Молодежь и толерантность - совместимы ли они?//Молодежь XXI века: толерантность как способ восприятия. - Нижний Новгород, 2001.
50. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи - Нижний Тагил, 1995.
51. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Студент 90-х - социокультурная динамика//Социс. №12. 2000.
52. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т., Баранова Д. В. Молодежь: ресурсосберегающий подход//Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы. Сборник докладов. – Екатеринбург, 2001. С. 92-102.
53. Власть и общество в современной России: перспективы взаимодействия (Резюме дискуссии)//МЭМО. 2001. №12. С. 75-78.
54. Власть, бизнес и гражданское общество//Общественные науки и современность, 2002, №6. С. 33-51
55. Власть, бизнес и гражданские общество. – М., 2003. – 280 с.
56. Водолазов Г. Г. Дано иное: от номенклатурного социализма к номенклатурной демократии. – М., 1995.
57. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества//Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 77-91.
58. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика//Политические исследования. №3.2000. С. 104-118.
59. Володин А.Г. Гражданское общество и политика в России: смена парадигмы//Политические исследования. №6. 1998.
60. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейно-теоретические истоки и основные вехи формирования//Вопросы философии, 1991, №7. С. 19-35.
61. Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект //Политические исследования, 1991, №6. С. 69-83.
62. Гаджиев К. С. Размышления о политической культуре современной России//Мировая экономика и международные отношения, 1996, №2. С. 26-39.
63. Гайда А. В., Вершинин С. Е., Шульц В. Л. Коммуникация и эмансипация. – Свердловск, 1988. – 160 с.
64. Галкин А. А. Индивид и гражданское общество: российская специфика//Власть, 1999, №8. С. 33-39.
65. Гегель Г. Ф. В. Философия права//Немецкая классическая философия. Т. 1. Право и свобода. – М., Харьков, 2000. – С. 303-666.
66. Голенкова З. Т. Гражданское общество в России//Политические исследования. 1997. №3. С. 25-36.
67. Голенкова З. Т. и др. Становление гражданского общества и социальная стратификация//Социс. 1995. №6. С. 14-24.
68. Гончаров Д. В. По ту сторону негражданственности//Политические исследования, 2002, 35. С. 34-42.
69. Городецкая Е. И. Добровольное движение в США// Мировая экономика и международные отношения, 2001, №1. С. 78-86.

70. Городецкая И. Е. Благотворительные и другие добровольные организации Великобритании//Мировая экономика и международные отношения, 1994, №11. С. 147-161.
71. Государство и гражданское общество//Социально-политический журнал. 1997. №4. С. 146-159.
72. Гражданское или корпоративное общество?//Свободная мысль. 1998. №9-12. С. 118-127.
73. Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. Материалы научной конференции. - М., 2001.
74. Гражданское общество в России: структуры и сознание. - М., 1998.
75. Гражданское общество и перспективы демократии в России. - М., 1994.
76. Гражданское общество и правовое государство ("Круглый стол" журналов "Государство и право" и "Вопросы философии")//Вопросы философии. №1. 2002. - С. 3-51.
77. Гражданское общество: истоки и современность. - СПб., 2002. 296 с.
78. Гражданское общество: мировой опыт и проблемы России. - М., 1998.
79. Гражданское общество: теория, история, современность. - М., 1999.
80. Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода//Государство и право, 1998, №8. С. 114-119.
81. Гуревич П. С. Бессознательное как фактор культурной динамики//Вопросы философии, 2000. №10. С. 37-41.
82. Гусев А. Д. О правах человека и гражданина//Социально-гуманитарные знания. 2000. №3. С. 79-89.
83. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. - Минск, 1998. - 432 с.
84. Дахин В. Политическая культура и власть//Свободная мысль, 1996, №1. С. 16-26.
85. Демидова Л., Штейман И. Неприбыльный сектор в системе хозяйственных отношений в США//Вопросы экономики, 1994, №4. С. 70-80.
86. Денежкин А. Фактичность и значимость Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства//Хабермас. Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 181-207.
87. Денисов Ю. П. Почему россияне не принимают золотой середины, или об умеренности в политике//Политические исследования, 1996, №1. С. 177-180.
88. Дженусов А. И. Различия структур и уровней политической культуры//Социально-гуманитарные знания, 1999, №4. С. 108-121..
89. Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе// Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 5-21.
90. Дмитриева Т.Б. Государство и гражданин: кто выше?//Человек. 2001. №4. С. 67-74
91. Ерасов Б. С. Социальная культурология. - М., 1998.
92. Ерохов И. Л. О возможности политической морали//Политические исследования, 2002, №4. С. 121-134.
93. Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм//Вопросы философии, 1999, №2. С. 35-50.
94. Записоцкий А., Файн А. Эта непонятная молодежь. Проблемы неформальных молодежных объединений. - М., 1990. - 224 с.
95. Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: проблемы социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах//Вопросы философии. №10. 2001.
96. Зборовский Г. Е. Общая социология. - Екатеринбург, 2003.
97. Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений//Социологические исследования, 1990, №7. С. 68-90.
98. Зидентоп Л. Демократия в Европе. - М., 2001. - 360 с.
99. Зимон Г. Заметки о политической культуре в России//Вопросы философии, 1998, №7. С. 23-30.
100. Zubov A. Современное русское общество и civil society: границы наложения// Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 22-37.

101. Зубок Ю. А. Проблемы развития молодежи в условиях риска//Социологические исследования, 2003, №4. С. 42-50.
102. Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи//Социально-гуманитарные знания, 2003, №1. С. 147-162.
103. Зубок Ю.А. Молодежь между интеграцией и исключением: социально-экономический аспект//Социально-гуманитарные знания. №2. 2000. С. 183-198.
104. Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. На пороге гражданской зрелости. – Л., 1982.
105. Ильин Н.В., Кобаль Б. И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство//Политические исследования, 1992, №1. С. 139-201.
106. Иноземцев В. Л. «Вечные» ценности в меняющемся мире. Демократия и гражданское общество//Свободная мысль. 2001. №8. С. 42-61.
107. Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 2000. – 264 с.
108. Ионин Л. Б. Социология культуры. – М., 2002.
109. Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. – 416 с.
110. Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы//Социально-гуманитарные знания. 2000. №6.
111. Казаков Е. С. Гражданская культура как социокультурный феномен//Ученые записки НТГПИ. Вып. 1. – Нижний Тагил, 2001. С. 76-82.
112. Казаков Е. С. Культура гражданственности: теоретическая модель//Социология в российской провинции: теории и перспективы развития. – Екатеринбург, 2003. С. 92-100.
113. Казаков Е. С. Общественные организации: культурное измерение//Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – Нижний Тагил, 2003. С. 42-46.
114. Казаков Е. С. Современная российская молодежь как социальный ресурс формирования гражданского общества//Ученые записки НТГПИ. Т. 2., Ч. 1. – Нижний Тагил, 2002. С. 61-66.
115. Калинин И. К. К дискуссии о гражданском обществе//Социологические исследования, 2001, №4. С. 112-122.
116. Кант И. Метафизика нравов//Немецкая классическая философия. Т. 1. Право и свобода. – М., Харьков, 2000. – С. 12-302.
117. Капустин Б. Г. Различия между политической и частной моралью//Вопросы философии, 2001, №9. С. 3-24.
118. Капустин Б. Г., Клямкин И. М. Либеральные ценности в сознании россиян//Политические исследования. 1994. №2. С. 39-75.
119. Качанов Ю. Опыты о поле политики. – М., 1994. – 159 с.
120. Кертман Г. Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры//Политические исследования, 2000, №4. С. 6-18.
121. Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России//Социологические исследования, 2002, №12. С. 23-32.
122. Клочкова А. В. Правовое сознание студенческой молодежи: результаты криминологических исследований//Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998, №1. С. 78.
123. Коган Е. А. Социальная экология. Концепция ноосферы, экоразвитие и коэволюция//Социально-гуманитарные знания, 1999, №4. – С. 148-163.
124. Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург, 1992.
125. Коган Л. Н. Теория культуры. – Екатеринбург, 1993. – 160 с.
126. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. – 208 с.
127. Козлов А. А. Социальная динамика формирования гражданских и патриотических позиций молодежи в современном российском обществе (опыт социолого-исторического анализа). Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. – СПб. 2001.
128. Кон И. С. Социология личности. – М., 1967. – 383 с.
129. Кондор В. К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы//Вопросы философии. 1998. №7. С. 14-22.

130. Корациари Г. Этика и экономика: вопрос открыт//Вопросы экономики, 1993, №8. С. 17-27.
131. Костюк К. Н. Политическая мораль и политическая этика в России (к постановке проблемы)//Вопросы философии, 2000, №2. С. 32-42.
132. Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий//Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122-139.
133. Кочетков А. П. Гражданское общество: проблемы исследования и перспективы развития//Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки, 1998, №4. С. 85-97.
134. Кочетков А. П. Западные политологи о гражданском обществе// Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки, 1994, №2.
135. Кравченко И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии//Политические исследования, 1991, №5. С. 128-138.
136. Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации//Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. – СПб, 2000. С. 90-142.
137. Краснов В. А. Перспективы правового государства в России//Общественные науки и современность, 2003, №2. С. 56-66.
138. Крзтева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества//Социологические исследования, 1996, №4. С. 19-29.
139. Ку А. С. Парадокс – гражданское общество без гражданства//Соисс. 2003. №12.
140. Куда идет Россия? Общее и особенное в историческом развитии. – М., 1997.
141. Кудряшова М. С. К вопросу о перспективах гражданского общества в России//Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки, 2001, №5. С. 64-68.
142. Кузьмин М. Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека//Вопросы философии, 1997, №2. С. 57-70.
143. Лапин Н. И. Проблемы социокультурной трансформации//Вопросы философии. 2000. №5.
144. Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические ориентации и политические институты в современной России//Политические исследования, 1999, №6. С. 70-80.
145. Левада Ю. А. Homo post-soveticus//Общественные науки и современность. 2000. №6. С. 5-24.
146. Левин И. В. Гражданское общество на Западе и в России//Политические исследования, 1996, №5. С. 107-119.
147. Левчик Д. А., Левчик Э. Г. Типы политического поведения населения//Социологические исследования, 1997, №12. С. 24-34.
148. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме, критицизме//Вопросы философии. 1997, №11. С. 46-54.
149. Лекторский В.А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм//Вопросы философии. 2001. №4.
150. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции//Вопросы философии. 1996, №4. С. 15-25.
151. Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи)//Социологические исследования, 1998, №5. С. 98-104.
152. Лоткин В. В. Пути свободы в сложном обществе//Полис. 2003. №6.
153. Лотов Ю. В., Нестик Т. А. «Плохие» законы или культурные традиции//Общественные науки и современность, 2002, №5. С. 35-47.
154. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России//Социологические исследования, 2002, №10. С. 79-87.
155. Луман Н. Власть. – М, 2001. –256 с.
156. Люкс. Л. "Особые пути" - пути в никуда? - О крахе особых путей России и Германии в XX веке//Вопросы философии. №12. 2001. - С. 40-50.

157. Магомедов К. О. Гражданское общество и государство (теоретико-методологический анализ). – М., 1998.
158. Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура// Pro et Contra. Т. 4. №1. С. 113-128.
159. Мальвиль А.Ю., Никитин А.И. Ростки новой гражданской культуры//Политические исследования. 1991. №2.
160. Мамут Л. С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения//Общественные науки и современность, 2002, №5. С. 94-103.
161. Мамут Л. С. Какой гражданин нужен России?//Власть, 1998, №4. С. 445-53.
162. Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения//Общественные науки и современность, 1998, №6. С. 85-97.
163. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – 700 с.
164. Мангейм К. эссе по социологии культуры. – М., 1993.
165. Маркс К. К критике политической экономии/Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т.13. С. 1-167.
166. Маркс К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей: Фейербаха, Бауэра, Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков/Там же. Т. 3. С. 35.
167. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М., 1994. – 368 с.
168. Международные отношения: социологические подходы. – М., 1998.
169. Меренков А.В. Социология стереотипов. – Екатеринбург, 2000. – 290 с.
170. Мигولاتов А. А. Философия культуры//Социально-гуманитарные знания. 2002, №4. С. 68-76.
171. Модель И. М. ,Модель Б. С. Свобода как базовая ценность гражданского общества//Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. Вып. 2. - Екатеринбург, 2001. С. 107-128.
172. Модель И. М., Модель Б. С. Гражданский лидер крупным планом. – Екатеринбург, 2003.
173. Модель И. М., Модель Б. С. Правовая культура лидеров некоммерческих общественных объединений//Общественные науки и современность, 2003, №3. С. 45-52.
174. Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество в России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург. 1998.
175. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973. – 25,5 пл.
176. Морозова Л. А. Права человека в условиях становления гражданского общества//Государство и право. 1997. №10. С. 102-110.
177. Назаров М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст//Социологические исследования. 1999, №11. С. 41-48.
178. Народное представительство или управляемая демократия?//ОНС. 2003. №6.
179. Нечаев Д. Н. ФРГ: от «государства партий» к «государству общественных объединений»//Политические исследования, 2002, №2.
180. Нечаев Д. Н. ФРГ: принципы сотрудничества государства с неправительственными организациями//Мировая экономика и международные отношения, 2002, №12. С. 25-31.
181. Нугаев Р. М., Нугаев М. А. Общественная идеология как фактор становления гражданского общества//Социально-гуманитарные знания. 2003. №4.
182. Общество и политика: современные исследования, поиск концепций. – СПб. 2000.
183. Одинцова А. В. Гражданское общество: взгляд экономиста//Государство и право, 1992, №8. С. 98-109.
184. Олсон М. Роль нравственности и побудительных мотивов в обществе//Вопросы экономики, 1993, №8. С. 28-31.
185. Осадчая Г. И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная специализация//Социологические исследования, 2002, №10. С. 88-93.

186. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М., 2001. – 304 с.
187. Панин И. К. Демократия в России: противоречия и проблемы//Полис. 2003. №1.
188. Панкова Т.А. О становлении нравственных и гражданских позиций школьников//Социологические исследования, 2002, №5. С. 111-114.
189. Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы// Pro et Contra. Т. 4. №2. С. 144-160.
190. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000.
191. Перегудов С. П. Гражданское общество в политическом измерении//Мировая экономика и международные отношения, 2000, №1. С. 27-34.
192. Перегудов С. П. Гражданское общество: "трехчленная" или "одночленная" модель?//Полис. 1995. №3. С. 58-60.
193. Перегудов С.П. Институты гражданского общества и государство//Социологические исследования, 1995. №3.
194. Перегудов С.П. Новейшие тенденции в изучении взаимоотношений гражданского общества и государства//Политические исследования. №1. 1998.
195. Песчанский В. В. Становление гражданского общества: роль профсоюзов//Гражданское общество в России: структуры и сознание. – М., 1998. С. 79-88.
196. Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии//Политические исследования, 1998, №1. С. 36-51.
197. Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян//Общественные науки и современность, 2002, №6. С. 59-65.
198. Петухов В. В. Политические ценности и поведение среднего класса//Социологические исследования, 2000, №3. С. 23-33.
199. Петухов В. В., Пахомова Е. М., Седова Н. Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России//ОНС. 2003. №5.
200. Поливаева Н. П. Политическое сознание//Государство и право, 1993, №5, С. 129-138.
201. Политическая культура: теория и национальные модели. – М., 1994.
202. Полохало В. Негражданское общество как социополитический феномен Украины (Отражение социального характера "среднего" украинца в избирательном процессе)//Политические исследования, №6, 1999. С. 25-33.
203. Помазан А.Н., Седунова А.В., Ядова Е.Н. Социальный ресурс личности и идентификационные ориентации россиян//Социологические исследования, №12, 2001.
204. Попов В. Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния//Социологические исследования, 1998, №5. С. 72-83.
205. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. - М., 1992.
206. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. – М., 2000. – 320 с.
207. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 2001. – 312 с.
208. Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. – М., 1984. – 325 с.
209. Пуляев В.Т. Движение к гражданскому обществу: российский вариант//Социально-гуманитарные знания. 2000. №1.
210. Развивается ли гражданское общество в России//МЭМО. 1996. №4. С. 128-133.
211. Рап М. В. Идея открытого общества в современной России. – М., 1997. – 40 с.
212. Резник Ю. М. Гражданское общество как идея//Социально-гуманитарные знания. 2002, №4. С. 108-118.
213. Резник Ю. М. Гражданское общество как объект социологического познания//Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1995. №2. С. 30-46.
214. Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие//Социально-гуманитарные знания. 2002, №2.

215. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации//Социальное партнерство государства и неправительственных организаций как фундаментальный принцип гражданского общества. – М., 2000. – С. 74-104.
216. Резник Ю.М. Формирование институтов гражданского общества (социоинженерный подход)//Социологические исследования, 1994, №10. С. 21-29.
217. Резун, Д.Я. Может ли Россия построить открытое общество? (историко-культурный аспект). - М., 1997.
218. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – 160 с.
219. Рогова Г. В. Российские профсоюзы: компонент гражданского общества или корпоративно-бюрократическая система//Гражданское общество в России: структуры и сознание. – М., 1998. С. 99-125.
220. Розин В.М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии//Вопросы философии, №2, 2000.
221. Романенко Л. М. Гражданское общество в России уже есть, но...//Социологические исследования, 1994, №4. С. 12-16.
222. Романенко Л. М. Конфликты гражданского общества: экзистенциальная проблема современной России. – М., 1996.
223. Романович Н. А. Демократические ценности и свобода «по-русски»//Социологические исследования. 2002, №8. С. 35-39.
224. Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом//Политические исследования, 1999, №6. С. 93-104.
225. Руденкин В. Н. Гражданское общество в России: истоки и современность. - Екатеринбург, 2002.
226. Руденкин В. Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: субъектное и структурное измерения. Диссертация на соискание ученой степени доктора полит. наук. – Екатеринбург, 2002. – 330 с.
227. Рукавишников В. О. Какой Россия видится изнутри и издалека//Социально-гуманитарные знания, 2003, №3. С. 3-22.
228. Рукавишников В. О. Качество российской демократии в сравнительном измерении//Социологические исследования, 2003, №5. С. 3-22.
229. Рукавишников В. О. Политическая культура постсоветской России//Социально-политический журнал. 1998, №1. С. 43-53.
230. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. - М., 2000.
231. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Россия между прошлым и будущим//Социологические исследования, 1995, №5. С. 75-90.
232. Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования и молодежь. – М., 1988.
233. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России//Социологические исследования, 1998, №5. С. 90-98.
234. Ручкин Б.А., Родионов В.А., Пыжиков А.В. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества//Социально-гуманитарные знания. №1. 2000.
235. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России//Политические исследования, 1997, №1. С. 61-82.
236. Самсонова Т. М. Взойдет ли «заря гражданственности новой» над Россией?//Социально-политический журнал, 1998, №1. С. 19-32.
237. Саралиева З. Х-М., Балабанов С.С. Эмпирические показатели толерантности молодежи// Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия. - Нижний Новгород, 2001. С. 15-26.
238. Семененко И. С. Трансформация критериев самоидентификации в социокультурном и политическом пространстве: западная парадигма и российский контекст//Политические исследования, 2000, №3. С. 80-89.

239. Семитко А. И. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки//Государство и право, 1992, №10. С. 108-113.
240. Сергйчик С. И. Факторы гражданской социализации молодежи//Социологические исследования, 2002, №5. С. 107-111.
241. Серебряков С. Л. Гражданское общество, свобода, ответственность//Социально-гуманитарные знания, 20003, №3. С. 122-135.
242. Серебряков С. Л. Гражданское общество, свобода, ответственность// Социально-гуманитарные знания. 2003. №3.
243. Серебряков С. Л. Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России//Социально-политический журнал, 1995, №2. С. 97-105.
244. Сикевич З. В. Молодежная культура: «за» и «против». – Л., 1990. – 206 с.
245. Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России//Общественные науки и современность. 1996. №6.
246. Скоробогачкий В. В. Россия на рубеже перемен: новые пути и старые вехи. – Екатеринбург, 1997. – 304 с.
247. Смальков В. Г. Формирование гражданского общества//Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №4. С. 26-35.
248. Соловьев А. И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики//Политические исследования. 2002, №6. С. 6-17.
249. Соловьев А. И. Культура гражданственности. К новой парадигме//Свободная мысль, 1992, №7. С. 61-71.
250. Соловьев А.И. Три облика государства - три стратегии гражданского общества//Политические исследования, №3, 1996.
251. Социальный молодежи крупного индустриального центра. – Екатеринбург, Нижний Тагил, 1993.
252. Социальный портрет молодежи крупного индустриального центра (информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования). – Екатеринбург, Нижний Тагил, 1993. – 129 с.
253. Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя)/Отв. ред.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. – Нижний Тагил, 2000. – 123 с.
254. Степин В. С. Культура//Вопросы философии, 1998, №1., – С. 61-71.
255. Стерженева М. В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия//Общественные науки и современность, 2002, №5. С. 141-155.
256. Строгеецкий В. М. Культура и политические ценности. Античность. Запад. Россия. – М., 1997. – 48 с.
257. Студент-2003. – Екатеринбург, 2003.
258. Студент-95: социальный портрет. – Екатеринбург, 1995.
259. Студент-99. – Екатеринбург, 1999.
260. Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической организации России)//Политические исследования. №6.1999. С. 34-48.
261. Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды//Свободная мысль, 2000, №4. С. 40-53.
262. Тённос Ф. Общность и общество//Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 216-245.
263. Теория общества. - М., 1999.
264. Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели//Общественные науки и современность, 2001, №3. С. 30-40.
265. Токвиль А. де. Демократия в Америке. - М.: Прогресс. 1992.
266. Тощенко Ж. Т, Унтиков Т. Г. Развитие демократии и становление местного самоуправления//Социс. 2003. №8.

267. Тощенко Ж.Т. Метаморфозы современного общественного сознания//Социологические исследования. 2001. №6.
268. Турен А. Возвращение человека действующего. – М., 1998. – 204 с.
269. Тушина Г. М. Черты гражданского общества в средневековом европейском городе //Вопросы истории. 1999. №6. С. 125-135.
270. Федосеев А.А. Гражданское и политическое общество в России//Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1994. Вып. 1.
271. Федотова В. Г. Когда нет протестантской этики//Вопросы философии. 2001. №10. С. 27-44.
272. Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с точки зрения социологического институционализма/В кн.: Международные отношения: социологический подход. - М., 1999.
273. Флишберг Б. Хабермас и Фуко – мыслители для гражданского общества//Вопросы философии. 2002. №2. С. 137-157. (Так же: Флишберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества//Социологические исследования. 2000. №2.)
274. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1995 – 256 с.
275. Фромм Э. Душа человека. – М., 1998. – 664 с.
276. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
277. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма//Теоретическая социология. Антология. Т. 2. – М., 2002. С. 353-372.
278. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. - М., 1992.
279. Хлопин А. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива//Pro et Contra. Т. 2. №4. С. 60-76.
280. Хорос В. Г. Гражданское общество: как оно формируется (и формируется ли) в постсоветской России//МЭМО. 1997. №5. С. 87-98.
281. Хорос В. Г. Гражданское общество: общие подходы//МЭМО. 1995. №11. С. 49-59.
282. Червонная Л. Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании//Общественные науки и современность, 2002. №2. С. 127-135.
283. Чернов В. НПО в Беларуси: проблемы становления и развития//Мировая экономика и международные отношения, 2002, №12. С. 32-39.
284. Чик А. Единицы культуры//Общественные науки и современность, 2000, №2. С. 111-122.
285. Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство//Государство и право. 2002. №2. С. 5-13.
286. Чучин-Русов А. Е. Культурный плюрализм//Общественные науки и современность, 1996, №2. С. 165-174..
287. Шабанова М. А. Образ свободы в реформируемой России//Социологические исследования, 2000, №2.
288. Шапко В. Т. Актуальная культура (проблемы исследования)//Политика и культура. - Свердловск, 1991.
289. Шапко В. Т. Актуальная культура как социокультурное явление//Ученые записки НТГПИ. Вып. 1. Т. 1. - Нижний Тагил. 2001. С. 6-15.
290. Шапко В. Т. Измерения и полюса культуры//Ученые записки НТГПИ. Т. 2. Ч. 1. - Нижний Тагил. 2001. С. 12-19.
291. Шапко В. Т. Конкретно-социологические исследования культуры молодежи уральскими социологами (1970-1990 гг.)//Молодежь России: историко-социологический аспект. – Челябинск, 1991.
292. Шапко В. Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы//Большой Урал: XXI в. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1.: XIII Уральские социологические чтения. – Екатеринбург, 2001. С. 198.
293. Шапко В. Т. Тоталитаризм – культура – человек//Россия на пути к свободе: общество – культура – политика. Ч. 3. – Челябинск, 1992.
294. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры//Соисс. 1997. №10.
295. Шастико А. Модели рационального поведения человека//Вопросы экономики, 1998, №5. С. 53-67.

296. Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования, 1997, №5. С. 68-87.
297. Шимов Я. В. Гражданское общество и правящая элита в переходный период: чешский вариант // Политические исследования, 2001, №3. С. 149-159.
298. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Политические исследования. 1996. №5.
299. Шпакова Р. П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Политические исследования, 1994, №2. С. 169-174.
300. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования №9. 2001.
301. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – 416 с.
302. Шульце-Геверниц Г. Маркс или Кант? // Фауст и Заратустра. – СПб., 2001. – С. 71-115.
303. Щербинин А. И. Государь и гражданин // Политические исследования. 1997, №2.
304. Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования, 1997, №5. С. 127-137.
305. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики, 1995, №5. С. 97-107.
306. Этциони А. Политические процессы и моральные побуждения // Вопросы философии, 1995, №10. С. 72-84.
307. Юртайкин В. В., Дьяконова Н. А. Авторитаризм в системе установок американских и российских студентов // Социологические исследования. №9. 2001.
308. Якимец В. Н. Взаимодействие государства, бизнеса и некоммерческих организаций в России: типы, региональные примеры, проблемы. – Екатеринбург, 2002. С. 2.
309. Яницкий О. Н. Экологическая политика: роль движений и гражданских инициатив // Социологические исследования, 1994, №10. С. 10-20.
310. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1994.
311. Jeffrey T. Checkel. Norms, Institutes and National Identify in Contemporary Europe // International Studies Quarterly. 1999. #1 (43). S. 83-114.

Подписано в печать 15.09.2004 г. Формат 60х84 ¹/₁₆
Усл. п.л. 10,7. Тираж 100 экз. Заказ 5374-Т.

**Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии АМБ**

620144, г. Екатеринбург, ул. Фрунзе, 96.
Тел.: 269-55-74, 269-55-07, 269-55-08.